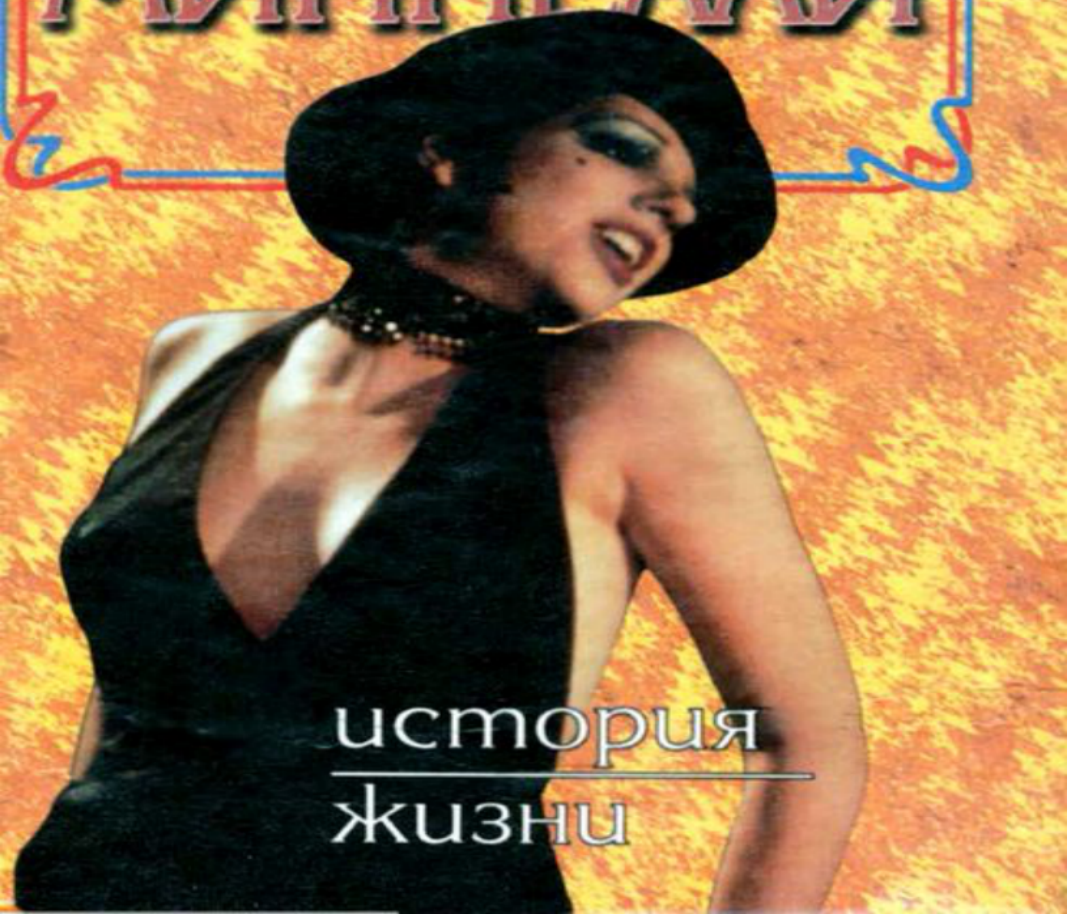
Джордж Мейр

ЖЕНЩИНА - МИФ

ЛАЙЗА МИННЕЛЛИ



история жизни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Джорджа Мейра — незабываемый портрет знаменитой Лайзы Миннелли, чье имя неразрывно связано с Бродвеем, американской эстрадой и кино. О личной жизни и сценической карьере, об успехах и провалах, о вкусах и привычках этой талантливой актрисы и певицы рассказывается на ее страницах. Перед читателем также предстанет нелегкий жизненный путь ее родителей — легендарных Винсенте Миннелли и Джуди Гарленд и многих других всемирно известных деятелей шоу — бизнеса.

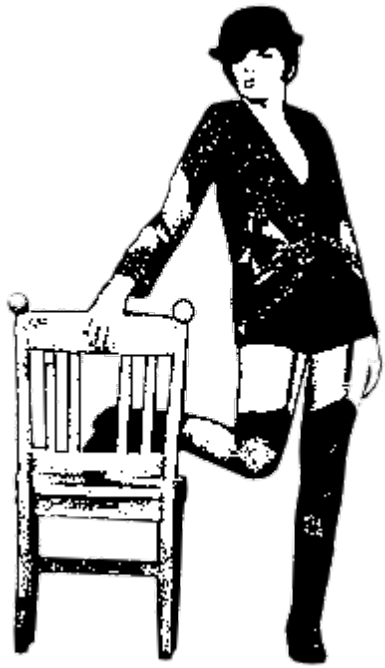
- Джордж Мейр
  - Решающий момент
  - И вновь родилась звезда
  - Что значит расти Лайзой
  - Между кино и съемками
  - Новый папа для Лайзы
  - И родилась очередная звезда
  - Решение на всю жизнь
  - Два дня, что перевернули их жизнь
  - Время Пуки Адамс
  - 1969 год — хуже не бывает
  - Жизнь продолжается
  - Жизнь как «Кабаре»
  - 1971 — более удачный год
  - Очаровательный Селлерс
  - Концерт в «Зимнем саду»
  - 1976 — год Бена и Джека
  - Ад в Мехико. Рай в Чикаго
  - Отец и дочь — совместное творение
  - Смена режиссера
  - Так живут толстосумы и развратники
  - Прощай, Джек — здравствуй, Марк
  - Артур и другие
  - 1983 — концерты и воспоминания
  - Выздоровление. Омоложение. Свобода
  - Лайза против Тины-Нины. Война за наследство
  - Время перемен
  - Печаль во времена СПИДа
  - Лайза — вчера и завтра
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4

Джордж Мейр
Лайза Миннелли

Посвящается самым юным звездам на моем небосклоне — внучке Шэннон Мейр и внуку Джеймсу Эбросу

Автор выражает признательность Хиллел Блэк — редактору, чье терпение и помощь способствовали созданию этой книги, а также своему литагенту Наташе Керн и ее помощнице Орионе Грин — благодаря им он успешно довел задуманное до конца.



Решающий момент

Это случилось вечером, 8 ноября 1964 года. В сентябре Джуди Гарленд готовилась к концерту в одном из своих любимых залов, лондонском «Палладиуме», перед своей самой любимой публикой — англичанами. По почте ей пришла новая пластинка ее дочери «Лайза, Лайза!», на которой среди прочих песен имелась и «Постарайся вспомнить» из «Фантастике». Джуди была потрясена тем, как дочь исполнила эту песню. Она тотчас позвонила Лайзе.

— А ты бы не хотела выступить со мной в «Палладиуме»?

— Ой, нет, что ты, — возразила та. — Это уж слишком — Джуди и ее чадо! Почему ты не хочешь петь одна?

Джуди, которая уже рисовала себе, какой фурор они произведут, выступив вместе, пустила в ход материнский авторитет, заявив, что не желает слышать никаких отказов. Лайза просто обязана выступить с ней вместе. Джуди повесила трубку, собрала вокруг себя лондонских репортеров и объявила, что 8 ноября они выступят дуэтом с дочерью. Билеты разошлись мгновенно, и организаторы тотчас же запланировали второй концерт. И снова билеты оказались распроданы в считанные часы. Через океан полетел еще один звонок: «Все распродано, до единого билета! Ну кто бы мог подумать!»

Дочери ничего не оставалось, как уступить, но мать вряд ли тогда могла предполагать, чем все это для нее обернется. И если имеется классический пример того, что значит открыть ящик Пандоры, то настоятельное желание Джуди видеть рядом с собой на сцене «Палладиума» дочь и есть та самая иллюстрация.

До отъезда в Лондон Лайза попросила своего однокашника по нью-йоркской школе актерского мастерства, Марвина Хэмлиша, сделать для нее несколько сольных аранжировок. 9 сентября Лайза прилетела в Хитроу, где ее встретил тогдашний муж Джуди, Марк Херрон.

Наступило 8 ноября, и впервые за всю их взрослую жизнь Лайза и Джуди вместе вышли на сцену перед забитым до отказа залом. Кто-то из английских критиков сумел тонко подметить атмосферу концерта:

«Временами возникало невероятное ощущение, будто в Лайзе вам виделась и слышалась Джуди Гарленд, какой она была двадцать лет назад».

Лайза выступила с восемью сольными номерами, Джуди исполнила десять. Вместе они спели двадцать песен, причем Лайза обратилась к матери с вариацией на тему «Хэлло, Долли»:

«Хэлло, мама, ты все растешь, мама… ты все еще сильна…»

Чувство, с каким она исполнила «Кто теперь жалеет?», заставило публику повскакивать с мест.

Буквально все в зале ощутили некий электрический заряд, в том числе и Джуди, которая наконец поняла, что ее собственная дочь заняла в сердцах слушателей положенное ей, певице с именем, место. Неожиданно для себя то же самое открытие сделала смущенная, испуганная и взволнованная Лайза. Своим выступлением она затмила собственную мать, заставив ее поблекнуть на фоне своей искрящейся молодости. Джуди тотчас перешла в контрнаступление — она попыталась оттеснить Лайзу на второй план, перебивала ее, а в какой-то момент попробовала даже бесцеремонно сплавить со сцены.

«В нашей семье жизнь всегда летела быстрей, чем у других, — скажет Лайза четверть века спустя. — За эти два часа мы прошли с ней такой путь, на который матери и дочери обычно требуются годы. Это было даже забавно, потому что, когда концерт только начался, я еще ничего не успела сделать. И вот я слышу ее полный гордости голос: «Дамы и господа! Лайза Миннелли». И я выхожу на сцену, пою, публике это нравится, мне слышно, как мама из-за кулис подбадривает меня: «Давай, давай, бэби! Молодчина, так дЬржать».

Но постепенно, после сольных номеров Лайзы и ее дуэтов с матерью, отношения между ней и Джуди стали совершенно иными. Когда по окончании концерта настал момент уходить со сцены, Джуди отправила дочь в гримерную. Лайза уже было собралась пойти туда, однако, обернувшись, увидела, что мать направилась обратно на сцену, чтобы в одиночку сделать положенный звезде последний поклон. И тогда что-то взорвалось в душе дочери, и она тоже бросилась к публике, чтобы поклониться в последний раз вместе с матерью. И если вначале на сцену еще вышли мать и дочь, то теперь они превратились в соперниц. Это был конец карьеры одной из них и начало карьеры другой.

«Когда я была молоденькой, — вспоминала Лайза, — я любила запрыгнуть на сцену, чтобы потанцевать, пока мама пела, и это было нечто естественное, спонтанное, нечто такое, что шло от души. Но в «Палладиуме» маме стало ясно, что у нее взрослая дочь, что я уже не ребенок. Уверена, что такой перелом наступает в отношениях любой матери и дочери. Но в случае с моей мамой это произошло на глазах восьми тысяч зрителей. Мама почувствовала во мне соперницу. Я была уже не Лайза, а другая женщина в ярком свете рампы».

Каждая из них повстречала свою судьбу, и с тех пор они

больше никогда не выступали вместе.

И вновь родилась звезда

Первым, кто нанес внзнт Лайзе, едва она только появилась на свет, был Фрэнк Синатра. Тем самым он как бы стал провозвестником ее будущего. А началось все в 7.58 утра 12 марта 1946 года в голливудской клинике «Ливанские Кедры». Лайза Миннелли, будущая звезда, осчастливила своим появлением на свет двух других звезд, Джуди Гарленд и Винсенте Миннелли. Никто в этой семье не был готов к тому, что произойдет с ними позднее.

Лайза появилась на свет при помощи кесарева сечения и весила 6 фунтов и 10,5 унций. Несмотря на все опасения Винсенте, что ребенок будет похож на него, малышка Лайза была просто прелесть, унаследовав огромные темные глаза отца и прекрасную кожу матери. Через несколько дней мать и дочь отправились к себе домой, в особняк на Эвансвью-Драйв, где к этому моменту для Лайзы уже была готова детская, которая стоила ни много ни мало 70 тысяч долларов.

Вот что значит родиться в Голливуде! То-то еще будет впереди! Для Джуди, уже считавшейся настоящей «звездой», рождение дочери ознаменовало важные перемены в ее жизни — гораздо более значительные, чем в жизни любой другой матери.

Крестными маленькой Лайзы стали Кей Томпсон, близко знакомая с Винсенте более десятка лет, и ее муж, Билл Спир. Кей и дальше будет играть важную роль в жизни Винсенте, Джуди и Лайзы. В четыре года она считалась вундеркиндом, в пятнадцать — вместе с сент-луисским симфоническим оркестром исполняла Листа, а в семнадцать — начала петь в местном джазе. В 1939 году ее заметили на Си-Би-Эс, пригласив на радиошоу, где она и познакомилась с Джуди Гарленд. Так началась их многолетняя дружба. Кей была из тех друзей, что неизменно готовы прийти на помощь в любой момент.

Кей помогала Джуди, когда та была беременна, подготовиться к рождению малыша. Как вспоминал позднее Винсенте: «Джуди занималась последними приготовлениями к операции, которую назначили на 12 марта. Переоборудование детской доведено до конца, приготовлено приданое новорожденного и выбраны крестные. Этой чести удостоились Кей Томпсон и Билл Спир, мои старые добрые знакомые».

Мир, в который пришла Лайза Миннелли, с радостью ожидал ее появления. Кей подарила Джуди в день рождения дочери браслет. Впоследствии Джуди и Лайза носили его попеременно, уверенные в том, что он приносит удачу.

«Если я умру первой, — говорила Джуди, — я бы хотела взять его с собой. Мне все равно, в каком платье меня похоронят, но мне бы хотелось оставить себе браслет».

Родись Лайза мальчиком, ее назвали бы Винсенте, но поскольку она родилась девочкой, мать с отцом дали ей имя Лайза в честь их старого доброго друга Айры Гершвина, который написал песню о Лайзе и Мей, матери Винсенте.

Лайза сразу прочно обосновалась в этом мире и, несомненно, имела большое будущее. Вот что, например, писал не чаявший в ней в ту пору души отец: «Вскоре мне было позволено взглянуть на нашу малышку. Разумеется, она была самой хорошенькой девочкой во всей палате. Все остальные вокруг нее были какие-то сморщенные, как старички, — так и хотелось вставить им в рот по сигаре на манер Эдди Манникма в студии. Лишь один ребенок здесь являл собой само совершенство — никаких морщин. А как она кричала! Заслушаешься, вот это голос!»

Что значит расти Лайзой

В раннем детстве Лайза редко оставалась одна, и если родители в чем и соперничали между собой, так это в том, кто окружит ее большим вниманием. Постепенно Лайза превратилась в неотъемлемую часть их профессиональной деятельности. Она играла с детьми других кинозвезд, таких, как Дин Мартин, Оскар Левант, Лана Тернер, Лорен Бэколл, Эдгар Берген, и многие из них, став взрослыми, избрали то же поприще, что и их родители.

Лайзе повезло — у нее был образованный, начитанный отец. По ее собственным воспоминаниям: «Папа читал мне перед сном всевозможные истории, начиная с Коллетт и кончая Гербертом Уэллсом. Он, бывало, рассказывал мне о Булонском лесе, причем так, что я представляла все, как наяву. Я любила отца больше всех на свете».

Винсенте с теплотой и любовью вспоминает, как возвращался домой к своей малышке:

«Лайза была просто прелесть — такая красавица! И все в ней буквально души не чаяли. Каждый вечер мы спешили домой, нам просто не терпелось вновь оказаться рядом с ней. Ее серьезность, какая-то недетская обстоятельность казались одновременно смешными и трогательными, особенно у такой крошки, как она. Лайзе было от рождения всего несколько месяцев, когда она научилась самостоятельно забираться по лестнице в детскую. Она с завидным упорством преодолевала ступеньки, чтобы присоединиться ко мне и Джуди, когда мы вдвоем потягивали за обедом «мартини». До двух лет Лайза предпочитала передвигаться ползком. Причем передвигалась она с такой умопомрачительной быстротой, что я был готов поклясться, что у нее там колеса».

Нелегкое это дело — расти дочерью кинозвезды и режиссера, ведь как непохожа их жизнь на жизнь простых людей! И тем не менее, как и все простые смертные люди, кинозвезды и режиссеры любят своих детей, обожают одаривать и развлекать их. Развлечения в семействе Миннелли включали даже миниатюрную железную дорогу, на которой можно было прокатиться вокруг дома и которая охранялась нарядом из расположенного поблизости полицейского участка. Бывали здесь и клоуны, и фокусники, разного рода циркачи; устраивались прогулки верхом на ослике и кукольные представления.

С рождением Лайзы, этой симпатичной куколки, в жизни Джуди произошли резкие, но вполне понятные перемены, которые самым драматическим образом сказались на ее последующей

карьере. Поначалу Джуди Гарленд трудилась, не ведая усталости, шла на любые жертвы и, как результат, превратилась в одну из самых ярких звезд американского кино — особенно после таких работ, как «Волшебник из страны Оз» и «Встретимся в Сент-Луисе». Невозможно было и шагу ступить, чтобы вокруг нее не собралась толпа поклонников, умоляющих об автографе. И она была вынуждена ездить на машине даже тогда, когда требовалось всего несколько минут ходьбы. Стоило ей заглянуть в какой-нибудь безлюдный ресторанчик, как в считанные минуты там уже яблоку было негде упасть, а поклонники то и дело подбегали к ее столику либо просто поздороваться, либо с просьбой оставить свою подпись на меню или салфетке.

Вся эта популярность пришлась на время рождения Лайзы. Неожиданно жизнь сосредоточилась на малышке, и кинозвезде пришлось довольствоваться второстепенной ролью при дочери. Разумеется, такими малоприятными вещами, как испачканные подгузники, занималась прислуга, но Джуди приходилось изображать из себя любящую мамочку. Более того, она дала себе клятву, что станет совершенно другой матерью — более любящей и нежной, — чем ее собственная родительница, Этель.

Отношения между Этель и Фрэнсис Гамм (а именно так ее звали на самом деле, пока комик Джордж Джессель не предложил ей переименоваться в Джуди Гарленд) из тесного родственного союза превратились в бездушное соглашение между менеджером и исполнителем. Этель направляла и подгоняла Фрэнсис, не давая ей никаких поблажек, а дочь, со своей стороны, изо всех сил пыталась угодить публике — собственно говоря, именно это и заботило Этель в первую очередь, этого она и добивалась. Спустя годы Джуди, урожденная Фрэнсис, подвела итог своему лишенному радостей детству: «Я была никому не нужна. Единственно, когда я ощущала себя кому-то нужной, это когда я пела на сцене».

Воспитание, полученное Лайзой, не шло ни в какое сравнение с детскими годами Джуди. Лайза стала для Винсенте и его жены поистине центром мироздания, и оба родителя были готовы дать дочери все, что только в их силах. Может быть, поэтому, немного повзрослев, Лайза начала держать себя несколько покровительственно по отношению к Джуди. Позднее Джуди пойдет по стопам собственной матери в отношении своих двух других детей, Лорны и Джои. Надо сказать, что с годами в характере Джуди произошли довольно странные перемены — к Лайзе она относилась как к взрослой, а двух других своих отпрысков считала трудными детьми.

Когда Фрэнсис случалось вести себя не так, как от нее

ожидалось, Этель добивалась от дочери послушания при помощи особенно жестокого, травмирующего детскую душу наказания. Независимо оттого, в каком из городов они находились, Этель, бывало, собирала свои вещи и, заявив Фрэнсис, что она, мол, дурная девчонка, оставляла ее одну запертой в гостиничном номере. Разумеется, в конечном итоге мамаша все-таки возвращалась, а бедная испуганная девчушка, обливаясь слезами, вымаливала у нее прощение, обещая, что всегда и во всем будет слушаться, лишь бы только мать не оставляла ее одну. Иначе, как пыткой, это не назовешь — то был изощренный способ подавить индивидуальность дочери. Это, наряду с наркотиками, которыми Этель стала пичкать ее позднее, привело к полной душевной неуравновешенности Джуди. Кроме того, это подготовило почву для ее будущей эмоциональной зависимости от мужей и Лайзы.

По мнению одного из биографов Джуди Гарленд, Джеймса Спада, она стала жертвой чрезмерных амбиций собственной матери, и ее поведение не могло, в свою очередь, не сказаться на Лайзе.

Лайза в детстве — каким бы материнским счастьем она не одарила Джуди — одновременно являлась для матери проблемой, затруднившей ей жизнь как эмоционально, так и физически. Джуди и Лайза соперничали между собой за внимание, хотя, разумеется, будучи малышкой, Лайза об этом не догадывалась.

Опасения и тревоги Джуди, свойственные всякой молодой мамаше, усугублялись ее зависимостью от наркотиков. Согласно давно заведенной традиции, всякого рода успокоительные и возбуждающие средства щедрой рукой выписывали доктора, приставленные к ней руководством кинокомпании. Теоретически в их обязанность входила забота о здоровье Джуди, но в действительности их куда больше заботила возможность нагреть руки на расточительности студии. В иные моменты Джуди то с трудом просыпалась, то, наоборот, страдала бессонницей, то ее мучил колит, и она глотала снотворное, то ее для бодрости накачивали амфетаминами, такими, как декседрин или бензедрин.

«Нам было хорошо вместе, — вспоминал Винсенте Миннелли о том времени. — Разумеется, у нас бывали грустные моменты, но они не идут ни в какое сравнение с тем, что было обычно. Я научился философски воспринимать те стороны характера Джуди, которые уже невозможно было изменить. Она ведь по гороскопу Близнец, а для них характерны частые и резкие перепады от бьющей ключом радости к мрачному и подавленному настроению — это как бы неотъемлемая часть ее раздвоенного знака».

В дополнение к влиянию звезд на характер супруги, Винсенте также видел причину ее неуравновешенности в том, что Джуди была левшой. И вробще, в его понимании актрисы были, как правило, ранимы и подвержены настроению. Винсенте терпел выходки жены до последнего, ведь и он сам в душе был тоже раним, кроме того, в его глазах Джуди, типичная кинозвезда, казалась ему куда более прекрасной, чем он того заслуживал, и он был готов заплатить любую цену, лишь бы только удержать ее возле себя. В конечном итоге эта цена оказалась чересчур высока. А наркотики только усугубили горечь и боль худших минут в их жизни.

Как-то раз Миннелли рассказывал о том, как он пытался апеллировать к ней как профессиональной актрисе, призывая вспомнить о ее долге перед зрителями; причиной тому стал очередной кризис, связанный с ее пристрастием к таблеткам. «Однажды после очередной такой сцены Джуди призналась: «По-моему, я слишком уж злоупотребляю этими таблетками?» «Я знаю, — ответил я. Она ждала, что я скажу дальше. — Но я не могу топнуть ногой и приказать тебе остановиться, — продолжал я. — Я знаю, порой ты валишься с ног от усталости, или же у тебя что-нибудь не ладится на студии. Есть немало актрис, которые делают то же самое. И я с первого взгляда вижу, что они сидят на бензедрине. Это я могу определить и глядя на тебя. Тебе кажется, что у тебя все так замечательно получается, что ты никогда еще не играла так хорошо. Но на самом деле ты и наполовину не так хороша, как тебе кажется».

Миннелли рассказывал дальше: «Джуди, подобно многим, стала звездой, несмотря на довольно-таки нетребовательный подход к актерскому мастерству. Но ведь за девять лет Джуди снялась в двадцати трех картинах. И это не могло не сказаться даже на такой жизнелюбивой натуре, как она».

Винсенте не единожды требовал, чтобы Джуди прекратила глотать таблетки, и та обещала ему, что постарается. Но ей снова и снова приходилось сталкиваться с правилами киностудии МГМ, которые были заинтересованы лишь в одном — выжать из нее все до последнего. Этому порочному кругу положила начало еще ее мать, которая больше всего на свете стремилась угодить главе МГМ Луису Майеру.

Джуди никогда не забыла того, как жестоко мать обращалась с ней в детстве. Джуди не сомневалась, что матери ничего не стоит продать ее со всеми потрохами, если только речь зайдет о каком-нибудь выгодном контракте или главной роли, лишь бы только Майер остался доволен. Винсенте неплохо ладил с Этелью, даже несмотря на то, что поначалу та возражала против

его брака с ее дочерью. Однако от него не скрылась враждебность, царившая в отношениях Джуди и ее матери.

Джуди считала, что мать лишила ее детства, а заодно и отца, которого она очень любила. Поскольку мать только и делала, что колесила с Джуди и ее двумя сестрами по всей стране, девочки практически росли без отца. Его отсутствие вполне могло создать в ее сознании иллюзорный образ, явно преувеличивавший его истинные достоинства, однако именно этот образ преследовал ее долгие годы. Все это, в придачу со всеми другими ее слабостями — надуманными или нет, — и подтолкнуло ее искать спасения в наркотиках.

В 1947 году умер отец Винсенте, и это только усугубило его депрессию, вызванную обрушившимися на него проблемами. Джуди переживала из-за его сексуальных склонностей, вбив себе в голову, что супруг вместо нее уделяет слишком много внимания Джину Келли, ее партнеру по фильму «Пират». Джуди не сомневалась, что у Винсенте с Келли роман. Какова бы ни была истинная причина, но Джуди стала пропускать съемочные дни, и никто не мог взять в толк, с чего бы это, хотя все и были уверены, что здесь что-то не так.

Винсенте вспоминает эти дни с болью в сердце: «Джуди, в своей паранойе, все время ревновала меня к Джину Келли — ей казалось, что мы слишком много времени проводим вместе. Нам же просто требовалось до конца отработать хореографию, и мы исключили Джуди из наших споров. Мне казалось, что ей незачем забивать голову подобными проблемами. Она же почувствовала себя ненужной и обиделась».

Им не удавалось оставить проблемы на съемочной площадке, й размолвки следовали вместе с ними домой, где выливались в громкие скандалы, после которых один из супругов, бывало, отправлялся ночевать на кушетке у Айры и Леи Гершвинов. Разумеется, вскоре в доме снова воцарялось согласие, за это время успевали снять пару-тройку сцен, после чего история повторялась — очередная ссора, очередное выяснение отношений. Эти домашние неурядицы то и дело грозили сорвать график съемок, и Луис Майер распорядился, чтобы Джуди проконсультировалась у доктора Фредерика Хакера, австрийского психиатра.

К сожалению, доктор Хакер, вопреки надеждам Винсенте и Майера, оказался бессилен.

«Увы, настроение Джуди не улучшилось, а наши перепалки стали только ожесточеннее, — рассказывал Миннелли. — Я пытался, как мог, держать себя в руках, но не всегда это удавалось. После чего оставались новые кровоточащие раны».

Лайзе было всего два года, нос возрастом она уже начала понимать, что у родителей не все ладится. После того как съемки «Пирата» наконец завершились, Винсенте 10 июля 1947 года отвез Джуди в «Лас-Кампанас» — частный санаторий неподалеку от Лонг-Бич, специализировавшийся на лечении эмоционально неуравновешенных толстосумов за 300 долларов в день. Впервые, теперь уже не в последний раз, Лайза осталась без матери. Для Джуди «Лас-Кампанас» был просто психушкой, чем-то напоминавшей бунгало отеля «Беверли Хиллз», только намного дороже.

Позднее Джуди вспоминала: «Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы выяснить, что мое бунгало находится по соседству с палатой № 10 — где содержали буйных. Там я познакомилась с несколькими милейшими людьми, тонко чувствующими, тактичными, с непревзойденным чувством юмора. Насколько я могла судить, никто из них не страдал помрачением рассудка в обычном смысле слова. Большинство из них просто были чересчур ранимыми натурами. Вскоре мне стало ясно, что у меня с ними очень много общего».

Винсенте, когда Лайза спрашивала его, куда уехала мамочка, умело уходил от ответа. «Я говорил дочери, что мама скоро вернется, — рассказывал он. — Нам повезло, что в те годы у Лайзы была очень хорошая няня. Нам с ней неплохо удавалось скрывать от малышки горькую правду, пока та не подросла настолько, чтобы узнать все, как есть».

Правда, им так и не удавалось полностью скрыть отсутствие Джуди, поскольку та требовала, чтобы ей привезли дочь, и к тому же, по мнению доктора Хакера, связь с семьей могла благотворно сказаться на состоянии его пациентки.

Вот что Джуди рассказывала о приездах Лайзы в «Лас-Кампанас»: «Лайза нетвердыми детскими шажками входила в мое бунгало и бросалась мне на шею. Я прижимала ее к себе, а она осыпала меня поцелуями и все смотрела на меня своими огромными, беспомощными черными глазищами. У меня не находилось для нее слов. Когда же ее у меня забирали, я бросалась на кровать и безутешно рыдала. То была физическая боль, настоящая пытка от того, что меня разлучили с моей крошкой. Я была готова умереть от горя».

Оглядываясь назад, на детские годы, Лайза смогла осознать весь смысл происходящего: «Я прошла ускоренный курс взросления. Я слишком многое узнала, слишком быстро и слишком рано. Помнится, был в моей жизни такой период, когда стоило кому-нибудь рассмеяться надо мной, как я тотчас начинала плакать. На меня что-то давило, не давая мне жить:

разбитые семьи, судебные тяжбы, попытки самоубийства. И каким-то странным образом я все это пережила. Некоторым кажется, что все это — сущая ерунда, ведь я дочь Джуди Гарленд. Что ж, мне есть, что им сказать! Разумеется, нелегкое это дело быть ее дочерью, но мама всегда оставалась мне другом, сложным, но другом. Она ни разу мне ни в чем не отказала, а однажды даже расплакалась, потому что у нее не было денег, чтобы завещать мне, но зато в наследство от нее мне достались стойкость и цельность характера».

Безусловно, было видно как божий день, что детство Лайзы вряд ли можно назвать нормальным. А некоторым даже казалось, что ее нарочно лишили нормального детства. Оглядываясь назад, многие усматривают причину в противоречивых отношениях Винсенте и Джуди. В конечном итоге их ожесточенные ссоры больнее всего отразились именно на Лайзе, хотя со временем, уже повзрослев, она сделала для себя открытие, что и другие люди тоже разводятся, что и у них случаются самоубийства, депрессии и душевные раны. Например, одним из признаков такого взросления стало то, что постепенно она начала различать попытки самоубийства матери, определяя, какие из них всерьез, а какие — лишь крик о помощи.

Неизменным оставалось лишь то, с какой серьезностью Лайза оберегала доброе имя матери, ведь она с ранних лет поняла всю его важность. Все это вместе взятое, разумеется, самым противоречивым образом отразилось на детских годах девочки. И конечно же, не у всех детей родители работают там, где трудились ее родители. В глазах Лайзы отец с матерью работали на «Фабрике грез», именовавшейся киностудией. «МГМ представлялась мне гигантской фабрикой, — вспоминала Лайза. — Я ее просто обожала. Я изучила там каждый дюйм, все лазейки между разными съемочными павильонами, все ходы и выходы. Да и все, там работавшие, знали меня. Я забегала, куда и к кому хотела, болтала, с кем понравится. Но интереснее всего мне было наблюдать, как люди танцуют. Музыкальные номера были просто чудо, и я мечтала, что когда-нибудь смогу принять в них участие».

Как оказалось, мечты ее были не напрасны. Лайза подмечала и точно копировала исполнительскую манеру таких звезд, как, например, Фред Астер или ее собственная мать. Можно сказать, девочка спала и видела себя танцовщицей.

Винсенте рассказывал, как однажды вместе с пятилетней дочкой он на машине возвращался домой со студии. «Папа, я хочу, чтобы ты был моим режиссером!» Винсенте поначалу не понял слов Лайзы и заверил ее, что как только они приедут

домой, он поставит с ней какую-нибудь сценку. Но Лайза тотчас выразила свое несогласие. «Да нет же, я хочу, чтобы ты стал моим режиссером! Я хочу, чтобы ты злился и кричал на меня! Как ты злишься и кричишь на других людей!»

То было детское воплощение мечты, которой суждено сбыться через 23 года, когда Винсенте снимет фильм «Это покажет время» с участием дочери. А та поездка домой четко врезалась в память девочки. «Я уйму времени проводила на студии. Особенно мне нравились музыкальные номера. Драматические были мне тогда еще не очень понятны. Но музыкальные… лучше них для меня ничего не существовало. Я подмечала, как люди менялись прямо на глазах после того, как папа с ними говорил. Интересно, думала я, а у меня получилось бы, если бы я вдруг взяла и попробовала? Меня так и подмывало повоображать перед ним. Разумеется, мне ужасно хотелось во всем ему понравиться».

От матери Лайза научилась петь и танцевать и рассказывать истории. «Мама каждый раз что-нибудь меняла в своих рассказах, в зависимости от компании. Я могла услышать одну и ту же историю раз двадцать-тридцать, и все время по-разному. Однажды я не выдержала и спросила, какой же из услышанного мною рассказов правдив. И мама ответила мне: «Тот, который тебе больше всего понравился. Если ты от души посмеялась — так и знай, это и есть самый правдивый».

Лайза узнала для себя — сначала от матери, а затем от сверстников, — людям нравится, когда их развлекают. Люди не любят, когда их одолевает печаль. Вот почему Джуди, а вслед за ней и Лайза, видели свое предназначение в жизни в том, чтобы радовать людей, отгонять от них тревоги и грусть. Неудивительно, что обе, рассказывая о собственной жизни, пытались отмахнуться от ее темных сторон. Вот что, например, как-то раз заявила Лайза в интервью журналистке Роне Баррет: «Я прожила потрясающую жизнь. Возможно, в ней было немало странностей, но лучшей жизни невозможно даже представить. Как мы, бывало, смеялись! Но никто не желает даже слышать об этом». Позднее Лайза сделала следующее признание: «Я знаю, что некоторые люди полагают, будто реальность должна быть непременно грустной, но, по-моему, реальность — это нечто такое, чего не следует брать в голову».

Джуди в свое время сделала для себя открытие, что весь мир ждет от нее одного — чтобы она и дальше оставалась хорошенькой девчонкой-подростком, нашедшей счастье где-то за радугой. Лайзе жизнь преподала тот же урок. Обе были за это щедро вознаграждены — они стали звездами, завоевавшими сердца американцев, — но успех дался им ценой долгого и

упорного труда, изматывающих концертов и невидимых миру слез и душевных ран. Ведь им было недостаточно сделать счастливым кого-то. По меткому замечанию Джимми Дюранте, они обе стремились осчастливить всех сразу. Когда же тело и душа противились этому стремлению, то рядом всегда оказывался агент, менеджер или мать — а в случае с Джуди, все трое сразу, — стоявшие за кулисами с амфетаминами наготове, чтобы прибавить концерту задора и веселья, или, наоборот, с барбитуратами, чтобы звезда могла немного прийти в себя между номерами.

Подобно многим удачливым деятелям шоу-бизнеса, Винсенте Миннелли и Джуди Гарленд много работали и много ездили по стране. Пока Лайза была маленькой, Винсенте позволял ей часами околачиваться в студии, но что касается Джуди, той было нелегко совместить напряженный график гастролей с материнством. Самым лучшим вариантом представлялся тот, когда семья отправлялась на студию в полном составе — как, например, в ту пору, когда Винсенте снимал «Пирата», романтический фарс, по сценарию которого супруга зануды-майора где-то в Вест-Индии влюбляется в красавца-пирата. Винсенте умудрился даже снять эпизод с участием Лайзы — так что можно сказать, что ее кинодебют состоялся, когда ей исполнился год и два месяца от роду.

В прошлом Билл Спир и Кей Томпсон пытались как-то сгладить острые углы в отношениях между супругами, однако впоследствии у них хватало и своих проблем. В 1947 году Кей, не выдержав, отправилась в Лас-Вегас, чтобы развестись с Биллом и связать судьбу, правда, уже в профессиональном плане, с квартетом братьев Уильямс. Один из этих братьев, Энди Уильямс, в конечном итоге начал сольную карьеру. В своих мечтах Кей была беременна воображаемой дочерью Элоизой, которая в будущем послужит ей источником вдохновения для создания серии книг о шестилетней девчушке, живущей в отеле «Плаза». Существует мнение, будто прообразом этой маленькой героини стала Лайза, ведь большую часть времени та провела, переезжая вслед за матерью из гостиницы в гостиницу, точно так же, как когда-то и сама Джуди.

Между кино и съемками

Вскоре после окончания съемок «Пирата» и разрешения всех связанных с ними проблем, после того как Джуди выписалась из санатория, в ход был пущен еще более крупный проект. Назывался он «Пасхальный парад». Предполагалось, что главные роли в нем, под руководством Винсенте Миннелли, исполнят такие звезды, как Джуди и ее партнер Джин Келли. Однако на этот раз вмешался консультировавший Джуди психиатр — ему удалось убедить Луиса Майера, что речь идет о душевном здоровье одной из самых ценных звезд киностудии. Майер распорядился, чтобы Келли заменили на Фреда Астера, а место Винсенте занял Чарльз Уолтерс, поскольку Джуди не выдержала бы нервного напряжения совместной работы с мужем. То был болезненный удар по самолюбию Миннелли, как в профессиональном, так и в личном плане.

В 1948 году состояние Джуди резко ухудшилось, однако она продолжала сниматься, в то время как Винсенте оказался не у дел. На протяжении всего этого периода ему под разными предлогами не давали работать в крупных проектах. По его собственным словам: «У меня было навязчивое чувство, будто на студии решили на мне отыграться, будто мне не давали работать, поскольку я успел досадить здесь многим. Появилось ощущение, будто меня списали как режиссера и вместо этого определили в няньки Джуди, и поскольку нельзя сказать, чтобы эта последняя обязанность мне слишком хорошо удавалась, то вряд ли я мог ожидать от «них» особой благосклонности. У меня до этого ни разу не возникало подобного ощущения, и хотя я отрицаю какие бы то ни было симптомы паранойи, признаюсь, что подобные мысли не раз приходили мне на ум».

Этот новый расклад сил по-своему срабатывал, однако Джуди продолжала горстями глотать амфетамины, чтобы как-то удержать себя в полуистощенной форме. Ее поведение по-прежнему отличалось крайней неуравновешенностью, что вылетало студии в копеечку — то и дело приходилось оплачивать простои и сверхурочные съемочной команде: то Джуди не соизволит появиться на площадке, то она, видите ли, не готова работать.

«Пасхальный парад» вышел на экраны в июле 1948 года и побил все рекорды кассовых сборов.

В семействе Миннелли воцарилось спокойствие — Лайза требовала к себе все больше и больше внимания от обоих

родителей, а вот их взаимная привязанность к этому времени явно пошла на убыль.

Врачи настоятельно предписывали Джуди длительный отдых. Если перевести все это на обыкновенный язык, это значило, что ей больше времени следовало проводить вдали от Винсенте, а значит, и от дочери. К этому времени Джуди уже превратилась в некое подобие собственной тени и весила всего 85 фунтов (40 кг).

И тут студия выбросила номер — те же самые эмгээмовские заправилы, которые толкнули актрису в объятия медиков, выписывавших ей все новые и новые лекарства, теперь сочли ее поведение во время съемок «Пирата» и «Пасхального парада» возмутительным и разорительным для студии. 19 июля 1948 года на имя Джуди поступило заказное письмо, в котором сообщалось, что она на три месяца отстраняется от работы. Актриса получила предупреждение, что если она не исправится, то ей придется распрощаться со студией.

Лайзе уже исполнилось два года, и она постепенно начала замечать царившее в семье напряжение. Родители договорились, что не станут расторгать брак, но начали жить раздельно, разъехавшись по разным домам. Джуди переехала из дома на Эвансвью-Драйв в свой собственный — № 1000 по Бульвару Сансет. Лайза теперь стала чаще видеться с «Нанной», как ласково она называла свою бабушку Этель.

Вскоре испытательный срок у Джуди окончился, и она приступила к съемкам нового фильма — ею в срочном порядке заменили беременную Джун Аллисон. В ленте «Старым добрым летом» состоялся долгожданный дебют трехлетней Лайзы, которая снялась здесь в эпизодической роли — в конце картины партнер Джуди, Ван Джонсон, шагая рядом, подхватывает девочку на руки. Как сама она рассказывала о нем годы спустя, это был во многих отношениях важный эпизод в ее жизни. «Я сама выбрала себе красивое белое платье и сама оделась. Когда же Ван подхватил меня, я попкой ощутила его прохладные ладони! Господи, я ведь забыла надеть штанишки!»

Фильм «Старым добрым летом», ремейк ленты «Лавчонка за углом», снятой самим Эрнстом Любичем, повествовал о судьбе девчонки из музыкального магазина — ее роль как раз и исполняла Джуди, — вступающей в почтовый роман с парнем, которого она ни разу в глаза не видела.

Герой Ван Джонсона, напарник Джуди по работе, вечно действующий ей на нервы, так же состоит в переписке с незнакомой девушкой. В конце концов им становится ясно, что они пишут друг другу, между ними возникает любовь, и дело заканчивается свадьбой.

Джуди раздражал тот факт, что ее героиня — всего лишь милая и самая что ни на есть обыкновенная американская девчонка. Джуди казалось, что в ее возрасте — а ей уже исполнилось в то время двадцать пять, — она могла бы исполнять и куда более сложные роли. Разумеется, в жизни ей приходилось их исполнять — например, она уже дважды успела побывать замужем (до Миннелли Джуди была несколько лет замужем за Дэвидом Роузом), родила ребенка, а также имела несколько романов с богатыми и знаменитыми мужчинами. Джуди мечтала сыграть «famme fatale», «роковую женщину», а не подружку Микки Руни, торгующую содовой за прилавком.

Это внутреннее недовольство обострилось, когда Винсенте поручили работу над «Мадам Бовари», то есть того рода картиной, в которой мечтала сняться Джуди. Это был ремейк старой ленты по мотивам романа Флобера. Фильм этот — трогательная история о женщине, пожертвовавшей браком во имя любви и встретившей страшный конец. Первая его версия вышла в Америке в 1932 году под названием «Грешная любовь». Джуди, увидев, с каким энтузиазмом муж отдался работе, впала в еще большее отчаяние.

Они с Винсенте еще на протяжении двух лет считались мужем и женой, однако конец их отношений неумолимо приближался. «На этот раз я уже не мог скрывать своих чувств, — рассказывал Винсенте. — Мы оба прошли через такие муки, такие страдания. Я всей душой радовался за Джуди, когда она вновь начала пожинать плоды успеха. Ну почему она не могла поступить точно так же по отношению ко мне? Меня это больно задевало». Вскоре они уже объявили всему миру, что их брак распался.

Тем временем лента «Старым добрым летом» удостоилась похвальных отзывов, и Луис Майер вознамерился на волне успеха снять еще один фильм, с бюджетом в 3 миллиона долларов, под названием «Энни, где твое ружье?». Задумывался он как мюзикл, в котором Джуди должна была исполнять роль знаменитой героини времен Дикого Запада Анны Аукли. Майер попросил Джуди на «пару деньков» отложить отпуск, чтобы успеть записать одну из главных песен картины «Делая то, что идет само собой». Затем он уговорил ее записать все музыкальные номера, на что ушло еще полтора месяца, в результате Джуди оказалась на грани полного нервного истощения, а в придачу вся покрылась сыпью. Кроме того, у нее начали выпадать волосы. Майер, ужаснувшись тому, что он натворил со своей звездой, тотчас отстранил ее от участия в проекте, а на ее место пригласил с «Парамаунта» Бетти Хаттон.

Ближе к концу этого периода лечащие врачи Джуди были вынуждены прибегнуть к электрошоковой терапии, чтобы хоть как-то вырвать ее из депрессии. Увы, все оказалось бесполезно.

В 1949 году трехлетняя Лайза сделала свой кинодебют на пути восхождения к славе, и в том же самом году ее мать прошла свой первый сеанс шоковой терапии именно вследствие своей славы.

Майер, озабоченный тем, как ему увеличить работоспособность Джуди и сохранить ее для новых фильмов, проконсультировался с несколькими людьми, в том числе со своим советником Карлтоном Элсном, который позднее стал агентом Джуди. Они решили направить ее в Бостон, в клинику Питера Бента Брингэма. Джуди прибыла туда 29 мая 1949 года, накануне своего двадцать седьмого дня рождения. Персоналу клиники вменялось в обязанность снять у нее зависимость от наркотиков и вернуть ей прежнее жизнерадостное состояние духа. Лечение включало в себя также получение энцефалограммы, с тем чтобы проверить, правильно ли функционирует ее мозг. К счастью, мозг функционировал нормально.

В клинике Джуди предписали самый строгий режим, который требовал от нее неукоснительного соблюдения времени приема пищи (полноценного завтрака, обеда и ужина вместо бутербродов с арахисовым маслом и консервированных томатов, составлявших ее обычный рацион) и отхода ко сну в девять вечера и ни минутой позже. Джуди так жестоко страдала от абстинентного синдрома, что временами забивалась куда-нибудь в угол или под кровать и надрывалась от криков боли.

Проведя в бостонской клинике четыре недели, Джуди, согласно заверениям медиков, излечилась от своей зависимости от наркотиков и выписалась, получив, однако, предписание отныне вести здоровый образ жизни, регулярно питаться, побольше спать и не злоупотреблять спиртным. Она вернулась в Лос-Анджелес, к дочери и мужу.

Джуди с Винсенте решили повременить с разводом из-за Лайзы. Это было важно по ряду соображений, причем не последним из них было то, что Лайза росла слишком зависимой от отцовского одобрения, поскольку Винсенте относился к ней скорее как к взрослой, нежели как к трехлетнему ребенку. И ей это ужасно нравилось.

Джуди вновь оказалась в фаворе у Луиса Майера, который с места в карьер отправил ее сниматься в картине «Летний театр» с участием Джина Келли. По сценарию, Келли со своей театральной труппой оказывается на ферме у Джуди, которая неожиданно для себя становится полноправной участницей их

программы. На МГМ надеялись сделать «Летний театр» в духе «Старого доброго лета». Как только съемки завершились, на МГМ в срочном порядке, всего через каких-то три недели, приступили к работе над новой лентой. Но Джуди взялась за старое, и 19 июня 1950 года эмгээмовское начальство отстранило ее от работы. Это оказалось для нее ударом. Спустя два дня она вбежала в ванную с криком: «Я не хочу больше жить!», с силой захлопнула дверь, заперлась изнутри и полоснула себе по горлу осколком стекла. Немедленно были вызваны врачи, и Джуди увезли в больницу. К счастью, рана оказалась поверхностной. В прессу просочились слухи о попытке самоубийства, и студия в очередной раз отправила Джуди в вынужденный отпуск.

Вновь к ней возвратились мигрени и истерики, и Джуди постепенно начала искать утешения у единственного человека, готового посидеть спокойно и выслушать ее, — а именно у собственной дочери.

Лайзе еще не исполнилось и пяти, но именно в этом возрасте мать уже изливала ей душу. И хотя многое девочке было непонятно, она, тем не менее, могла дать Джуди то, чего матери остро недоставало в других людях, а именно — сочувствие. Лайза была еще слишком мала и не понимала, что такое наркотики. Но и это понимание придет к ней со временем.

Более драматичными были попытки самоубийства, которые постепенно стали входить у Джуди в опасную привычку, когда та ощущала себя несчастной или же ей недоставало внимания со стороны окружающих. Все это, в свою очередь, усугублялось противоестественной ревностью, которую Джуди испытывала по отношению к карьере мужа — Винсенте за это время сделал ряд успешных картин, таких, как «Мадам Бовари», «Отец невесты», «Американец в Париже».

Все это вместе взятое не могло не отразиться на малышке Лайзе. По наблюдению старой подруги Джуди, Эви Джонсон, Лайза стала для матери единственной отдушиной в период зависимости от алкоголя и наркотиков. Вот что, например, рассказывала Джонсон позднее: «Лайза стала для Джуди единственной радостью в жизни. Она была такая милая, очаровательная крошка. Когда у Джуди дела шли на лад, Лайза превращалась в маленькую служанку и даже убирала со стола, когда мы с Джуди баловались коктейлем».

Теперь Джуди обозлилась на всех, в том числе на Винсенте и его мать. Однажды она выставила свекровь вон за дверь, пригрозив, что не позволит ей даже ступить на порог, если та вдруг задумает проведать внучку. Но и после всех этих безобразных сцен Джуди с Винсенте до самого Рождества

продолжали свое странное совместное сосуществование. Именно тогда Винсенте пришел к выводу, что напряжение в их отношениях происходит от привычки Джуди к притворству и манипулированию людьми, точно так же, как у нее вошло в привычку сочинять о себе самой фальшивые истории для прессы. Джуди рассказывала Винсенте, что она регулярно манипулировала психиатрами и студийным начальством, пытавшимися подчинить себе ее жизнь. Почему-то это ужасно злило Винсенте. Вот что он, годы спустя, писал в своей биографии: «Я с великим трудом заставлял себя простить Джуди ее выходки».

Вскоре Лайзе сказали, что маме снова на какое-то время придется «уехать», что уже не было для девочки неожиданностью. Однако на этот раз события приняли совсем иной оборот. Мама собиралась навсегда расстаться с папой. И хотя временами Джуди и Винсенте испытывали друг к другу нежные чувства, им было ясно, что брак вредит как им обоим, так и их ребенку. 7 декабря 1950 года они официально объявили о том, что отныне живут раздельно и готовятся к процедуре развода. Как повелось, именно Джуди, спустя две недели, всего за три дня до Рождества, хлопнула дверью. Винсенте еще какое-то время оставался в доме на Эвансвью-Драйв.

На этот раз Винсенте полагал, что развод пойдет Лайзе только во благо, в отличие от его былой уверенности, что именно ради дочери разводиться не следует. По его собственным словам: «Я выбрал душевное равновесие. Лайзе пойдет на пользу, если она будет жить с одним нормальным уравновешенным родителем вдали от другого, чем с обоими, когда они только и делают, что отравляют друг другу существование. Джуди на прощание поцеловала дочь, дружески обняла меня и ушла. На этом наша совместная жизнь окончилась».

После этого случая Лайза уже никогда не могла радоваться Рождеству и, если верить рассказам, каждый раз разражалась слезами, услышав в исполнении матери песню «Пусть Рождество твое будет счастливым».

Через три месяца, представ в Верховном Суде перед судьей Уильямом Маккеем, Джуди заявила, что ее второй муж Винсенте Миннелли не заботился о ней и целиком и полностью отгородился от ее жизни. Джуди получила развод и официальное опекунство над Лайзой, при условии, что дочь будет проводить с отцом половину времени. Винсенте отдал оба их дома — один на Эвансвью-Драйв и второй в Малибу — в распоряжение Джуди и согласился платить алименты в размере пятисот долларов в месяц. Развод опустошил обоих духовно и физически, а Винсенте

к тому же остался практически без средств к существованию. Но даже и при стесненных средствах он пытался сделать жизнь дочери яркой и полноценной. В этом он был схож со многими разведенными отцами, которые, либо терзаясь виной, либо по причине любви, пытаются превратить для своих детей жизнь с отцом в нечто до крайности необычное.

По его словам: «Если я и баловал Лайзу сверх всякой меры, то это лишь потому, что мне хотелось как-то уравновесить скудное разнообразие ее существования с Джуди. И хотя Лайза всем сердцем любила мать, Джуди ассоциировалась у меня, в первую очередь, с долгом и тревогами. Я же ничего не требовал взамен. И как результат, делил с Лайзой самые счастливые, самые беззаботные минуты ее жизни».

Новый папа для Лайзы

Джуди уехала в Нью-Йорк, а Лайза оставалась с отцом в Лос-Анджелесе. Здесь ей удалось приспособиться к его холостяцкой жизни даже лучше, чем ему самому. Стоит привести слова, сказанные однажды по этому поводу Ли Гершвином: «Винсенте, я всей душой люблю малышку, но, признайся, Лайза донельзя избалована. И ты знаешь, что это твоя вина. Джуди держит ее в ежовых рукавицах и как-то пытается воспитать у нее характер. Но ты, ты готов отдать ей все на свете — да ты просто размазня! Ради ее же собственного блага тебе следует ее немного приструнить. Если ты этого не сделаешь, то помяни мое слово — когда она вырастет, то только и будет лечиться по психушкам».

На что Винсенте сумел ответить лишь следующее: «Да я и сам знаю, просто, видишь ли, я не в силах ничего с собой поделать».

Несмотря на все его недостатки как родителя, Винсенте относился к дочери с уважением. По словам самой Лайзы: «Он меня по-настоящему понимал. Он держал себя со мной как с истинной леди. Даже тогда он общался со мной как с женщиной. А уметь так себя вести с маленькой девочкой — наверное, самое ценное, что только можно себе представить».

Согласно принятым в те времена правилам опека над ребенком считалась неотъемлемым правом матери. Однако Джуди была не в состоянии контролировать свои эмоции, и это не могло не сказаться и на ее карьере. Ей требовался наставник и поводырь. Майер указал ей на дверь. Отношения с собственной матерью обострились до предела, и даже отец ее ребенка тоже стал ей чужим.

Джуди пыталась как-то подстегнуть покатившуюся было под уклон карьеру. Но со студии не поступало никаких предложений, как, впрочем, и от организаторов гастрольных поездок. Словом, все отвернулись от нее. Финансовое положение ухудшалось с каждым днем, а ведь ей еще надо было заботиться о малолетней дочери. Жизнь превратилась для Джуди в бесконечную череду уловок и увертoк, постоянно приходилось увиливать от оплаты счетов и обманывать гостиничных администраторов.

Как ни странно, Джуди, некогда презиравшая за то же самое собственную мать, теперь все сильнее на нее походила. Этель имела привычку притворяться, будто бросает дочь на произвол судьбы и, заперев ее одну в гостиничном номере, удалялась. А теперь сама Джуди, наоборот выставляла Лайзу в коридор и, заперев номер, отправлялась на несколько часов, а то и на целый день по своим делам. Испуганная Лайза, конечно же, начинала

плакать, а недоумевающие соседи пытались достучаться в запертую дверь.

Джуди отнюдь не считала себя идеальной матерью, и вскоре стало очевидно, что она вообще не в состоянии заботиться о дочери. Вполне возможно, что раньше Лайза напоминала матери о счастливых днях, проведенных на МГМ с Винсенте. Теперь же дочь превратилась для Джуди в обузу. Напряжение немного разрядилось, когда осенью 1951 года Джуди получила невиданный ранее четырехмесячный ангажемент в «Нью-Йорк Палас». Правда, она все еще остро переживала развод и нуждалась в поддержке и внимании.

Во время выступлений в Нью-Йорке Джуди близко сошлась с Сидом Люфтом, которого уже как-то встречала на вечеринке у Джеки Глисон. Одному богу было известно, чем, собственно, занимается Сид, но в чем бы ни заключалась его деятельность, он бывал вечно занят и постоянно находился в разъездах. Майкл Сидни Люфт был настоящим, непробиваемым бабником-«мачо», которому женщины вешались на шею, в то время как сам он играл роль потрепанного авантюриста, «перекати-поле», и порой не гнушался мошенничества. Сид был крутой мужик, не расстававшийся с пистолетом. Недаром он вырос в нью-йоркском пригороде Бронксвилле, а в юности увлекался бодибилдингом. По окончании школы жизнь занесла его в Голливуд на пару с одноклассницей, актрисой Элинор Пауэлл. Он стал ее личным секретарем. Позднее Люфт женился на ее сестре Линн Бари, с которой как раз и разводился, когда в его жизнь вошла Джуди.

Многие знакомые пытались предостеречь Джуди Гарленд от увлечения Сидом — ведь это же отъявленный мошенник! — однако та не желала слушать никаких советов. Винсенте, наоборот, считал, что Сид — именно тот человек, который ей нужен.

«Теперь у нее есть на кого опереться, — заявил Винсенте. — Такое впечатление, будто он разгадал секрет, как сохранить ее в ясном уме и здравии». Сид быстренько назначил себя ее менеджером и убедил начать новую карьеру на сцене, а для начала устроил Джуди Гарленд контракт с лондонским «Палладиумом». Это был дальновидный шаг, поскольку Джуди сумела покорить зрителей, и без того очарованных ее экранным образом. Этим было положено начало ее новой карьеры, однако Джуди все еще страдала от чувства неуверенности, ее одолевал страх перед сценой, она боялась не понравиться публике — то есть она так и не избавилась от комплексов, мучивших ее долгие годы.

В марте 1951 года Джуди Гарленд прибыла в Лондон, чтобы

начать готовиться к премьере, однако на душе у нее было тоскливо, поскольку Сид предпочел остаться в Штатах. Однако вскоре пятилетняя Лайза присоединилась к ней, а в конце концов прибыл и сам Люфт, чтобы взять на себя разного рода детали. Сказать по правде, Лайза приехала в Лондон по настоянию Джуди, а также потому, что Винсенте был уверен, что Джуди произведет фурор в Лондоне, и ему казалось, что для Лайзы будет полезно разделить с матерью минуты ее триумфа.

«Они слишком долго жили порознь, — писал позднее Винсенте, — и хотя я из эгоистичных побуждений хотел бы оставить Лайзу рядом с собой, наступил момент, когда ей следовало побыть с матерью — а именно в период величайшего триумфа Джуди». Таким образом, Лайза, которой пришлось пережить с матерью немало грустных минут, могла лучше осознать и понять, каким удивительным талантом обладает ее мать. Лайза также могла уяснить для себя, что хотя родители больше и не живут вместе, ее отец до конца своих дней останется почитателем таланта Джуди Гарленд.

Выступление Джуди удостоилось восторженных отзывов критиков, а зрители на протяжении четырех недель подряд каждый вечер устраивали ей овации. Джуди терзалась сомнениями насчет успеха своих концертов, а накануне премьеры ей стало совсем худо. «Меня рвало, я то и дело бегала в туалет, — вспоминала она. — Я не могла есть. Не могла спать. Я даже не могла ни на минуту присесть».

Успех премьеры превзошел все ожидания, и Сид тотчас подсуетился и организовал серию концертов в других городах Великобритании. Но что еще более важно, у Джуди возникло ощущение, что наконец-то она достигла чего-то в этой жизни, и это целиком ее собственная заслуга, а не мамы Гамм или же Луиса Майера, которые раньше все устраивали за нее сами. Вместе с этим к Джуди пришло неведомое ей раньше чувство зрелости и свободы. Для Лайзы же было в новинку увидеть, как мама завораживает публику своим пением, и люди в ответ рукоплещут, выражая свое признание и любовь. Те дни для Джуди и Лайзы были исполнены какого-то особого понимания. По иронии судьбы, это была та самая сцена, которая через тринадцать с половиной лет стала ареной выяснения взаимоотношений.

После Лондона Джуди попросила Лайзу, чтобы та называла Люфта «папой Сидом», и девочка так и делала.

После того как английское турне Джуди завершилось, и она вместе с Сидом и Лайзой на теплоходе «Куин Элизабет» вернулась в Нью-Йорк, мать отправила дочь назад к отцу в

Калифорнию. Сид и Джуди оставались в Нью-Йорке — дело в том, что Люфт бегал по агентам, пытаясь устроить для нее ангажемент в Америке. Жарким и влажным летом 1951 года в Нью-Йорке его встретили более чем прохладно. Агенты еще не успели позабыть о недавних кассовых провалах Джуди Гарленд, да и вообще за ней сложилась репутация «трудной» звезды. Крупные театры не желали рисковать, имея дело с высокооплачиваемой звездой, которая вообще могла не явиться на концерт, или, что еще хуже, появиться, но не в рабочем состоянии.

Что бы там ни думали о Сиде, изобретательности ему было не занимать, и он не отступился, пока не устроил для Джуди сольную карьеру в Америке. В конце концов ему удалось убедить Сола Шварца, вице-президента RKO и владельца театра «Нью-Йорк Палас», организовать для Джуди концерт, желательно в октябре. Такое решение всех прекрасно устраивало, поскольку являлось частью более крупного плана — вернуть к жизни не только едва не зачахшую звезду, но и зачахший театр. «Палас», некогда самый яркий бриллиант в короне водевиля, к тому времени совершенно захирел, и в его обшарпанном зальчике для горстки зрителей шел пяток пьесок и кинокартина. Шварц мечтал привести «Палас» в божеский вид и вдохнуть в него новую жизнь, однако для этого ему требовалась какая-нибудь знаменитость, способная заманить сюда зрителя с тугим кошельком, чтобы обновленный театр начал приносить доход.

Джуди со всей энергией взялась готовить новую программу, в которой ей предстояло не только петь и танцевать, но и сыграть несколько сцен из своих самых знаменитых картин. Программа готовилась в Голливуде, но Джуди была так занята, что практически не виделась с дочерью. Наконец, в октябре состоялась премьера, и Шварц, дабы обезопасить себя, на всякий случай вначале поставил пять номеров водевиля и лишь затем выпустил на сцену Джуди.

Доброжелательно настроенная, восторженная публика увидела непревзойденное шоу. Шварц пришел в восторг от того, как тепло зрители встретили Джуди, и продлил контракт с нею еще на четыре месяца — такой чести в «Паласе» не удостаивался до этого еще никто. Однако изматывающий график — тринадцать двухчасовых концертов в неделю — оказался ей не по силам, и на третьей неделе Джуди сломалась во время выступления. Проведя несколько дней в постели, она сократила количество концертов до десяти в неделю на весь оставшийся срок контракта, то есть до 24 февраля 1952 года.

После «Паласа» Джуди с Сидом устроили себе двухнедельный отдых во Флориде, а затем отправились в Лос-Анджелес, где у

Джуди на март был запланирован концерт. Она хотела показать старым друзьям и коллегам, на что она способна на сцене. Джуди покорила их всех, а затем отправилась в Сан-Франциско, где Сид уже устроил для нее очередное выступление. Разумеется, в Лос-Анджелесе он позволил ей выкроить время, чтобы повидаться с дочерью.

Лайза жила у отца в Лос-Анджелесе, когда однажды вечером, в первых числах июня 1952 года, они смотрели по телевизору новости, и диктор неожиданно объявил, что Джуди Гарленд вышла замуж за Сида Люфта. Церемония состоялась в Холлистере, небольшом ранчо в Северной Калифорнии. Джуди была на четвертом месяце беременности. Эта беременность далась ей даже с большим трудом, чем та, что привела к появлению на свет Лайзы, и Джуди снова прибегла к помощи старых испытанных помощников — таблеток, таблеток, таблеток.

Люфт обычно обыскивал весь дом, машину, все потаенные уголки, где она могла прятать декседрин, секонал и другие наркотики.

В своих собственных глазах Джуди с каждым днем становилась толще и уродливее, чем тогда, когда была беременна Лайзой. Одно время у нее даже отнялась правая рука, и ей казалось, что без таблеток она не проживет и дня. Физическое недомогание усугублялось постоянными стычками с матерью. Джуди по-прежнему отказывалась видеть Этель, а та в свою очередь, будучи не из тех, кто легко сносит обиды и унижения, задалась целью приструнить вырвавшуюся из-под опеки дочь. Разумеется, теперь Этель не могла, как в былые годы, запереть упрямицу в гостиничном номере, однако в ее арсенале нашлись другие, не менее болезненные средства. Она подала на Джуди в суд требуя от нее денег. Этель утверждала, что дочь просто обязана поддерживать ее материально, ведь та не стеснена в средствах, в то время как бедняжке Этель приходится трудиться на конвейере за какие-то жалкие 60 долларов в неделю. Джуди же заявила на суде, что Этель пустила на ветер тысячи долларов, полученные с кинозаработков дочери. После чего Этель сменила тактику, решив, что будет куда действеннее облить дочь грязью, поскольку это наверняка отрицательно скажется на ее новой карьере. В эксклюзивном интервью Этель поведала репортеру Шиле Грэм: «Джуди всю свою жизнь была страшной эгоисткой. Это моя вина. Я слишком оберегала ее. Да, она работала, но именно этого ей и хотелось — быть актрисой. Я ни разу от нее не слышала «Я хочу быть доброй или чтобы меня любили», а только «Хочу быть знаменитой».

Сводная сестра Лайзы появилась на свет за четыре дня до Дня

Благодарения в Санта-Монике, в клинике для знаменитостей «Сент-Джонс». Весила она шесть фунтов четыре унции и получила имя Лорна. В это время Джуди изрекла нечто такое, что ознаменовало собой грядущие трудности. «Рождение Лорны оказалось единственным светлым пятном за весь первый год моего нового замужества». Джуди отказалась видеться с матерью и не пускала ее на порог, когда та хотела проведать внучку.

Они переехали в дом Сида на Саут-Мейплтон-Драйв, расположенный в районе Хамби-Хиллз, примыкающем к Беверли-Хиллз. Джуди большую часть времени проводила в постели, рыдая и глотая горстями таблетки. Затем она снова попыталась наложить на себя руки — заперевшись в ванной, перерезала себе горло. Сид выломал дверь и сам едва не лишился чувств, увидев жену лежащей на полу в луже собственной крови. Немедленно вызвали врача, и тот прямо на месте рискнул вернуть Джуди к жизни, зашив ей рану на шее.

Эта неудачная попытка самоубийства казалась совершенно необъяснимой, ведь Джуди только что завершила серию концертов в «Паласе», и Сид теперь выступал продюсером ремейка ленты «Родилась звезда», в котором ей предстояло сыграть главную роль. Джуди была замужем, недавно родила второго ребенка, Лайза также была при ней. Так от чего же депрессия? Откуда это желание свести счеты с жизнью?

Мнение Лайзы об этих событиях давно прошедших дней, пожалуй, наиболее близко к истине: «Все приняло какие-то гипертрофированные размеры, потому что за дело взялась Джуди. А когда за дело бралась мама, то она всегда поступала так, как ей хотелось, в том числе, если речь шла о самоубийстве. Все эти глупости ей нужны были для того, чтобы привлечь к себе внимание. Да мама ни за что бы не решилась по-настоящему наложить на себя руки. Ей ничего не стоило войти ко мне, проглотив пару таблеток аспирина, и заявить: «Лайза, до чего же мне все обрыдло». После чего она, бывало, бросалась в ванную и затаивалась там так, что даже дыхания ее не было слышно. Я вскоре приходила в себя, просила у садовника его ножницы для подрезания живой изгороди, прорезала отверстие в ширме и заползала к ней в ванную. Мамины попытки самоубийства не были истериками. Это была чистой воды игра. Я пыталась помочь ей пережить тяжелые дни или минуты. Иногда мне удавалось, иногда нет. Просто мне оказалось не по силам в одиночку справиться с живой легендой».

На Рождество все разъехались в разные стороны. Лайза гостила у отца, Джонни, сын Люфта от Линн Бари, уехал к матери, а Джуди, Сид и Лорна укатили в Нью-Йорк, где у Джуди

был запланирован благотворительный бенефис.

Через 10 дней у Этель, матери Джуди, по дороге на работу на дугласовский завод случился сердечный приступ, и она без чувств рухнула на землю. Этель Гамм обнаружили мертвой рядом с ее машиной.

Когда Сид с величайшей осторожностью попытался сообщить Джуди это известие, у той случилась истерика, и ему пришлось долго успокаивать ее, прежде чем она согласилась лететь в Лос-Анджелес самолетом — обычно Джуди до смерти боялась летать. Три сестры воссоединились еще раз для того, чтобы похоронить мать Конфликт между Джуди и Этель найдет свое продолжение в многолетних душевных терзаниях, которыми Джуди могла поделиться с первым встречным, лишь бы тот согласился ее выслушать, а когда желающих не находилось, она изливала душу себе самой. Этель Гамм Ислмор даже из могилы продолжала терзать свою маленькую дочку, которую когда-то с такой неохотой произвела на свет.

Частые отлучки Люфта из дома в Хамби-Хиллз сильно отразились на жизни Лайзы. И хотя на первый взгляд Джуди была единственным взрослым человеком, кто оставался в доме, Лайза вскоре с полным правом могла тоже считаться таковой, поскольку ей все чаще приходилось брать на себя заботу о матери. Кроме непосредственной опеки над Джуди, в обязанности Лайзы входило также присматривать за другими детьми, в том числе и за неродным братом Джонни. Он был всего на полтора года младше Лайзы, имел прескверный характер и доводил взрослых до полного отчаяния. Не будет преувеличением сказать, что его попросту спихнули на руки Лайзы. Позднее Лайза пыталась как-то оправдать свою роль маленькой хозяйки, утверждая, что ее мать подчас бывала слишком наивна и ранима, чтобы справиться с обыденной жизнью. «Я переживала за маму, — заявила Лайза спустя годы. — Она обычно бывала слишком доверчива, и если человек позволял себе что-нибудь, она воспринимала это как пощечину. Мы с мамой много говорили между собой. Я пыталась убедить ее, что все проблемы не стоят таких переживаний. И вместе с тем, я ни разу не видела ее в ситуации, с которой она не сумела бы справиться, — даже тогда, когда у нее случалась истерика или нервный припадок. Когда Джуди выходила из себя, на это нельзя было смотреть без содрогания, обычно она начинала орать, и я застывала как каменная. Вот почему сейчас я всеми силами пытаюсь избегать тех, кто не может обойтись без крика».

И тем не менее Джуди продолжала работать — съемки картины «Родилась звезда» шли полным ходом. Напомним, что

это был ремейк ленты 1937 года. В ней рассказывается о судьбе актера, который женился на молодой актрисе, мечтающей о карьере в Голливуде. Оригинальный фильм был снят по сценарию 1932 года, озаглавленному «Какой ценой Голливуд?», и повествует о супругах-актерах, причем в то время как карьера мужа явно идет под уклон, жена, наоборот, находится на подступах к успеху, что в свою очередь приводит к их взаимному отчуждению и профессиональной зависти. В версии 1954 года партнером Джуди по фильму стал Джеймс Мэнсон, а режиссером картины — Джордж Кьюкор. Сценарий, написанный Моссом Хартом, базировался на версии 1937 года, вышедшей из-под пера Дорота Паркер. Хартовская версия была задумана как мюзикл с песнями Гарольда Арлена и Айры Гершвина, что для Джуди, конечно же, являлось большим плюсом.

Картина «Родилась звезда» задумывалась как попытка доказать, что Джуди способна блистать и без участия МГМ. Однако съемки и связанное с ними напряжение привели к тому, что она снова взялась за старое, начала опаздывать, отказывалась выходить из гримерной или же прямо на площадке показывала характер. Но даже несмотря на все это Джек Уорнер с удовольствием просматривал отснятый материал и потирал руки, заранее предвкушая, что картина наверняка побьет все рекорды кассовых сборов.

Тем временем в союзе Джуди и Сида наметилась трещина. Джуди рассказывала: «Мы с Сидом с самого начала не сказать, чтобы были счастливы. Не знаю почему. Право, не знаю. Ведь для меня существовала лишь работа, работа, работа, и мне было не до Сида. Он же вечно метался из одного треста в другое, организовывая мои концерты».

Несмотря на все разлуки, разъезды, аборты, тяжбы и свары, Сид и Джуди протянули вместе одиннадцать лет. Их отношения продолжались в основном благодаря тому, что Сид большую часть времени отсутствовал, и всякий раз Лайза делала все возможное, чтобы облегчить существование матери: она заботилась о ней, когда та болела, словно из них двоих именно Джуди была ребенком, брала на себя обязанности по дому, давала распоряжения прислуге и делала покупки.

Однажды Люфт, вернувшись домой, застал дом пустым — за исключением слуг, которые только разводили руками, здесь не было ни души и никаких намеков на то, что, собственно, произошло. Не на шутку испугавшись, Сид обзвонил всех своих знакомых, однако никто не знал, куда подевалась Джуди вместе с детьми. Проведя бессонную ночь, Сид получил известие, что Джуди подала на развод; однако вскоре она передумала и вместе

с детьми вернулась домой.

Джуди поведала небезызвестной тогда Ауэлле Парсонс историю, несколько отличную от той, что рассказывал Сид и слуги: «Между нами не было ни единой ссоры. Я отсутствовала ровно восемь часов. Просто между нами произошло дурацкое недоразумение. Я вообразила нечто такое, чего не было в самом деле. Мы с Сидом любим друг друга, и, как мне кажется, мы еще ни разу так не радовались встрече, как тогда».

Тем временем работа Винсенте «Американец в Париже» удостоилась восьми номинаций на награду Академии, в том числе и за лучшую режиссерскую работу. И хотя в конечном итоге лично Миннелли не удостоился Оскара, он испытывал глубочайшее удовлетворение от того, что его детище признали лучшим фильмом 1951 года и соответственно вручили «Оскара». В 1953 году Винсенте решил вторично испытать судьбу, увлекшись Жоржет Маньяни, чья сестра Кристиана Мартель, обладательница титула Мисс Вселенная, работала по контракту в студии «Юниверсал». 16 февраля 1954 года Винсенте и Жоржет поженились, и в апреле 1955-го у них родилась дочь Кристиана Нина Миннелли, или, как ее еще называли, «Тина-Нина». Девятилетняя Лайза, которой теперь пришлось делить отцовскую любовь с единокровной сестрицей, терпеть не могла Жоржет и Тину-Нину, однако не решалась демонстрировать свои истинные чувства в присутствии отца.

Вот что вспоминала Жоржет: «Я пыталась относиться к Лайзе, как если бы она была моей собственной дочерью. Когда рядом находился отец, она изображала из себя паиньку, но стоило ему выйти за дверь, как она начинала говорить мне всякие гадости. Признаюсь, я была не худышка, поэтому Лайза обычно окидывала меня оценивающим взглядом и заявляла: «А ты, в общем, не такая уж толстая, как о тебе говорят». Она всем нутром ненавидела меня».

Лайза здорово злилась из-за того, что отец посмел обзавестись еще одной дочерью. По мнению девочки, это сильно отличалось оттого, что ее собственная мать родила еще одного ребенка, ведь мама, если на то пошло, женщина, а кроме того, нуждается в заботе и внимании. В ее глазах то были отношения совершенно иного рода, нежели между ней и отцом, которого она любила всей душой, и он для нее являлся самый главным, первым и единственным мужчиной на свете.

По словам Жоржет, когда Лайза жила у них, она отказывалась обедать вместе со всеми, поскольку не желала делить своего возлюбленного папочку с такими самозванками, как Жоржет и Тина-Нина. Лайза настояла на том, чтобы еду подавали ей в

спальню. Вот так Жоржет описывает последствия этого требования: «Комната Лайзы была отделана в белом цвете, а сама Лайза нарочно все ела руками. По окончании еды на обоях оставались жирные пятна, покрывало насквозь пропитывалось кетчупом, и в довершение — все, что только можно, перемазывалось шоколадом. Уверена, что все это она делала нарочно».

По мнению Жоржет, девятилетняя Лайза устраивала все эти пакости специально для того, чтобы привлечь к себе внимание отца и на какое-то время безраздельно завладеть папочкой. «Винсенте вечно относился к ней как к звезде. Он воспринимал ее как звезду, потому что она и в самом деле была ужасно талантлива. Он отдавал ей все, что имел, все, чем был богат. Однако, если он не мог ей чего-то дать, Лайза начинала капризничать и вопила как резаная. Как мне кажется, чаще всего она играла на публику».

Позднее Миннелли с семьей на время переехал во Францию, на родину Жоржет, с тем чтобы приступить к съемкам фильма «Жажда жизни» о судьбе Винсента Ван-Гога, а по окончании работы вернулся в Америку. Через полтора года он снова вернулся во Францию, чтобы снять «Жижи», однако в какой-то момент между этими двумя приездами в Европу отношения между ним и женой начали портиться. Собственно говоря, Миннелли — и в этом действительно есть нечто роковое — почти буквально повторил слова Джуди, сказанные о Сиде и Лорне: «Наша двухлетняя дочь (Тина), пожалуй, самое светлое, что было во всей нашей совместной жизни».

Миннелли снова вернулся в Штаты, однако Жоржет предпочла остаться во Франции, где предалась размышлениям, что же ей делать дальше. Через несколько месяцев она вернулась в Америку, чтобы забрать к себе Тину и переехать в Нью-Йорк. Ни для кого не стало особым сюрпризом, что Лайза и Тина-Нина на всю жизнь превратились в непримиримых соперниц в борьбе за отцовскую любовь.

Вскоре в семействе Люфтов произошло прибавление. И к обязанностям Лайзы добавилась забота о сводном брате Джозефе Уайли Люфте, или, как его называли, «Джои». Мальчик появился на свет 29 марта 1955 года с помощью кесарева сечения и тотчас заставил переживать за себя. Дело в том, что его левое легкое никак не желало раскрываться. Врачи серьезно опасались за жизнь младенца. К этому напряжению добавились и волнения, связанные с предстоящим вручением наград Академии, до которого оставалось всего два дня.

Джуди удостоилась номинации «Лучшая актриса» за роль в

ленте «Родилась звезда».

Последующие сорок восемь часов принесли с собой радость и разочарование. Радость, потому что легкое мальчика начало раскрываться, и его жизнь теперь была вне опасности. Накануне Джуди сказала Лайзе: «Мне говорят, что Джои умер, но, вот увидишь, он выживет. Я тебе обещаю. Я просто не позволю ему умереть».

Что и говорить, для девятилетнего ребенка это явно непосильная ноша, но ведь Лайзе было не впервой взваливать на себя чужие тяготы. Разочарование принесла телепередача о вручении наград Академии: с экрана объявили, что заветного Оскара удостоилась Грейс Келли за работу в «Провинциалке» («Деревенская девчонка»).

Для Лайзы и трехлетней Лорны появление на свет брата стало совершенно нежеланным событием, поскольку Джуди всю свою любовь и заботу сконцентрировала на третьем ребенке, в ущерб обеим дочерям и пасынку Джонни. Лорна, болезненно воспринимавшая тот факт, что все внимание матери достается брату, не скрывала своей к нему неприязни, за что не раз получала от Джуди выговоры. Разумеется, это только укрепляло ее уверенность в том, что Джои любим сильнее, чем она.

И все-таки Дорна каким-то чутьем догадывалась, что для матери она значит несколько больше, чем Лайза. Никто не возьмется сказать, насколько правдивы подобные утверждения, поскольку суматоха и шум в этой семье были нормальным явлением, а злоупотребление наркотиками привело к тому, что настроение Джуди менялось практически ежедневно. Тем не менее, есть основания полагать, что Лайза действительно не ходила у Джуди в любимчиках. Когда Лайзе исполнилось десять лет, ее на два месяца отправили в летний лагерь в горах Сан-Бернардино, неподалеку от Лос-Анджелеса. Винсенте приезжал навестить ее каждую неделю, в то время как мать проведала всего дважды.

Разумеется, все это не могло не привести к соперничеству между детьми. Правда, со временем оно ослабло, тем более что Джуди становилась все более непредсказуема и этим начинала напоминать свою мать. Лорна и Джои зависели от старшей сестры во всех житейских делах, включая пищу и кров. К подростковому возрасту они уже были сильно привязаны к старшей сестре, и эта привязанность сохранилась и поныне.

«Как-то раз я готовила в кухне салат из тунца и совершенно неожиданно набросилась на маму, — рассказывала Лайза. — Ты только и делаешь, что жалеешь себя, — заявила я ей. — Не пора ли с этим кончать?»

Мать ответила, что называется, в точку: «Знаешь, Лайза, жалеть себя — это моя профессия».

И Лайза сделала вывод, что подобное поведение — попытки самоубийства, стремление разжалобить окружающих — для матери всего лишь способ выживания. Лайза, наоборот, в будущем станет избегать любой конфронтации, именно поэтому она не желает иметь дело с психиатрами — то, без чего в свое время не могла обойтись ее мать. Лайза ищет убежища в уединении. «Я вовсе не отрицаю достоинств психиатрии, — говорит она, — но есть такие двери, которые лучше оставить закрытыми. Я бы не желала в один прекрасный день узнать, что у меня в мозгах водятся змеи. Если я пойду к психиатру, он наговорит мне такого, о чем я сама ни разу не задумывалась. А мне меньше всего хочется плутать в лабиринте ролей, которые я якобы исполняю».

Однажды, когда Джуди все еще была замужем за Люфтом и они жили в доме на Мейплтон-Драйв, Лайза с подругой смотрели телевизор. Неожиданно мать трагично заявила им, что для нее, мол, все кончено, и ей ничего не остается, как наложить на себя руки. Не успели девочки сообразить, в чем дело, как Джуди уже заперлась в ванной комнате. Дети бросились к двери и принялись что было сил колотить кулаками, требуя, чтобы Джуди открыла им. Несчастная, испуганная Лайза вся в слезах умоляла мать: «Мамочка, не надо, не убивай себя!»

На шум в комнату вбежал дворецкий. Ему удалось взломать дверь, и компания застыла, не веря своим глазам, — Джуди высыпала в унитаз пузырек аспирина. Она вовсе не собиралась сводить счеты с жизнью, просто ей в срочном порядке требовалось привлечь к себе внимание. «Жизнь с ней, — вспоминала позднее Лайза, — напоминала театр абсурда».

За годы, проведенные рядом с матерью, Лайза не раз испытала на себе унижение, когда их выставляли из лучших отелей Америки и Европы. Джуди неизменно настаивала на том, чтобы останавливаться в самых шикарных отелях, куда бы они ни приехали, а если в кармане у нее не оказывалось ни гроша, она находила любые способы, чтобы обвести управляющего вокруг пальца. По мере того, как у нее кончались деньги, подобные истории случались все чаще и чаще. Лайза становилась соучастницей — обычно невольной и перепуганной — и всякий раз, когда полиции или администрации отеля удавалось выйти на их след, делила с Джуди позор и унижение. Возможно, это по-своему сближало их, однако Лайза наверняка предпочла бы, чтобы подобные вещи не происходили вовсе.

В 1957 году Джуди открыто поделилась опытом в интервью

для журнала «Макколлз»: «Когда мой брак с Винсенте распался, мы с Лайзой переехали в семикомнатный «люкс» в отеле «Беверли-Хиллэ». Мы прожили там несколько недель, и вскоре администрация стала требовать, чтобы я оплатила счета. Тогда я собрала пару чемоданов и бросила вниз к стойке. Я сказала администратору, что мне надо срочно вылететь в Нью-Йорк, и поэтому попросила сделать мне любезность и сохранить за мной номер. Я блефовала напропалую, однако мне поверили на слово. Мы с Лайзой прилетели в Нью-Йорк и проделали то же самое в отеле «Сент-Реджис».

Случалось, что Джуди посреди ночи будила Лайзу и других детей, и все они на цыпочках, чтобы, не дай бог, кого не разбудить, потихоньку убегали из отеля. Порой им приходилось бросать в номере все свои вещи, чтобы у администрации сложилось впечатление, будто номер все еще занят; или же, наоборот, надевали на себя сразу несколько одежек и, как ни в чем не бывало, выходили из дверей гостиницы, словно отправляются куда-то по своим делам.

Тем временем судьба Винсенте резко изменилась после того, как «Жижи» удостоилась девяти Оскаров, в том числе в номинации «Лучшая режиссерская работа». 6 апреля 1959 года Миннелли вручили награду Академии. Весной 1959 года, когда Винсенте отдыхал в Италии, он познакомился с Дениз Джиганти, красавицей-югославкой, которая незадолго до этого развелась с мужем-итальянцем. Винсенте и Дениз полюбили друг друга и после нескольких месяцев ухаживания на Новый год поженились. Церемония состоялась в доме Энн и Кирка Дугласов в Палм-Спрингсе. Примерно в это же время у Миннелли истек контракт с МГМ, и он потребовал для себя новые условия, в число которых входило создание собственной компании. Это было уже новым веянием в Голливуде — изжившая себя студийная система с ее жесткой иерархией постепенно дряхлела и уходила в прошлое. Режиссеры, в том числе и Винсенте, создавали собственные компании на договорной основе со студнями. В случае с Миннелли, новоиспеченная компания получила название «Вениз Продакшенс», в честь Винсенте и Дениз.

К тому времени у Лайзы уже имелись неродной брат, отчим, мачеха, единокровная сестра по отцу, бывшая мачеха и еще сводная сестра и сводный брат по матери.

И родилась очередная звезда

Что уж никак не назовешь романтичным в детстве Лайзы, так это постоянные скандалы, которые вспыхивали между матерью и отчимом, частые и загадочные отлучки последнего и новый порядок, согласно которому Лайзе вменялась в обязанность забота о неродном брате и сводной сестре, в то время как она еще едва могла позаботиться о самой себе. Нельзя сказать, чтобы опека над младшими детьми была ей не по вкусу. Как раз наоборот, Лайза опекала их всей душой, ведь они в этом нуждались. В их лице она обрела тех, на кого ей можно было излить свою любовь и от кого ее получить взамен, ведь теперь она почти лишилась возможности видеть отца, а мать с отчимом вряд ли могли дать девочке достаточно душевного тепла.

Воспоминания сестер друг о дружке представляются подозрительно размытыми и даже противоречивыми. Лорна предпочитает не помнить ничего, в то время как Лайза, словно нарочно, помнит то, что другие предпочли бы забыть. Собственно говоря, Лайза изобрела собственный способ фантазирования, которым умело пользовалась, чтобы слегка преувеличить свой жизненный опыт. «Парение», — как сама она называла его, сравнивая себя с невесомым перышком, подхваченным вихрем.

«Это значит притворяться, что ты не тот, кто ты есть на самом деле, — поясняла она. — Вы уподобляетесь пробке, подскакивающей на океанской волне. И как ни сильны волны, пробка всегда остается на плаву, ее нельзя потопить».

Джуди постоянно то напивалась допьяна, то накачивалась наркотиками, то пыталась наложить на себя руки, и никому до этого не было никакого дела, кроме Лайзы. К тому времени, когда Лайзе исполнилось двенадцать, она уже активно включилась в дежурства, стремясь уберечь мать от рокового шага, пытаясь прятать от нее таблетки, и ежеминутно была наготове, чтобы при необходимости, не мешкая, броситься к телефону и вовремя отправить мать в больницу.

В этот период Лайза сыграла несколько эпизодических ролей в картине с участием Люси Болл и Дези Арназа «Длинный, длинный трейлер» (1954 г.), в картине Арта Линклеттчера «Подростки говорят ужасные вещи» (1955), а также в 1956 году выступила вместе с матерью на сцене театра «Палас».

Выступление 1956 года, когда Лайзе исполнилось десять лет, можно в некотором роде считать началом ее карьеры в шоу-бизнесе. Разумеется, на счету у нее уже был целый ряд эпизодических ролей, однако сценический дебют Лайзы состоялся

именно тогда, когда мать поманила ее на сцену «Паласа», Рок Хадсон поднял начинающую актрису с места, и та закружилась в танце под пение матери. Она произвела такое впечатление, что администратор зала в знак признания подарил ей пять долларов. Лайза сохранила банкноту как талисман — ведь это был, по сути, ее первый гонорар. Позднее, когда ей уже исполнилось тринадцать, Лайзу уговорили спеть на вечеринке у Ли Гершвин, куда она оказалась приглашена вместе с Винсенте и Джином Келли. Другие гости пришли в изумление от ее талантов, и Келли тотчас попросил девочку исполнить с ним дуэт в его следующей телепрограмме. Он намеревался спеть там знаменитую песню «Для меня и моей девчонки», потому что когда-то давно, в 1942 году, именно эту песню он спел вместе с Джуди.

Лайза с благословения отца и матери приняла участие в программе, и хотя номер явно удался и девочка получила неплохой опыт, надо сказать, что ни на критиков, ни на публику она не произвела особого впечатления. Ей предстоит выступить еще несколько раз, однако ни одно из этих выступлений не привлекло внимания зрителей. Среди первых появлений на публике хотелось бы выделить то, где Лайза выступила в качестве телеведущей перед показом «Волшебника из страны Оз», — дело в том, что спустя почти сорок лет ей выпадет возможность сделать это еще раз.

К 1958 году Сид и Джуди разъехались снова. Джуди запретила мужу приближаться к себе и детям и вскоре уехала выступать с концертами в Нью-Йорк. С собой она захватила весь свой выводок — Лайзу, Лорну и Джои, — хотя Лайза была нужна ей в первую очередь для того, чтобы присматривать за младшими детьми, да и за ней самой. Однако вскоре Джуди лишилась работы, а на ее гонорар властями штата Нью-Йорк за неуплату налогов был наложен арест. Джуди ничего не оставалось, как вернуться с детьми в Лос-Анджелес. Она в который раз помирилась с Сидом, забрала заявление о разводе и после нескольких месяцев отдыха уже могла давать небольшие концерты, правда, нельзя сказать, чтобы они пользовались большим успехом.

На Лайзе по-прежнему лежали обязанности по дому, такие, как походы по магазинам, ответы на письма поклонников, а также решение кое-каких личных дел матери, поскольку та была не в состоянии делать это сама. Надо сказать, что Лайза не чаяла в Джуди души, хотя и жила в вечном страхе, ожидая, какой номер матушка, того и гляди, выкинет.

В конце пятидесятых годов Сид пытался отучить Джуди от наркотиков и вернуть ей здоровье — главным образом с тем,

чтобы она снова смогла зарабатывать концертами, и они наконец-то сумели рассчитаться с накопившимися долгами.

Выздоровление шло медленно и долго, а тем временем уже наступили шестидесятые годы. Лайза окончила восьмой класс и приготовилась идти в девятый, однако Джуди решила, что ей будет куда полезнее познакомиться с иным стилем жизни и иной культурой.

Джуди самой хотелось сменить обстановку, и к тому же ее манил столь любимый ею Лондон; она мечтала отдохнуть там в июле со своей подругой Кей Томпсон. Именно так появился на свет план, который она навязала Сиду, — а именно уехать из США и обосноваться всей семьей в Лондоне.

Позднее Лайза будет рассказывать: «Ей хотелось оставить в Америке все беды и несчастья и поселиться в городе, который она любила всей душой. В этом своем стремлении мама была такой забавной со всеми ее капризами, что я просто покатывалась со смеху. Я ей так и сказала, что тоже с удовольствием поселюсь в Лондоне». Так и произошло.

Для Лайзы и ее матери то была самая счастливая осень. Казалось, все ужасы, все напряжение, все тяжелые времена остались далеко позади. Лайза и Джуди напоминали скорее сестер, тем более что мать наконец-то прекратила глотать таблетки. В течение всего этого времени Лайза наблюдала, с какой любовью люди относятся к ее матери. Куда бы они ни пошли — в театр, по магазинам, на прогулку в парк или в ресторан, — неизменно повторялась одна и та же история — восторженные поклонники, жаждущие хоть краешком глаза взглянуть на свою несравненную Джуди Гарленд.

Отдых и смена обстановки сотворили с Джуди чудо, как и два, один за другим, концерта в «Палладиуме». На одном из них Лайза сидела с герцогом Виндзорским, таким же большим поклонником таланта ее матери, причем герцог тихонько напевал себе под нос все ее песни. После «Палладиума» Джуди дала еще ряд концертов в Англии и Европе, однако, несмотря на весь успех, их оказалось недостаточно, чтобы окончательно решить все финансовые проблемы.

Испытывая острый недостаток средств и одновременно ни в чем себе не отказывая в Лондоне, Сид и Джуди в 1960 году решили перебраться назад в Нью-Йорк. Лорна и Джои пошли в обыкновенную государственную школу, а Лайза поступила в Высшую школу театрального искусства, причем это была ее четырнадцатая школа за десять лет. Там к Лайзе пришли две любви. Первая — это сцена, а вторая — Роберт Мариано, студент, мечтающий о сцене. Кроме того, Лайза близко сошлась там с

одноклассником Марвином Хэмлишем, и вместе они попробовали, хотя и неудачно, записать пластинку. Дружба связывает их и по сей день.

Лайза оказалась предоставлена себе самой, потому что мать с отчимом занимались своими делами. Лайза проводила дни, изучая премудрости театрального искусства, а вечером позволяла себе развлечься. И хотя в школе она была новичком, она с головой окунулась в ночную жизнь Манхэттена.

Джуди особенно не волновалась о том, что дочь осталась одна в Нью-Йорке без всякого присмотра. «За Лайзу я спокойна. Она уже без пяти минут профессионал. И шоу-бизнес — это то, что ей надо. Она учится в Нью-Йоркской школе театрального искусства по классу танца. И у нее здорово получается».

Единственное шоу, которое Лайзе ужасно нравилось, — это «Пока, Птичка!», она постоянно сравнивала его со съемками фильма. «Это нельзя сравнить с той скучищей, которую я наблюдала в МГМ. Все происходило прямо на моих глазах, — с восторгом рассказывала Лайза. — Кордебалет «Птички» зачаровывал меня. В нем были заняты дети, и царила знакомая мне атмосфера братства. Оно представлялось мне ответом на мучавшее меня одиночество. Мы были друзьями, которые, вечно подшучивая друг над дружкой, хохотали по любому поводу».

Тем летом Лайза и Джуди сняли себе летний домик напротив дачи Джона Ф. Кеннеди в Хайаннис-Порт, штат Массачусетс, где Джуди не раз выпадала честь пообщаться с президентом лично или по телефону. Тем временем Лайза подыскала себе работу на лето — за 60 долларов в месяц раскрашивать декорации или просто быть девочкой на побегушках в летнем театре «Мелоди». Ей также посчастливилось несколько раз участвовать в массовках спектаклей «Песня цветочного барабана» и «Если бы ты был со мной», а также получить роль в мюзикле «Возьми меня с собой».

Джуди, Винсенте и его жена, Дениз, посмотрели один из спектаклей. В зал они прошли тихо, без всякого шума, дабы не отвлекать внимание публики от пятнадцатилетней Лайзы и других актеров. Джуди своим глазам не поверила, увидев, что ее дочь курит и вообще держит себя на сцене со всем как взрослая. То была своеобразная проверка действительности — Джуди сделала для себя открытие, что Лайза уже далеко не ребенок. А вот Винсенте воспринял сей факт с меньшим удивлением, хотя это и навеяло на него воспоминания о собственной молодости. Вот что он рассказывал: «Мы обедали у Джуди. Нас трое плюс Дэвид Бегельман должны были на следующий день лететь в Хайаннис-Порт. Мы с Джуди были по-настоящему взволнованы из-за выступления нашей дочери. Лайза ни разу не делилась с

нами относительно своих планов сделать карьеру в шоу-бизнесе, однако мы с Джуди решили, что дочери будет полезно провести лето, играя в театре. Мы прибыли на спектакль всем скопом. Сам театр представлял собой сцену с брезентовым навесом. Когда я, с Джуди и Дениз, вошел под его своды, у меня возникло такое ощущение, будто все вернулось на круги своя, я опять очутился в «Летнем театре братьев Миннелли». Разумеется, Лайза была бесподобна. Мы с Дениз улетели домой, и меня всю дорогу переполняла гордость за дочь, я, можно сказать, пребывал на седьмом небе от счастья».

Что касается Джуди, то это событие навеяло на нее иные, гораздо менее приятные воспоминания о собственном детстве. «Я только потому разрешаю Лайзе участвовать в спектаклях, что ей давно хотелось попробовать силы в летнем театре. Как только кончится лето, она вернется в школу. Как мне кажется, подобная жизнь несколько обкрадывает подростка, лишает его многих радостей. На сцене слишком силен дух соревнования. Не думаю, что ребенку полезно оказаться посреди всего этого. Пусть он себе растет, как ему полагается, играет, проказничает вместе со своими сверстниками. Я в свое время столько упустила! Это страшно одинокая жизнь».

Когда же у Лайзы в пятнадцать лет начались месячные, они с матерью отпраздновали это событие, приготовив себе пунш, поскольку Сид держал весь запас виски и крепких напитков под замком.

В сентябре 1961 года Джуди решила, что школа театральных искусств Лайзе не по силам, и они переехали в округ Винчестер к северу от Нью-Йорка, чтобы Лайза могла посещать там школу. Семья поселилась в доме № 1 по Корнелл-стрит.

Лайза на протяжении полугода посещала местную среднюю школу. Этот их дом располагался неподалеку от городка Ля-Рошель, где родился и вырос Сид.

Скарсдейл, где они теперь жили, был весьма чопорным местом, и большинство детей происходили из зажиточных семей адвокатов или врачей и знали друг дружку с младенческих лет. Лайза стала для них всех абсолютно чужой. И хотя держалась она вполне дружелюбно, на многих произвело огромное впечатление, что она дочь актрисы, кинозвезды. Правда, нашлись и такие, кто был не прочь попрекнуть ее родственными связями в шоу-бизнесе.

Однако Лайзе удалось растопить лед, участвуя в деятельности школьного драматического кружка, и в особенности тем, с каким чувством она сыграла главную роль в постановке «Дневника Анны Франк». Преподаватель актерского мастерства Роберт Хэзелтайн уже давно мечтал поставить эту пьесу, однако

никак не мог подобрать актрису на роль Анны Франк. В результате пришлось отложить проект до лучших времен, но в один прекрасный день кто-то из коллег сказал ему, что в школе появилась новая ученица, которая просто создана для этой роли. Поговорив с Лайзой, Хэзелтайн убедился, что на проекте еще рано ставить крест. Хэзелтайн понятия не имел, кто родители Лайзы, но знал, что у нее уже есть кое-какой опыт.

«Она старалась изо всех сил и всегда назубок знала свои реплики, — вспоминает он. — С ней я никогда не имел проблем. Разумеется, при желании она тоже бывала сущий чертенок — например, она обожала разыгрывать других членов школьной труппы, — однако в моем присутствии она неизменно держала себя как истинная леди».

Позднее, когда Хэзелтайну стало известно, кто такая Лайза и ее родители, он долго не мог прийти в себя. Кстати, нельзя сказать, чтобы это его сильно обрадовало. Приближался день спектакля, и все 400 билетов были уже распроданы. Люди буквально вырывали друг у друга билеты — не потому, что горели желанием посмотреть «Дневник Анны Франк», а потому, что надеялись увидеть на премьере Джуди Гарленд. Разумеется, она там была и проплакала весь спектакль.

В Скарсдейле проживало много еврейских семей, и некоторые из них намеренно проигнорировали спектакль, поскольку его тема слишком болезненно напоминала о пережитой ими трагедии. Однако, по мнению миссис Мюррей Сильверстоун, супруги одного из руководителей студии «XX Век-фокс», пьеса не только служила напоминанием о трагической судьбе евреев в период нацизма, но и являла собой гимн несгибаемому человеческому духу. Миссис Сильверстоун предложила взять на себя расходы по организации гастрольной поездки школьной труппы в Израиль.

Этот план подходил Лайзе как нельзя лучше — Джуди к тому времени вернулась в Англию, оставив дочь на попечение родственников в Скарсдейле. Лайза навестила мать в Лондоне, а затем, в первых числах июля 1962 года, вылетела в Израиль, где уже находились другие актеры школьного театра. В Израиле школьники играли «Дневник» в течение месяца; помимо этого Лайза с друзьями дали еще пару спектаклей в небольших поселениях малозаселенных районов страны. Для Лайзы лето завершилось остановкой по пути домой в Риме и Флоренции.

К этому времени семейство Люфтов перебралось назад в Голливуд, поскольку режиссер Стенли Крамер уговаривал Джуди сыграть главную роль в картине «Ребенок ждет» с участием Берта Ланкастера. Это предложение явилось следствием одной

сыгранной ею ранее роли, которая, как и в случае с Лайзой, имела отношение к событиям второй мировой войны. Речь идет о ленте «Нюрнбергский процесс», за которую Джуди удостоилась номинации на «Оскар» как лучшая актриса второго плана. Можно сказать, для Джуди вновь открывались двери Голливуда, и она вознамерилась во что бы то ни стало взять туда с собой и детей.

«Мои дети — это самое главное, что есть у меня в жизни. И еще их легко перевозить с места на место, — заявила Джуди. — Я сорвала их с места.

Я таскала их с собой из страны в страну, потому что я ни за что не соглашусь оставить их одних на попечение прислуги. Они счастливы только тогда, когда рядом с ними отец и мать. Вы пытаетесь удержать их при себе насколько это возможно, заранее готовясь к тому дню, когда они выпорхнут из гнезда. И надо быть морально к этому готовым и не оказаться в дурацком положении, когда такой момент все-таки настанет. Ведь они имеют право жить так, как им того хочется».

Реальность была, однако, намного ближе, чем Джуди могла себе представить.

Решение на всю жизнь

Живя в Скарсдейле, Лайза частенько возвращалась в Голливуд, поскольку отец регулярно приглашал ее погостить у себя на Западном побережье. В некотором роде здесь она с головой окуналась в воспоминания о восхитительном мире «Фабрики грез», запомнившемся ей с детства. Джуди с мужем сняли на время дом. Их союз еще держался каким-то чудом, но для самой Джуди это было время, когда ей удалось значительно укрепить материальное положение — она неплохо заработала, записав пластинку в «Карнеги-Холл», сделав ряд телепередач с Фрэнком Синатрой и снявшись в картине Стенли Крамера.

Лайзе исполнилось пятнадцать, и она училась в десятом классе, однако ей не терпелось поскорее оставить школу и пробиться в шоу-бизнес, тем более, что ее окрылял успех спектакля «Дневник Анны франк». Горя нетерпением, она даже по наивности последовала чьему-то совсем не умному совету и взялась озвучивать героиню собственной матери в мультипликационном ремейке «Волшебника из страны Оз». Назывался он «Возвращение в страну Оз», и в нем звучали голоса таких актеров, как Микки Руни, Мильтон Берль и Этель Мерман. Вся эта затея обернулась пшиком. Некоторые остряки шутили, что ленту следовало бы озаглавить «Возвращение на горшок». В это время Лайза пережила свой первый роман с двадцатилетним певцом по имени Том Купер, с которым она познакомилась благодаря тому обстоятельству, что он был просто помешан на фильме «Родилась звезда».

Купер, канзасский парень, был настолько зачарован ее сюжетом, что, приехав в Голливуд, снял собственную, восьмимиллиметровую версию. Джуди стало каким-то образом об этом известно, и она обратилась к Куперу с просьбой позволить посмотреть его работу. Это, в свою очередь, привело к тому, что Люфты заинтересовались Купером всерьез.

В январе 1962 года у Сида и Купера наконец-то появилась возможность познакомиться друг с другом на вручении наград «Золотого Глобуса». По словам Купера: «Мы с Сидом болтали, и я, заметив в журнале фотографию Лайзы, обратил его внимание на этот снимок». Сид, в свою очередь, настоятельно посоветовал Куперу позвонить ей, потому что у Лайзы было не так уж много друзей. Когда Купер позвонил, Лайза сначала просто рассмеялась, однако, узнав, что он певец и выступает по вечерам в «Хилтоне», пришла в искренний восторг.

Она любила слушать пение Купера, потому что, по ее

собственному признанию, ей тоже не терпелось попасть в шоу-бизнес. Во время свиданий они частенько пели друг для друга. Вот что рассказывал сам Купер: «Она была не из тех безмозглых девиц, которые едва в состоянии связать пару слов. С Лайзой никогда не приходилось скучать, и вообще она восторженно отзывалась о моих песнях».

Их встречи продолжались почти полгода. Есть основания полагать, что физической близости между ними не было, что тем более делает для нее это мимолетное увлечение единственным в своем роде.

В апреле Джуди в одиночку вернулась в Нью-Йорк. Тут она подхватила ангину и в результате оказалась на больничной койке. Сид с детьми немедленно прилетел к ней в Нью-Йорк. Однако Джуди заявила ему, что собирается в Лондон, и в который раз завела речь о разводе. Затем последовал ряд маневров, когда оба они пытались оставить за собой детей. В конце концов Джуди с детьми вылетели в Лондон. Сид, однако, тоже последовал им вдогонку, а Джуди обратилась к властям, дабы не допустить, чтобы дети вместе с Люфтом вернулись в Штаты.

В то же время Джуди Гарленд продолжила сниматься в картине «Я могла бы продолжать петь», в которой ее партнером был Дирк Богард. В какой-то момент ей пришла в голову мысль, что для шестнадцатилетней Лайзы было бы неплохо прослушать пару-тройку спецкурсов в Сорбонне, и в результате Лайза отправилась во Францию. Однако Париж показался ей довольно тоскливым, особенно по сравнению с теми деньками, когда она жила и ходила в школу в Манхэттене.

По словам Лайзы: «В Сорбонне мне нравилось, даже несмотря на то, что особых знаний я там не получила. Правда, я выучила французский, что впоследствии отлично пригодилось для моих концертов. Но я твердо знала, чего мне хочется, ведь я уже все взвесила и обдумала. Я знала, что мне хочется самостоятельно жить в Нью-Йорке и брать уроки пения, танца, актерского мастерства, а там, глядишь, что-нибудь и наклюнулось бы».

В конце семестра 1962 года Лайза послала матери телеграмму. Джуди к тому времени снова вернулась в Штаты и выступала в Лас-Вегасе. Лайза заявила матери, что вылетает к ней, потому что ей надо сказать что-то важное. После этого Лайза купила себе билет на самолет и вернулась в Нью-Йорк, где у нее состоялась встреча с отцом. «Я решила бросить школу, вернуться в Нью-Йорк и выйти на сцену», — заявила она ему. Ответ отца, по всей видимости, застал ее врасплох — она никак не ожидала услышать: «Да, по-моему, самое время. В тебе столько энергии, что, пожалуй, пора найти ей применение».

Мачеха Лайзы, Дениз, также советовала ей поселиться в Нью-Йорке и всерьез заняться изучением театрального искусства. Этот совет совпал с собственными стремлениями Лайзы, потому что Нью-Йорк был ей больше по душе, нежели Голливуд. «Я мечтала о Бродвее, — рассказывала она. — Меня не слишком тянуло в кинозвезды. Театр же, наоборот, был этакой заповедной территорией, чего никак не скажешь о Голливуде и кино».

В конечном итоге Лайза отправилась в Лас-Вегас сообщить матери о своих планах. Она заявила Джуди, что хотела бы пойти по ее стопам.

Как только Джуди узнала, что дочь собирается к ней в Лас-Вегас, ей тотчас стало ясно, к чему все идет, хотя сама она придерживалась того мнения, что Лайзе все это совершенно ни к чему.

Джуди как-то поделилась своими размышлениями о шоу-бизнесе с Питером Эвансом, ее знакомым писателем: «С тех пор как я пришла в шоу-бизнес, я жила за счет аплодисментов. Но вся беда в том, что их невозможно отложить на черный день. Знаешь, киса, на всех этих «браво» особо не разживешься. И я молю бога, чтобы ни Лайза, ни Лорна не повторили судьбу матери. Ведь Слава — она приносит больше несчастий, чем что-то еще».

Но внутренний голос нашептывал Джуди, что все именно так и произойдет. Как выразилась сама Лайза: «Невозможно быть дочерью Винсенте Миннелли и Джуди Гарленд и в конечном итоге найти себя в страховом деле или торговле недвижимостью».

«Я тотчас поняла, что к чему, — вспоминала Джуди. — По-моему, она решила пойти в шоу-бизнес еще сидя у меня в животе, недаром она так толкалась. Когда пришла та телеграмма (сообщавшая о предстоящем приезде Лайзы), то первое, что мне пришло в голову, было: «Господи, да этот ребенок летит ко мне за тридевять земель и всю дорогу репетирует, что будет говорить». И тогда я тоже начала репетировать, что мне ей сказать, причем в голову лезли всякие банальности о том, что ей следует непременно вернуться в школу.

Не успел самолет приземлиться, как Лайза сбежала по трапу и сразу бросилась ко мне. Я тотчас выпалила: «Лайза, почему бы тебе не пойти в шоу-бизнес?» И мы бросились друг дружке на шею и расплакались прямо у всех на виду, мы так и стояли — зареванные и счастливые».

Теплые чувства между матерью и дочерью нередко все же соседствовали с некоторой натянутостью, а в дальнейшем их отношениям предстояло претерпеть значительные перемены. Лайза говорила, что больше не нуждается в матери, как раз в тот момент, когда Джуди Гарленд поняла всю свою привязанность к

старшей дочери. Желая казаться сильной, Джуди заключила с Лайзой своеобразную сделку: «Что ж, если тебе и впрямь очень хочется — давай дерзай. Но при одном условии: от меня никаких денег — даже не заикайся. Теперь, детка, ты сама себе хозяйка».

«Детке» в ту пору было всего шестнадцать.

Мать, можно сказать, резала по живому, но сей факт служит наглядной иллюстрацией ее настроений в тот момент. Лайзу это, конечно, больно задело, но она не желала отступать от задуманного. Кроме того, в глубине души она надеялась, что если уж станет совсем туго, мать не бросит ее наедине со своими проблемами. Джуди отлично понимала, через какие муки надо пройти, чтобы прочно занять место в сердце рядового американца; ей самой пришлось сыграть милую, невинную девчушку, бредущую по Желтой Кирпичной Дороге со своим верным Тото. Она не забыла, что, между прочим, кандидаткой на эту роль первоначально была Ширли Темпл, поскольку Джуди выглядела старше своих лет. Когда же роль все-таки досталась ей, для съемок приходилось марлей плотно перебинтовывать грудь, чтобы казаться помоложе. Не забыла Джуди и зловредных выходок своих партнеров по фильму, всей душой ненавидевших малолетнюю нахалку, посягнувшую на их славу. Реальность оказалась грустной и изматывающей, зато иллюзия сработала, и Джуди вошла в дома миллионов людей по всему свету.

И вот теперь юная шестнадцатилетняя особа, между прочим, ее собственная дочь, начинает профессиональную карьеру, когда матери всего через несколько месяцев стукнет сорок.

Джуди уже вряд ли могла претендовать на образ юной, полной жизненных сил Дороти. Более того, всего несколько месяцев назад, 23 апреля 1961 года, в «Карнеги-Холл» состоялось рождение другой, новой Джуди Гарленд. Образ Дороти пережил трансформацию в культовую фигуру, которая будет доминирующей в отпущенные ей свыше годы жизни. В качестве концертной исполнительницы Джуди завоюет сердца американских гомосексуалистов, точно так же, как то позднее удалось Бетт Мидлер и Джейн Оливер. Позднее она так отзовется по поводу этой странной, однако глубокой привязанности: «Когда я умру, на Файер-Айленде наверняка приспустят флаг»[1]. До конца ее дней между Джуди и публикой на концертах будет неизменно царить любовь.

Но когда одна любовь только расцветала, другая, наоборот, увядала и чахла, а в конечном итоге вылилась в ожесточенную тяжбу за право опекать Дорну и Джои, причем на какие ухищрения только не шли, чтобы лишить женщину законного права на своих детей. Лайза в это время продолжала свое

восхождение к славе, но для матери то будут четыре с половиной года тяжких испытаний. По иронии судьбы, они как бы заново разыгрывали роли из картины «Родилась звезда».

Сид клятвенно заявил в суде, что Джуди не в состоянии справиться с материнскими обязанностями — она-де «эмоционально неуравновешенная личность, которая только за годы их совместной жизни около двадцати раз покушалась на самоубийство. По крайней мере трижды за год и многочисленное количество раз до этого она принимала сверхдозы барбитуратов. Шесть раз ею предпринимались попытки самоубийства путем перерезания запястий, локтевых вен, горла».

Боль и унижение продолжались — теперь целая армия бывшей прислуги и прочих прилипал открыто заговорили о ее пристрастии к алкоголю, буйстве и злоупотреблении наркотиками. Один из свидетелей утверждал, будто однажды Джуди разделась донага перед администрацией отеля.

В свою защиту Джуди заявила, что Сид грешил рукоприкладством, и она серьезно опасается за свою жизнь. Наконец, в 1965 году на День Благословения, Джуди получила долгожданный развод. Оба младших ребенка также остались с ней.

Тем временем шестнадцатилетняя Лайза обосновалась в Нью-Йорке, деля квартиру с разными своими знакомыми — например, с Таней Эверитт, вместе с которой они посещали актерский класс, и Таниным братом Трейси, который танцевал в постановке «Как преуспеть в бизнесе, не прилагая особых стараний». У Лайзы имелись 100 долларов сбережений и та «счастливая» пятидолларовая купюра, которую она получила на сцене «Паласа», исполнив вместе с матерью «Суони». Начало карьеры для Лайзы оказалось не из легких, однако она не желала отступаться даже после того, как ее со скандалом выкинули из знаменитой «Барбизонки», а вещи конфисковали в счет уплаты долгов. В ту ночь Лайзе пришлось переспать в Центральном парке, но она дала себе слово, что добьется успеха, не полагаясь на родительскую помощь. Фрэнк Синатра, первым навестивший ее после появления на свет, потихоньку послал Лайзе 500 долларов, чтобы как-то помочь ей продержаться первое время, однако гордость не позволила ей принять этот дар и Лайза отослала деньги назад.

Не сказать, чтобы Лайза была красавицей, денег у нее тоже не водилось, но зато у нее имелось нечто более ценное: два имени — Джуди Гарленд и Винсенте Миннелли. Лайза была вынуждена взяться за два дела одновременно. Чтобы прокормить себя, она подрабатывала манекенщицей для таких журналов, как

«Севентин», и одновременно старалась добиться успеха на сцене. Изо дня в день приходилось заниматься одним и тем же — постановка голоса, актерское мастерство, танец и поиск ролей в театрах. Подрабатывая манекенщицей, Лайза смогла самостоятельно платить за квартиру и оплачивать учебу. К счастью для нее, молодежная мода была такова, что отлично подходила к ее внешности. Лайза даже удостоилась целой статьи в «Ти Ви Гайде».

Что касается сценического мастерства и танца, Лайза, подобно многим детям из актерских семей, вскоре сделала для себя открытие, что если благодаря имени перед ней открываются двери, при отсутствии таланта этого все равно будет явно недостаточно, особенно когда хочется добиться настоящего признания. Вот что она вспоминает: «Первые мои роли достались мне отнюдь не благодаря таланту. Просто здесь сработало имя моей матери плюс любопытство».

Однако вскоре стало ясно, что талантом бог ее не обделил. Как ни странно, первой это разглядела Джуди, услышав в феврале 1963 года, как дочь читает стихи на вечере поэзии, посвященном творчеству Роберта Фроста. Обычно Джуди старалась не появляться на концертах с участием Лайзы, поскольку ей не хотелось привлекать внимание к своей особе. Однако после посещения вечера поэзии Фроста у Джуди появилась и другая причина: ей не хотелось лишний раз признаваться себе в том, что дочь теперь, можно сказать, наступает ей на пятки и притом весьма успешно. Критики восторженно отозвались о чтении Лайзы, назвав его мощным и проникновенным. Именно этот свой талант Лайза всеми силами старалась отшлифовать, когда брала уроки у таких признанных мастеров своего дела, как постановщик голоса Дэвид Сорен Колльер и преподаватель сценического мастерства Герберт Бергхоф, через чьи руки прошли несколько десятков начинающих талантов, таких, например, как Бетт Мидлер.

Джуди хватало мудрости не вмешиваться в карьеру Лайзы, однако здесь не обошлось без театральных заправил, которым казалось, что имя Джуди придаст выступлениям Лайзы известную долю скандальности. Это касается и тех продюсеров, что отдали Лайзе главную роль в новой версии постановки «Лучшей ноги», которая должна была состояться в крошечном зальчике, известном как «Сцена № 73», примыкающем к одному из нью-йорских баров. Они наделись нагреть руки на честолюбивых стремлениях Лайзы и имени Джуди, и обе они — мать и дочь — клюнули на эту удочку.

«Мама страшно обрадовалась, когда я сказала ей об этом, —

вспоминала Лайза. — Я позвонила ей в Калифорнию — да, такое не часто услышишь. Сначала она ужасно разнервничалась и начала увещевать меня, чтобы я не слишком волновалась и держала себя в руках и вообще, чтобы я держалась молодцом, затем она принялась расспрашивать меня, что я собираюсь петь, и, может, ей стоит прилететь ко мне и взять на себя мои дела? Я просто не ожидала от нее ничего подобного. Она вся извелась из-за меня». Платили Лайзе 45 долларов в неделю.

«Лучшая нога» обернулась для Лайзы худшей, так как начинающая актриса сломала собственную ногу на репетициях. Премьеру пришлось отложить, а сама Лайза отпраздновала свое семнадцатилетие в больнице. Наконец, 2 апреля 1963 года, состоялась премьера, вызвавшая такой ажиотаж и столпотворение, что не обошлось без вмешательства полиции. Три места в первом ряду были зарезервированы для Джуди, Дорны и Джои. И хотя в день премьеры они предпочли остаться в «Отеле Палас», тем не менее послали Лайзе бутылку шампанского.

Отсутствие Джуди отнюдь не обескуражило продюсеров — их предчувствие, что звезда непременно даст о себе знать, подогревало зрительский интерес ничуть не меньше, чем если бы звезда действительно почтила спектакль своим присутствием. Когда на следующий день Джуди все-таки появилась, в сопровождении толпы фотографов, пресс-агентов, репортеров и прочих прихлебателей, безумствам поклонников не было предела.

Сама Джуди заявила: «Я проплакала все глаза. Я так горда за свою дочь. Ведь она добилась успеха благодаря исключительно собственным усилиям».

И хотя это был еще не Бродвей, спектакль привлек к себе внимание прессы, правда, отклики критиков оказались довольно противоречивыми, но даже несмотря на это продюсеры остались довольны.

Джуди делала вид, что не желает вмешиваться, однако не смогла удержаться и принялась давать наставления. Она потихоньку помогла с рекламой спектакля, попросив своего приятеля Джека Паара пригласить Лайзу принять участие в его телепрограмме «Сегодня Вечером».

В свойственной ему остроумной манере Паар представил «Диджу Ленгард» — что, конечно же, является анаграммой «Джуди Гарленд» — в качестве армянской певицы. Лайза своим пением покорила зрительскую аудиторию. И лишь тогда Паар раскрыл подлинное имя своей таинственной гостьи — Лайза Миннелли. Это было ее первое значительное появление на телевидении, причем прошло оно весьма успешно. Разумеется,

оно также подогрело интерес к ее спектаклю.

Гвоздем программы оказался сольный номер, когда Лайза исполняла «Ты создан для любви», написанный для нее Хью Мартином и Ральфом Блейном. Номер оказался столь удачным, что позднее было продано около полумиллиона синглов, выпущенных фирмой грамзаписи «Каденция», что, в свою очередь, повлекло за собой лавину заманчивых предложений для самой исполнительницы.

Вот как описывает репортер газеты «Уимин Веар Дейли» Мартин Готтфрид ту страсть, с которой певица исполнила «Ты создан для любви»: «Примерно за пять минут до последнего занавеса Лайза Миннелли, стоя в одиночестве на сцене, исполняет новый номер, который называется «Ты создан для любви». Готов поспорить, закрыв глаза, вы наверняка подумаете, что слышите юную Джуди Гарленд. Если же предпочтете держать глаза открытыми, то все равно ощутите, как у вас по коже бегают мурашки. Ничто другое во всем спектакле не сравнимо с этими пятью минутами, исполненными талантом и чувством».

Как ни странно, первый альбом Лайзы «Ты создан для любви» пользовался гораздо большим коммерческим успехом, чем все ее последующие записи, и причина видится в том, что никакая грамзапись не в состоянии передать эффект присутствия Лайзы за сцене. Эта ее песня лишь еще раз подтвердила истину, что шоу-бизнес — это, в сущности, тесный мирок. Хью Мартин и Ральф Блейн писали также песни для Джуди, для ее мюзикла «Встретимся в Сент-Луисе».

И хотя гипс на ноге первоначально лишил Лайзу возможности выступить с танцевальными номерами, в целом отзывы критиков оказались весьма доброжелательными. Например, Роберт Колман из «Нью-Йорк-Миррор» ограничился следующим замечанием: «Лайза великолепна! Она вся искрится энергией»; Джеймс Дэвис из «Нью-Йорк Дейли Ньюс» рекомендовал посмотреть спектакль по другим соображениям: «Лучшую ногу» несомненно стоит посмотреть, чтобы в один прекрасный день вспомнить, что на ваших глазах состоялся дебют Бродвейской звезды».

А Джордж Оппенгеймер, несколько более сдержанный в своих оценках, писал в «Ньюсдей»: «Юная мисс Миннелли, едва выпорхнув из школьных стен, пока что не в состоянии тягаться с матерью как исполнительница, но у меня есть все основания полагать, что вскоре и это ей будет по силам. Во всем остальном же Лайза сильно напоминает Джуди — не только внешностью и манерами, но и какой-то природной ранимостью. Так и хочется подняться на сцену, обхватить ее за плечи и сказать, какая она

молодчина».

То был весьма прозорливый взгляд на мать и дочь по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, Оппенгеймеру удалось тонко подметить важную черту характера, которую они обе приоткрывали на своих концертах и которая составляла сердцевину их личной жизни. Это то, без чего невозможно понять их судьбу. Обеих женщин отличала ранимость, и обе они научились в отношениях с окружающими использовать эту свою черту себе же во благо. Джуди обычно называла это «сочувствием», говоря, что только тем и занимается, что «проявляет сочувствие». Собственно говоря, она пользовалась этим своим качеством, чтобы, вызвав сострадание окружающих, добиться своего.

Во-вторых, то был один из первых случаев, когда мать и дочь сравнивали между собой, и это сравнение станет для Лайзы проклятием всей ее карьеры. Лайза отлично понимала, что буквально во всем — внешностью, голосом, манерами — походила на мать, и, тем не менее, девушке страстно хотелось, чтобы ее воспринимали именно как «Лайзу Миннелли», а не как дочь Джуди Гарленд. На протяжении последующих тридцати лет она на все лады будет кричать об этой своей потребности быть и оставаться самой собой, и тем не менее это наследство — или проклятье — ей придется нести всю свою жизнь.

Уолтер Керр, один из самых влиятельных нью-йоркских театральных критиков, увидел в Лайзе как индивидуальность, так и слепок матери: «Лайза Миннелли не оставит вас равнодушными, и дело не в том, что она дочь Джуди Гарленд и в ее голосе слышится хорошо знакомое нам хрипловатое тремоло и приглушенный смешок после каждой строчки. Она забавна, уверена в себе, талантлива, умеет расположить и, главное, как мне кажется, уже состоялась как личность».

Джуди, посмотрев спектакль, прониклась гордостью за дочь, хотя и призадумалась, разглядев в Лайзе потенциал, превосходящий ее собственный. «Знаете, — заявила она, — она первая из нас, кому это по плечу. Мне так и не удалось выступить на Бродвее». Шоу «Лучшая нога» продержалось семь месяцев и сошло с подмостков лишь 13 октября 1963 года, выдержав 244 представления. Цель, о которой мечтали продюсеры, была достигнута, как они и надеялись, спектакль принес колоссальные сборы, а кроме того, помог Лайзе заявить о себе в шоу-бизнесе — правда, она ушла из спектакля за месяц до его закрытия. О ней не только писали на страницах разнообразных изданий. Журнал «Мир Театра» вручил ей специальную награду «Многообещающей актрисе». За несколько недель до последнего представления

Лайза подписала контракт с Ассоциацией Творческих Менеджеров и, что самое главное, познакомилась с Фредом Эббом, который в будущем стал неотъемлемым фактором ее успеха — как друг, ментор, профессиональный наставник, а частенько и как режиссер и сценарист.

Но неожиданно Лайза оказалась вне шоу, а это значит, не у дел, без каких-либо перспектив на грамзапись или новые контракты, и ей, семнадцатилетней девушке, пришлось испытать все те финансовые трудности, которые выпали на долю ее матери после того, как та рассталась с Винсенте и МГМ. Ее, как когда-то мать, выставляли из отелей, и если верить байкам, однажды ей даже пришлось коротать ночь у фонтана напротив отеля «Плаза».

Правда, на следующий день ее взяла к себе Пола Уэйн, подруга, также занятая в спектакле «Лучшая нога». Лайзе и раньше доводилось ночевать у нее после затянувшихся вечеринок, но на этот раз дела обстояли гораздо серьезнее. А тем временем мать сидела на телефоне, обзванивая всех своих старых знакомых и пытаясь устроить дочери очередной контракт, — правда, той об этом не было ничего известно.

Лайза несколько раз за сущие гроши, а то и вообще за так, приняла участие в популярных радиошоу, таких, как, например, шоу Артура Годфри, однако она позарез нуждалась в настоящей работе.

Надо сказать, что Джуди старалась и ради себя самой — ей хотелось, чтобы Лайза приняла участие в ее новой телепрограмме, выходившей по лос-анджелесскому ТВ, — «Шоу Джуди Гарленд». До этого Лайзу не особо тянуло в Лос-Анджелес, поскольку у нее отлично шли дела в мюзикле. Кроме того, к этому времени у нее завязался роман с Трейси Эвериттом, приятелем-танцовщиком, который покорил ее сердце, заставив юную актрису трепетать от любви. Когда Джуди поняла, что именно Трейси привязал Лайзу к Нью-Йорку, она и его пригласила принять участие в шоу и таким образом переманила их обоих в Лос-Анджелес. Благодаря этому Лайза получила возможность несколько раз появиться на телеэкране — в шоу «Сегодня Вечером» (3 июня), в «Разведчиках Талантов» (2 июля) и в специальном выпуске Эн-Би-Си «Апрельский бал в Париже» (27 октября).

И наконец 17 ноября 1963 года Лайза появилась в собственном субботнем шоу Джуди, которое, однако, вскоре приказало долго жить. Сама Джуди была от него в восторге, однако заправилы телекомпании предпочли его зарубить, объясняя свое решение низким рейтингом. Разумеется, Джуди ужасно расстроилась, ведь для нее эта телепередача являлась

гарантом финансовой стабильности, которой ей остро недоставало, однако, факт остается фактом, ее детище было не в состоянии тягаться с другими, более популярными программами.

Однако через несколько дней и это событие отошло на задний план перед трагедией, потрясшей всю страну. Из Далласа пришло сообщение, что Президент США — он же старый знакомый Джуди — убит. Весть о его смерти доконала Джуди окончательно, ибо вписывалась в странную чересполосицу радостей и неудач, сменявших друг друга каждую неделю. Джуди попеременно то давала потрясающие концерты, то крайне неудачные шоу; то у нее все самым чудесным образом ладилось в семье и с друзьями, то все летело к чертовой матери. К моменту убийства Кеннеди в 1963 году, жизнь Джуди стала еще более тоскливой и безрадостной. И в ответ она стала отыгрываться на окружающих.

Для Лайзы 1963-й также стал не самым удачным годом. Начался он для нее с перелома стопы, когда она репетировала «Лучшую ногу», а закончился в больнице, куда Лайза попала по причине врожденной болезни почек. Однажды ноябрьским утром она проснулась от страшной боли. Как она сама вспоминает об этом: «У меня подскочила температура, а ноги подкашивались и были похожи на вареные макароны». После трехдневного обследования врачи решили, что, должно быть, это камни. Джуди также в свое время страдала почками и за три года до этого угодила в больницу с острым приступом. Врачи тогда обнаружили у нее гепатит, который она подхватила где-то раньше. Джуди мучилась так сильно, что врачи даже опасались, как бы ей не пришлось поставить крест на исполнительской карьере.

Оправившись после болезни, семнадцатилетняя Лайза согласилась на роль в «Карнавале». 28 января 1964 года мюзикл открылся в театре «Минеола» на Лонг-Айленде, all февраля переехал в театр «Бумажная Мельница» в Миллборне, штат Нью-Джерси. Для Лайзы то было первое светлое пятно в ее жизни за много месяцев, и все говорили, что она наконец-то снова вернулась на сцену, столь ею любимую. В основе «Карнавала» лежал сюжет эмгээмовской ленты «Лили», в которой несколько героев-неудачников наконец обретают долгожданное счастье. Несмотря на успех Лайзы в первом мюзикле, Джуди настоятельно рекомендовала дочери не браться за новую роль, говоря, что она-де еще слишком юная, а театральная жизнь — сложная штука (имея в виду, в первую очередь, распущенность нравов). Однако многие подозревали, что матерью двигало эгоистичное желание переманить дочь к себе в Калифорнию, чтобы было кому за ней

ухаживать.

Как бы там ни было, Джуди заявила Лайзе, что сделает все возможное, чтобы не допустить ее участия в спектакле. Она даже созвала репортеров и заявила, что запрещает дочери-подростку развлекаться в ночных клубах Манхэттена, так как неожиданно испугалась, что та слишком рано изведает вкус запретных плодов. Напомним себе, что это та самая мать, которая однажды заявила своему ребенку, что тот может идти в шоу-бизнес, но только пусть не ждет от нее никакой помощи. Странная и непоследовательная реакция Джуди буквально всех ставила в тупик.

«Узнав, что я все-таки остаюсь (в спектакле), мама вышла из себя, — вспоминала Лайза. — Я ужасно перепуталась. Я знала, что мама при желании способна ставить мне палки в колеса — ведь, несмотря ни на что, у нее все еще имелись связи».

Пресс-агент проекта, Пэт Хипп, так описывает устроенный Джуди бедлам: «Мы отлично продавали билеты на спектакль на месяц вперед (на тот самый, в котором было объявлено об участии Лайзы). И вдруг ни с того ни сего — нате вам! Звонит адвокат Джуди Гарленд. Она, видите ли, запрещает дочери участие в спектакле, поскольку та слишком юная. Слишком юная для театра. Только не сейчас — а, может быть, и вообще никогда, — заявила нам мисс Гарленд. И тут началось — звонки через всю страну, уговоры, истерики. Мы порой не знали, состоится ли вообще этот спектакль».

Премьера, как и было запланировано, состоялась 28 января 1964 года, Лайзе скоро должно было исполниться 18, и Винсенте доказывал Джуди, что, мол, дочь имеет полное право попробовать свои силы и не стоит ей мешать. Что ж, Лайза получила такую возможность и воспользовалась ею на все сто. Вот что вспоминает Пэт Хипп о ее выступлении: «На сцену вышла Лайза. Она и впрямь была похожа на беспризорницу. До начала спектакля она плакала за кулисами. Она была просто великолепна. Не в том смысле, что хороша собой, а в том, что действительно казалась такой бездомной, такой несчастной и неприкаянной. Голос ее трогал до глубины души, звучал любовью. То было истинное чудо!»

Хипп не сомневалась, что так оно и будет, ибо Лайза уже проявила свое дарование во время генеральной репетиции. «Я стояла в конце зала, а она в это время исполняла «Самое главное на Земле — любовь». Лайза сразила меня наповал, она была просто чудо! Нет, она была божественна! Она была великолепна! Ее голос зачаровывал! У меня перехватило дыхание. Честное слово, я даже затрудняюсь сказать вам, кто еще был занят в спектакле. Мне запомнилась одна только Лайза!»

Хипп также врезалось в память, какое впечатление произвела на нее юная звезда, когда впервые столкнулась с ней во время переполоха, вызванного запретом Джуди. «Я впервые увидела Лайзу, когда она сидела в кабинете возле коммутатора. На ней были джинсы, а сама она выглядела растрепанной. Она ревела. Ей позвонила Джуди и устроила очередной нагоняй. С меня хватило одного взгляда — мне тотчас захотелось обнять ее и приласкать».

«Карнавал» пользовался успехом как у публики, так и у критиков, и, что самое главное, снискал Лайзе славу талантливой исполнительницы. Ее голос, ее телодвижения — так или иначе навевали воспоминания о ее матери, так что трудно было удержаться от сравнений. Многие находили особую прелесть в том, что видели в Лайзе юную Джуди Гарленд. С самого начала подобные сравнения были Лайзе отнюдь не по душе, ибо, как уже говорилось выше, она всеми силами стремилась завоевать право оставаться собой. Ей хотелось, чтобы посторонние в первую очередь уважали в ней индивидуальность, вместо того чтобы видеть в ней бледную копию маленькой девочки из «Волшебника страны Оз». Она мечтала сделать себе имя, так чтобы зрители поняли наконец, что она — это Лайза, а не вторая Джуди.

«Я так из кожи вон лезла, чтобы только не быть на нее похожей, что даже петь стала фальшиво, — рассказывала Лайза. — Это стоило видеть — я фальшивила без зазрения совести, и, что самое главное, на виду у всех!» По крайней мере, один критик пришел к выводу, что она своего добилась.

Майк Мактрейли из «Ньюсдей» писал: «Разумеется, без сравнений с Джуди Гарленд никак не обойтись — тот же самый трепетный голос, то же самое уважение к слову, широко раскрытые глаза, сжатые кулаки, брови, постоянно находящиеся в движении. И все-таки, когда Лайза исполняет свою вторую песню «Да, мое сердце», зрительские аплодисменты принадлежат ей и только ей. С этого момента вы забываете о всяких сравнениях».

Пытаясь повторить успех «Карнавала», Лайза согласилась сыграть еще несколько ролей на провинциальной сцене, а также в мюзикле «Мистер Бродвей». Спектакли оставляли желать лучшего и, разумеется, не шли ни в какое сравнение с ее работой в «Карнавале». Между делом Лайза участвовала в гастрольных поездках труппы «Фантастике», где ей довелось познакомиться с такой значительной фигурой, как Элиот Гулд, который в то время был женат на Барбре Стрейзанд. Первое впечатление, сложившееся у Гулда о юной исполнительнице, было вполне положительным: «Просто невероятно, сколько в ней напора, энергии. Она выкладывалась вся до конца. У нас на репетиции оставалось всего две недели — помню, ее отец тогда еще

остановился в «Сэлливан Стрит Тиэтр», чтобы перехватить нас, — но что это были за две недели! Сплошное веселье! Больше всего меня в ней поразило полное отсутствие эгоизма. Она проявляла к моей работе такой интерес, как к своей собственной».

Лайза с Гулдом сумели найти общий язык, чего никак не скажешь о ее отношениях с кредиторами. Просто она зарабатывала слишком мало денег, чтобы хватало на жизнь в Нью-Йорке.

«Однажды у меня в квартире погас свет, и я решила про себя, ну вот, опять перебои с электричеством, — рассказывала Лайза. — Так что я спустилась вниз в магазин купить себе чего-нибудь поесть. На лестнице меня перехватила хозяйка и сказала: «Мне очень жаль, мисс Миннелли, но вы лишились кредита». На следующее утро я обнаружила, что счет за электричество валяется неоплаченным. На меня словно ушат холодной воды вылили. Я отказывалась поверить, что все это действительно происходит со мной. Я так расстроилась, что пошла к «Картье» и купила себе часы!»

Надо сказать, что подобное звучало вполне в духе Джуди, однако в отличие от матери Лайза поняла, что умение считать деньги отнюдь не входит в число талантов ее семьи, и, что весьма мудро с ее стороны, перепоручила этот аспект своей жизни адвокатам, которые постепенно как-то смогли упорядочить создаваемый ею хаос.

Тем временем Джуди пыталась как-то помочь дочери, однако, принимая во внимание скандал, вызванный ее вмешательством в постановку «Карнавала», Лайза не желала даже слышать ни о какой помощи. И тогда Джуди сделала воистину широкий жест, пригласив Лайзу выступить вместе с ней в лондонском «Палладиуме» с концертом, который был запланирован на 8 ноября 1964 года. Приглашение это представлялось довольно заманчивым, ведь Джуди пользовалась особой популярностью у британского зрителя, и выступление было, что называется, обречено на успех. Более того, билеты разошлись всего за два дня, и в результате пришлось назначить второй концерт. Тем не менее с трудом верится, будто мать и дочь не понимали тогда, что их будут сравнивать друг с дружкой, и между прочим, так оно и случилось, причем сравнивали и критики, и публика!

Два дня, что перевернули их жизнь

Выступление в «Палладиуме» явилось для Лайзы решающим моментом ее жизни — выйдя с матерью на сцену, она засияла собственным светом, покорив зрительскую аудиторию своим исполнением песни «Кто теперь жалеет?». Казалось, она адресовала этот же самый вопрос матери, и публика с замиранием сердца следила за тем, как первые бесхитростные строки, накаляясь, перерастают в страстное обвинение. Восторженные возгласы зрителей и рев аплодисментов постепенно превратили дуэт в дуэль. За этим первым выпадом против матери последовал другой — «Все зависит от тебя», — песня, которую Лайза исполнила в оскорбительной для Джуди манере.

Что бы ни думала измученная и выдохшаяся Джуди об этих двух концертах в «Палладиуме», она — и это на нее совсем не похоже — проявила несвойственную для нее сдержанность. Чего не скажешь о Лайзе. Дочь, несмотря на свою молодость, поняла, что с этого момента их отношения с матерью в корне изменились, и теперь они уже не мать и дочь как прежде, а соперницы.

Примерно то же самое через несколько лет довелось испытать Карли Саймон, когда она услышала первую пластинку, выпущенную Беном Тейлором, ее сыном от брака с музыкантом Джеймсом Тейлором.

«Интересно, есть ли в английском языке такое слово, которое одновременно означало бы и гордость и зависть? — вопрошала Саймон. — Я понимаю, что большинство людей ни за что не признаются в том, что завидуют собственным детям, но стоит только открыто сказать себе об этом, как тотчас становится легче».

Однако во время концерта в «Палладиуме» возникшее между матерью и дочерью соперничество не могло не броситься в глаза публике, и оно оставило неприятный осадок. Некоторым показалось, будто на этих концертах Лайза вела себя куда агрессивнее, чем ей самой хотелось, и с ее стороны то был довольно бесцеремонный и жестокий выпад против матери.

Как уже говорилось выше, люди пришли посмотреть и послушать именно Джуди. После того, как та исполнила несколько баллад, она с гордостью объявила: «Леди и джентльмены, Лайза Миннелли», и с помощью этих нескольких слов лично открыла ящик Пандоры.

Публика встретила Лайзу почтительно, и юная исполнительница заняла место посередине сцены, оттеснив мать

в сторону. Лайза, в отличие от задумчивого и душевного репертуара матери, выбрала для себя такие мощные вещи, как «Жизнь на колесах», «Передай трубку мира» и «Цыганская душа», и тот энтузиазм, с которым она их исполнила, тотчас нашел отклик у зала — люди хлопали и притопывали носками туфель, еще не догадываясь о том, что околдованы этой юной «версией» Джуди.

Несколько выбитая из колеи восторженным приемом, оказанным дочери, Джуди вернулась на сцену и до самого конца концерта исполняла баллады либо одна, либо на пару с Лайзой. Однако было ясно как божий день, что Лайза своим напором покорила сердца англичан, в то время как Джуди всего лишь давала добротный, хотя и не лучший свой концерт, и по сравнению с юношеским задором дочери выглядела довольно бледно.

Вконец отчаявшись, Джуди то и дело хлопала дочь по руке, в которой та сжимала микрофон, словно желая продемонстрировать публике, будто в первую очередь стремится научить Лайзу правильно держаться на сцене. Это ужасно смахивало на знакомую сценку, когда мать суетливо одергивает дочери платье перед тем, как той выйти на сцену.

Джуди изо всех сил старалась сохранить за собой контроль над ребенком, однако все ее усилия оказались тщетны. Лайза вела себя так, словно они с Джуди поменялись ролями. На протяжении обоих концертов не раз бросалось в глаза, как мать тщетно пытается взять ситуацию в свои руки. Но ко всеобщему изумлению Лайза, вольно или невольно, оттеснила мать на второй план.

Лайза позднее вспоминала тот вечер в интервью журналу «Гуд Хаускипинг»: «Когда я была совсем маленькой, я запросто выскакивала на сцену потанцевать, пока она поет, и все это было спонтанно, по-любительски, без всяких там репетиций. Работать с ней — это уже нечто совершенно иное. После тех кошмарных концертов я уже не побоюсь выступать на пару с кем угодно. Она тогда увидела во мне соперницу. Я уже была не Лайза. Я стала другой женщиной, посягнувшей на ее славу. И все это свалилось на меня тяжелой ношей. Ведь то был ее концерт. И я хотела, чтобы так оно и было».

Чувства Лайзы как профессионалки пришли в конфликт с дочерними, и это противоречие раздирало ее душу как во время концерта, так и после. До выступления в «Палладиуме» Лайза со страхом думала о совместном концерте с матерью, ведь Джуди превосходила ее как певица, или, по крайней мере, так ей казалось. Однако на сцене Лайза из дочери перевоплотилась в

певицу, точно так же, как Джудй превратилась в певицу, выйдя к свету рампы. Впоследствии обе исполнительницы снова превратились в мать и дочь, поклявшись, что впредь никогда не станут выступать на одной сцене.

Спустя тридцать лет, когда Джуди уже давно не было в живых, Лайза все еще отлично помнила тот судьбоносный вечер. Вот что она сказала в одном из интервью: «Впервые я посмотрела ленту с записью концерта в компании Роберта де Ниро. Помню, он тогда произнес одну ужасно смешную вещь. Вот что он сказал: «Господи, да ты не промах! И как только у тебя хватило наглости, в твоем-то возрасте, взять и выйти на сцену? Ты уже раньше пробовала нечто подобное?» И я ответила: «Нет».

Лайза продолжает свой рассказ: «До этого я все время твердила: «Мам, я только посижу в первом ряду. Честное слово, с какой стати мне лезть на сцену». Но она возразила: «А у меня нет никакого желания выступать одной. Прошу тебя, составь мне компанию». Ее пугала мысль о возвращении в шоу-бизнес, и ей никак не хотелось оказаться на сцене в одиночестве. К тому же мы с ней были так близки — не просто как мать и дочь, а как добрые друзья. Но за два часа мы прошли сквозь то, на что в обычной жизни матери и дочери требуются годы, то есть дочь сделала для себя открытие, что в ней сидит некая сила, с которой нельзя не считаться, а тут еще реакция матери, в одночасье обнаружившей, что у нее взрослая дочь. И все это буквально за пару часов».

«Слава богу, я поняла, что понравилась публике, и у меня отлегло от сердца, кстати, я почувствовала, что мама испытала то же самое. И затем, я ощутила себя соперницей. Помните эту ее уловку с микрофоном, когда она то и дело толкала меня под руку. Я тогда еще подумала: «Ну, это уже слишком! На репетициях, мамочка, за тобой такого не водилось! С чего бы ты это вдруг!» К концу выступления мне стало ясно, что теперь мне уже никто не страшен, я смогу выступать с кем угодно. Уж если я выступила вместе с матерью, теперь мне и море по колено!»

Впервые Питер Аллен появился в жизни Лайзы после премьеры в «Палладиуме» благодаря матери, которая познакомилась с австралийским певцом в Гонконге, где отдыхала весной 1964 года. Кстати, она брала туда с собой своего нового воздыхателя, Марка Херрона. Марк уже на протяжении многих лет был страстным поклонником ее таланта, и в конце концов между ними завязался роман — буквально на следующий день после того, как они познакомились на голливудской вечеринке, устроенной художником Реем Агаяном. Джуди тогда приходила в себя после провала ее телешоу, и роман с молодым человеком, на

десять лет младше ее, на тот момент оказался для нее лучшим лекарством.

Гастроли по Австралии обернулись полной катастрофой — Джуди то забывала слова, то сбивалась с мелодии, и под конец в Мельбурне ее просто-напросто освистали. Махнув рукой на гастроли, Джуди с Марком подались в Гонконг, чтобы прийти в себя и немного развеяться. Там они познакомились с двумя однофамильцами Питером и Крисом Алленами, выступавшими тогда в «Звездном Зале» отеля «Мандарин», и пришли от них в восторг. В Гонконге Джуди по старой привычке в который раз наглоталась таблеток, и Марк денно и нощно дежурил у ее постели. Когда Джуди наконец поправилась, она собрала вокруг себя журналистов и объявила, что-де они с Марком 6 июня поженились на борту судна.

Вернувшись с Дальнего Востока в Лондон, Джуди устроила для Алленов приезд в британскую столицу, договорилась для них о концертах в нескольких клубах и использовала их в своих шоу. Более того, она была так очарована Питером, что задумала свести его с дочерью. «Я познакомилась с совершенно удивительным, божественным парнем, — заявила она Лайзе. — У вас с ним совершенно одинаковое извращенное чувство юмора». С этими словами она представила их друг другу, и молодые люди начали встречаться.

Питер Аллен, вернее Питер Вулноу, родился 10 февраля 1944 года в Тентерфилде, в Австралии. Он жил и воспитывался в небольшом городке в окружении женщин — бабушек, матери и трех теток — что, возможно, и повлияло на его позднейшие сексуальные предпочтения. Выступать он начал еще будучи маленьким мальчиком и уже в десять лет прекрасно играл на пианино. Можно сказать, это был своего рода вундеркинд.

Вот что вспоминает его мать, Марион Вулноу: «Однажды, когда ему исполнилось семь лет, мы пошли в гости к друзьям, у которых имелось пианино. Питер подошел к инструменту, но мы занимались своими делами и не обращали на него внимания. Через полчаса до нас донеслась мелодия «Положи еще одну монетку». Да это же Питер сыграл ее! Он знал наизусть все популярные песенки того времени и каким-то чудом сумел подобрать их на слух. Когда это случилось, я еще подумала: «Нам обязательно надо купить ему пианино». Когда он начал брать уроки, три учителя подряд сказали, что отказываются с ним работать — видите ли, он берет разучивать пьесы домой и уже на следующем занятии исполняет их без сучка и задоринки. А так как он забывал переворачивать страницы, преподавателям вскоре становилось ясно, что Питер играет по слуху и не утруждает себя

разбором произведения и чтением нот».

В одиннадцать лет Питер начал играть на семейной половине местных баров (английские и австралийские бары делятся на две половины — мужскую и семейную). Мужчины, как водится, потягивали пиво или виски, а женщины, окружив сидящего за пианино Питера, пели. К двенадцати годам Питер уже вовсю зарабатывал, выступая в барах. Надо сказать, что это было весьма существенно, поскольку, по всей видимости, его отец сидел без работы с тех самых времен, как вернулся домой с войны. Следующий год сложился для Питера неудачно, и совершенно неожиданно ему пришлось повзрослеть.

Его мать так рассказывает об этом: «Когда Питеру исполнилось тринадцать лет, мы пережили кошмарный год. У меня умерла мама, и Питер был безутешен. Ведь она помогала мне растить Питера, пока его отец воевал, и бабушка была для мальчика всем на свете. Когда же она умерла, у Питера на нервной почве вошло в привычку выкручивать себе руку, и он никак не мог избавиться от этого еще пару лет».

А вскоре произошла трагедия с отцом. В том же самом году Дик застрелился в ванной, и Питеру пришлось затем смывать со стен ошметки мозгов и кровь.

Но даже в смерти отец словно наложил проклятье на оставшихся членов семьи. По словам матери Питера: «Дик был злобный, жестокий человек, горький пьяница, и Питер вечно ходил по его милости с окровавленным носом. Дик ни на одной работе не задерживался долго, его отовсюду с треском увольняли. Всю свою злобу он срывал на Питере и Линн (сестре Питера). Когда он напивался, то шатался по дому и твердил, будто принял яд. Я про себя молила Бога, чтобы это оказалось правдой, ведь он был просто невыносим. Но когда Дик застрелился, все в городе восприняли это как страшный скандал, и с нами никто не хотел знаться. Ни одна живая душа в городе не пожелала протянуть нам руку помощи. Мы даже не сумели найти никого, кто согласился бы нести гроб! Не приведи Господи испытать такое! В тот год я вся поседела».

Что страшнее всего, Питер и его семья превратились в этом крошечном австралийском городке в изгоев. Питер не мог найти себе работу, а значит, содержать семью. Он с горечью вспоминает выпавшие на их долю несчастья: «Линн, моя мать и я изо всех сил держались друг друга, потому что люди, у которых мы снимали дом, дали нам всего две недели, чтобы мы могли собрать вещи и чтоб духу нашего не было в городе. Я больше не мог играть по вечерам в барах, потому что люди таращились на меня, а то и вовсе показывали пальцем. Мы уехали, пустив с молотка всю

нашу мебель, потому что других денег у нас не было. Полгородка сбежалось посмотреть, как мы уезжаем. Назад мы уже не вернулись».

В конце концов Питеру удалось подыскать себе работу на одном из курортов и даже попасть в номер, который назывался «Два оттенка». Дело в том, что артисты получили приглашение выступить на «Австралийской Эстраде», отпочковавшейся от «Американской Эстрады» Дика Кларка. Однако один из «Двух оттенков» перед самым выступлением «слинял», и именно в этот момент отцу другого пришла в голову мысль выпустить Питера на пару с собственным сыном. Питер Вулноу и Крис Белл понравились друг другу, изменили свои профессиональные имена на братьев Алленов и вскоре начали регулярно появляться в программах «Австралийской Эстрады». К шестнадцати годам они уже снискали себе известность.

Аллены вскоре оказались в эстрадной программе Франсез Фей, известной своей неистощимой энергией. Фей устроила им контракт с популярным клубом «Чекере». Их шоу так понравились публике, что в результате контракт продлили еще на три недели. Народ валом валил, чтобы взглянуть на эту сумасбродную особу — причем часть зрителей была от нее без ума, а другая часть прониклась глубочайшим отвращением, — и все потому, что Фей имела привычку при исполнении своих песен время от времени вставлять двусмысленные намеки или откровенные пошлости.

Питер пришел в восторг от этой чуждой всяческих предрассудков женщины. Бывало, она, сидя в чем мать родила, философствовала о высоких материях или же делилась последними сплетнями из мира шоу-бизнеса, затягиваясь при этом сигаретой с марихуаной. Так Фей учила Питера всяческим тонкостям, без которых исполнителю невозможно добиться успеха, и вскоре братья Аллены произвели в Австралии фурор, выпустив первую пластинку «Мой секрет».

Этот успех навел отца Криса на мысль отправить дуэт в турне по Азии. Так они оказались в Гонконге, где и познакомились с Джуди.

Джуди с Марком вечер за вечером приходили послушать братьев Аллен, а затем, взяв Питера в свою компанию, объезжали ночные заведения. Вот как, например, описывает Питер одну из таких ночей: «После того как мы объехали ночные клубы, Джуди послала за своим лимузином, чтобы мы еще смогли прокатиться и посмотреть рассвет. После чего мы отправились выпить в отель «Реналс Бей», самый модный в городе. Марк сказал, что подождет нас в машине. Мы с Джуди все еще были в вечерних нарядах, и в гостинице отказались налить нам по рюмке. И тогда Джуди,

чтобы получить стаканчик шерри, заказала целиком завтрак. Она закатила настоящую истерику, со злостью глядя на накрытый стол, и все равно ей так и не налили шерри, сославшись на то, что еще слишком рано. Мы с ней хлопнули дверью злополучного отеля, но, как оказалось, нашей машины и след простыл, так что в девять утра мы, можно сказать, очутились выброшенными на улицу, и люди, торопясь мимо нас на работу, удивленно таращились на женщину в блестящем вечернем платье, гадая — Джуди Гарленд это или просто обман зрения.

Наконец, — продолжает Питер, — вернулся Марк и по дороге домой завел разговор об искусстве, о том, что, мол, надо оставаться верным себе, и тогда Джуди разоралась на него, что он, мол, ни 4epta не смыслит в том, о чем говорит. Она остановила машину, вышла из нее и принялась выкрикивать: «Это те люди, до которых необходимо достучаться! Это — публика! Это мой народ! Надо завоевать их сердца, расположить к себе!» А вокруг тысячи китайцев таращились на нее и не имели ни малейшего понятия, кто она такая. И мне еще подумалось: «До чего же Джуди умеет точно рассчитать момент».

Джуди настаивала на том, что возьмет на себя менеджерские обязанности и выведет братьев Аллен в звезды. Ни они сами, ни отец Криса не имели ничего против. Первое, что Джуди сделала, это захватила их с собой в Токио. На борту теплохода «Рузвельт», на котором они туда направились, вся троица устраивала импровизированные концерты к вящему удовольствию пассажиров. Питер, как обычно, сидел за роялем, Крис играл на гитаре, а Джуди пела.

Между Питером и Джуди установились теплые взаимоотношения как на профессиональном, так и на личном уровне. Вот так позднее Питер описывает их дружбу: «Поздно вечером, после того как все ложились спать, мы с Джуди шли искупаться, а обсохнув, открывали гостиную и долго сидели за роялем, вдвоем распевая песни. Она была первым человеком в моей жизни, кто знал так же много песен, как и я, и мы с ней на пару упивались красотой мелодии или удачным текстом. Вот так мы и стали с ней друзьями, засиживаясь допоздна, работая над аранжировками. Музыка для нее была всем на свете. Как мне кажется, ей нравилось, что я относился к ней без всякого предубеждения, но ведь я же не знал, что такое шоу-бизнес. Мне практически ничего не было известно о ее репутации, и поэтому я не воспринимал ее как звезду. И ей это нравилось».

Джуди настаивала на том, чтобы братья Аллены приехали на шесть недель к ней в Лондон после того, как подойдут к концу их выступления в токийском «Хилтоне». Питер с Крисом согласились

и помахали ей на прощанье, уверенные в том, что Джуди позабудет о своем предложении еще до того, как самолет приземлится в Хитроу. Но не тут-то было — через несколько недель Джуди позвонила Питеру в Токио. Оказывается, она уже договорилась для них о кое-каких концертах и высылает билеты. От Питера же ей требовались две вещи. Первое — открывать во время гастрольного тура ее программу. Второе — о чем она тогда предпочла умолчать — познакомиться в Лондоне с Лайзой, а там, как говорится, будет видно. Первый пункт ее программы был так или иначе связан с ее обязательствами как менеджера. Второй — явился выполнением материнского долга: как всякая родительница, она заботилась о будущем дочери.

В интервью британским газетчикам Джуди объявила о приезде братьев Аллен, рассыпавшись в комплиментах: «Я слышала их в Гонконге, в «Хилтоне», и они мне ужасно понравились. Эти мальчики кочуют с места на место. Они чудеснейшая пара. Питер и Крис, вне всякого сомнения, самые яркие исполнители, которых мне доводилось видеть. В них столько силы, столько энергии, столько душевного тепла, что просто невозможно устоять. И если вам необходимо одно слово, которым было бы все сказано, то это — бесспорно — талант!»

Так уж получилось, что Питер и Крис прибыли в Лондон в тот самый день, когда в «Палладиуме» состоялась грандиозная премьера. Питер впервые увидел Джуди на настоящей сцене — ведь до этого, в Токио и Гонконге, ему доводилось наблюдать за ней только в ночных клубах. Коллеги утверждают, что увиденное потрясло Питера. Один из его друзей заметил: «Больше всего его поразило неприкрытое соперничество, царившее между матерью и дочерью. Лайза была уже не той маленькой девочкой, которую Джуди ради собственного удовольствия могла вытащить потанцевать рядом с собой на сцене. По большому счету, лондонскую премьеру можно считать для Лайзы первым серьезным заявлением о себе в шоу-бизнесе».

Джуди, верная материнскому долгу, подтолкнула Лайзу к знакомству с замечательным молодым человеком, присмотренным для дочери: «Это тот самый молодой человек, о котором я тебе столько рассказывала. Питер, это моя дочь, я тебе о ней говорила. Вы просто созданы друг для друга».

Удивительный талант Лайзы ошеломил Питера, и вполне возможно, что он влюбился в нее едва ли не с первого взгляда. Джуди свела их вместе, надеясь, что между ними завяжется роман, хотя и подозревала, что Питер «голубой» или, по крайней мере, бисексуал. С другой стороны, Джуди всегда тянуло к несколько женственным мужчинам, таким, как отец Лайзы

Винсенте. Лайза в некотором роде пойдет по ее стопам.

Тот вечер в «Палладиуме» стал для Питера отправной точкой головокружительного звездного вихря. Ведь то был Лондон 1964 года, когда страну захватило новомодное безумное поветрие — рок-н-ролл, — которое олицетворяли собой «Битлз». После первого совместного концерта Джуди и Лайзы, они дружно отправились в самую что ни на есть популярную дискотеку тех дней «Ад-Либ», владелицей которой была Джекки Коллинз, в будущем прославившая себя как автор нашумевших книг-бестселлеров. Там все они оказались в одной компании с такими знаменитостями, как «Битлз», Рудольф Нуриев и Марго Фонтейн. Правда, даже оказавшись в столь звездном окружении, Питер все еще не пришел в себя после многочасового перелета и ко всеобщему веселью заснул прямо за столиком.

Но это еще не все. По его собственным воспоминаниям, увлекательные приключения на этом не закончились: «Нас всех подхватил и завертел какой-то сумасшедший вихрь. Однажды вечером мы отправились в загородный дом к актеру Джорджу Сандерсу. Помнится, я играл на гитаре, а Лайза и Вивьен Ли исполняли зонги из мюзикла «Хэлло, Долли». Вскоре мы с Лайзой начали потихоньку уединяться, чтобы побыть вдвоем, а однажды даже на уикэнд улизнули в Париж, чтобы я мог познакомиться с ее отцом, Винсенте Миннелли, который тогда как раз снимал там «Кулика». Винсенте пригласил нас пообедать, ну а поскольку на той же самой студии тогда снимали «Что нового, Киска?» мы оказались за одним столом с Ричардом Бартоном и Элизабет Тейлор, Питером О'Тулом, Вуди Алленом и Урсулой Андрес. Я, можно сказать, проходил ускоренный курс изучения звезд первой величины».

Безусловно, Питер влюбился в Лайзу, и, конечно же, Лайза влюбилась в него, ведь он был симпатичный, талантливый и не без чувства юмора. Каждый вечер они отправлялись изведать новых развлечений и побывали буквально на каждой лондонской вечеринке для «избранных», не говоря уж о тех, которые они устраивали сами для себя. Через три недели после того, как Питер впервые в жизни приземлился в Хитроу, между ними состоялся серьезный разговор в присутствии Джуди, Марка и партнера Питера по дуэту, Криса.

Пока Джуди отлучилась в туалет, разговор переключился на роман Лайзы и Питера, и когда Питер сказал, что ему хотелось бы закрепить их отношения, Марк заметил, что в таком случае им следует обручиться. Питер моментально повернулся к Лайзе и сказал: «Прекрасно, тогда давай обручимся. Лайза, если ты согласишься выйти за меня замуж, обещаю тебе, я всю свою жизнь

только и буду занят тем, что постараюсь сделать тебя счастливой». На что Лайза ответила: «Питер, мне тоже этого хочется».

И тогда Питер снял с мизинца кольцо с бриллиантом и надел его Лайзе на безымянный палец, к восторгу и волнению Джуди, которая к этому моменту вернулась за столик. Питер заявил: «Мы поженимся на следующий год в Нью-Йорке». «Я не спрашивал согласия Джуди. Мы сказали ей, и она едва не расплакалась. Она не могла дождаться свадьбы. Ей страшно хотелось поскорей стать бабушкой. Все произошло так быстро, что мне самому не верилось, что у Лайзы на руке кольцо, и надел его ей я сам».

Примерно в то же самое время в профессиональную жизнь Лайзы вошла «флора, Красная Угроза». Это была политическая сатира на коммунизм, в которой Флора Месарош, начинающая художница, поддавшись уговорам приятеля, вступает в коммунистическую партию. Лайза надеялась получить главную роль, однако ей стоило больших трудов убедить режиссера Джорджа Эббота и продюсера Хэла Принса взять ее в спектакль, даже несмотря на то, что Фред Эбб, один из композиторов, написавших к нему музыку, считал, что лучшей кандидатуры на роль Флоры просто не сыскать. Лайза, еще готовясь в Лондоне к совместному концерту с матерью, уже начала разучивать некоторые зонги из «Флоры», чтобы, когда настанет такой момент, быть в состоянии исполнить их перед режиссером и продюсером.

Она тенью ходила за Эббом, чтобы тот устроил ей прослушивание. «Стоит мне чего-то захотеть, то есть по-настоящему захотеть, я сделаю все, чтобы добиться своего. Так что я тогда преследовала Фреда по пятам», — говорила она сама.

Эбб проникся симпатией к ее внешней неприкаянности и даже дал согласие на роль. Однако Эббот остался при своем мнении — нет, и все тут. Так что на следующий день после обручения с Питером Лайза оставила жениха на произвол судьбы, а сама собралась лететь в Нью-Йорк, чтобы еще раз попытаться получить роль в «Красной Угрозе».

Фред Эбб и его собрат по ремеслу Джон Кандер познакомились с Лайзой в начале шестидесятых, когда работали над «Флорой». Лайза тогда выступала в «Карнавале», и однажды один из нью-йоркских приятелей Кандера привел ее к себе домой. Лайза тогда мечтала записать альбом, и этот приятель подумал, что Кандер с Эббом могут подыскать подходящий для нее материал. В 1–979 году в интервью, которое он дал Барбаре Раус из журнала «Пипл», Эбб вспоминал свои первые впечатления об исполнительнице: «Мне тогда хватило одного взгляда, и я

подумал: «Ага, а вот и она… Мисс Замарашка. Она была вся какая-то неумытая, неуклюжая, помятая. Меня так и подмывало, не долго думая, посадить ее в ванну».

На Лайзу музыканты также не произвели особого впечатления, до тех пор пока она не услышала несколько песен для «Флоры». «Едва я услышала музыку, я тотчас вскочила и поинтересовалась, а нельзя ли мне прямо сейчас попробовать их исполнить?»

И она их спела. И Кандер и Эбб оказались у нее на крючке.

На этот раз проба сил состоялась перед «непробиваемым» и уже немолодым — тогда ему было за 70 — продюсером Джорджем Эбботом. Увы, не все прошло гладко. Частично проблема заключалась в личности и положении самого Эббота.

Мартин Готтфри, главный театральный критик для «Уимен Веар Дейли», «Нью-Йорк Пост» и «Сэтердей Ревью», так описывает Эббота в своей книге «И все такое прочее», посвященной жизни Боба Фосса: «Единственно хорошим мюзиклом становится какой-нибудь суперхит. Это, так сказать, расхожая мудрость. Публику при желании нетрудно убедить, что она просто обязана наслаждаться сонно-интеллектуальным произведением, потому что-де таким образом она, якобы, приобщается к ценностям мировой культуры. Так что публику можно при случае еще и упрекнуть в том, что от нее ускользнуло нечто сугубо интеллектуальное. Но только не публику, которая пришла посмотреть мюзикл. Здесь толпа — это верховный судья, ее смех, ее одобрение требуется заслужить, в противном случае вас освистают, и тогда на спектакле можно поставить крест. Эббот же в том, что касается мюзикла, прошел на Бродвее «огонь, воду и медные трубы» и с первого раза мог определить, что пойдет, а что нет».

«Джордж Эббот, режиссер, успешно ставивший драму и фарс, обратился к музыкальной комедии в тридцатые годы и имел не меньший успех. Успех? Да, он стал единственным в своем роде. Его с полным правом можно назвать Воплощением Бродвейского Мюзикла. А еще он был «Мистер Эббот». Подозревали, что даже родная мать называет его не иначе, как «Мистер Эббот», и уважение это коренилось отнюдь не в его внушительных размерах (его рост равнялся 6 футам 6 дюймам) и не его начальственных замашках. Нет, причиной было то, что Джордж Эббот, как и его спектакли, не выносил ни малейшей фальши. Он занимался индустрией развлечений, а не отвлеченным философствованием о сущности искусства. Он был резок, чужд всякой сентиментальности, непробиваем как камень, и если для человека с улицы это воспринималось как недостатки, для режиссера это

считалось несомненными достоинствами».

Лайза, однако, была полна решимости, тем более, что ее школьный приятель Марвин Хэмлиш являлся дирижером оркестра. Однако Эбботу она не понравилась. В его глазах она была всего лишь очередным ребенком знаменитых родителей, который, пользуясь славой предков, надеется пробиться в шоу-бизнес. Сей факт настроил Эббота против Лайзы еще до того, как та открыла рот. Лайза еще стояла на сцене, когда он во весь голос заявил кому-то из коллег: «Пустая трата времени. Флора не для нее. Она совсем не то, что я имел в виду, и, как мне кажется, из нее ничего не выйдет».

Так что для Лайзы то прослушивание пошло насмарку, однако она прожужжала уши всем и каждому, как ей хочется получить эту роль, и, время от времени, снова пробовала силы. Наконец выбор сузился до нее и Эйди Горм, которая нравилась Эбботу. Однако Горм была занята другими спектаклями, и за три дня до начала репетиций Лайза наконец получила заветную роль.

«Как мне кажется, они так никого и не нашли», — рассказывает она. Случилось так, что благодаря этой роли Лайза стала самой юной актрисой, удостоившейся награды «Тони» как «лучшая актриса мюзикла». Этим было положено начало ее многолетнему сотрудничеству с Кандером и Эббом, которое успешно продолжается и поныне.

Эббот также изменил свое первоначальное мнение о Лайзе, увидев на репетициях, какая она старательная и трудолюбивая. По его признанию, Лайза с ходу принимала все его замечания, так же как и Хален Хейз. Продюсер Хэл Принс также, казалось, остался доволен ее работой. Партнером Лайзы был знаменитый комик Боб Диши, и Фред Эбб изо всех сил старался сделать из нее примадонну, какой она и должна была быть в ее первом бродвейском шоу. Лайзе же исполнилось всего восемнадцать, и частично из-за своей молодости, и частично из-за того, что она весьма болезненно воспринимала свои родственные связи, ей хотелось доказать, что она тоже на что-то способна.

«Мне до какой-то степени требовалось доказать, что я на что-то гожусь, а это, знаете, нелегко, — призналась она Джоанне Стэнг в мае 1965 года в интервью газете «Нью-Йорк Таймс». — Ведь люди ждут от тебя, чтобы ты соответствовала легенде, однако, если об этом постоянно думать, хорошего не жди. Невозможно взвалить на себя всю эту ношу. Разумеется, благодаря знаменитым родителям можно открыть для себя немало дверей. Но между 8 и 11 вечера этот номер не пройдет. Во-первых, никто не захочет выложить 40 тысяч долларов за имя, за которым ничего нет, здесь одного любопытства явно

недостаточно. Вряд ли мистер Принс пошел бы на такое. Что касается мистера Эббота, он ни разу не упомянул никого из моих родственников. Он ни разу — представьте, ни разу! — не вспомнил мою мать. Он неизменно уважал меня за то, что я есть».

И хотя Фред Эбб известен широкой публике в меньшей степени, чем, скажем, Марвин Хэмлиш, ему, а также композитору Джону Кандеру, мы обязаны такой бродвейской классикой, как «Кабаре», «Грек Зорба» и «Поцелуй Женщины-Паука». Даже несмотря на свою близкую дружбу с Лайзой, Эббу удалось оградить свою личную жизнь от любопытных глаз прессы. В 1962 году Эбба представили Кандеру. Случилось это благодаря его знакомому издателю Томми Валандо, которому на ум пришла замечательная идея, что у них вдвоем обязательно что-нибудь выйдет.

Эбб так вспоминает об этой встрече: «Мы набирались друг у друга опыта, учась на собственных промахах».

Кандер тогда только что сочинил «Семейное дело», продержавшееся на Бродвее целых шесть дней и вошедшее в историю исключительно как продюсерский дебют Гарольда Принса.

«Помнится, Кандер мне сразу понравился, — делится впечатлениями Эбб. — Наши неврозы, можно сказать, дополняли друг друга. Между нами мгновенно установилось сотрудничество, и тотчас начали рождаться песни».

Успех также не заставил себя долго ждать. Еще до конца 1962 года они сочинили такой хит, как «Моя книжка-раскраска», который в «Перри Комо шоу» исполняла Сэнди Стюарт, после того как он прозвучал в исполнении Кей Баллард. Этим было положено начало плодотворному сотрудничеству Кандера и Эбба. Версии этого их первого успешного детища записывали такие звезды эстрады, как Стюарт, Китти Келлен, Барбра Стрейзанд. На следующий год Кандер с Эббом подкрепили свой успех очередным хитом в исполнении Стрейзанд «Мне нет особого дела».

Сотрудничали они и с Ричардом Моррисом в мюзикле «Золотые ворота», премьера которого должна была состояться 18 апреля 1963 года в память о землетрясении в Сан-Франциско 1906 года. И хотя спектакль так и не состоялся, музыка и тексты для него привлекли внимание Принса, который тотчас нанял команду авторов написать песни для мюзикла. Замысел, над которым он тогда работал, назывался «Флора, Красная Угроза». Независимо от успеха «Флоры» или ее провала, Гарольд Принс уже подписал с Кандером и Эббом контракт на новый проект — музыкальную обработку пьесы Джона ван Друтена «Я — Камера»,

которую Принс переименовал в «Кабаре».

Вот как Лайза отзывается о своем музыкальном менторе Эббе: «Фред единственный человек, которого я искренне любила и которому доверяла. Он знает меня лучше, чем кто-либо другой. Именно благодаря ему я стараюсь стать намного лучше, чем я была до того. Он как бы напоминает мне, что если я нехороша, то я нехороша».

Тем временем, после короткого отдыха в Греции, Джуди с Марком вернулись в Америку, захватив с собой Питера и Криса. Джуди надеялась благодаря своим связям в шоу-бизнесе дать толчок их карьере в Америке. В 1964 году «Братья Аллен» дебютировали с сольной программой в отеле «Дипломат» в Майами-Бич. Лайза тоже ненадолго прилетела туда отдохнуть вместе с Питером, до начала ее гастролей с «Флорой».

По возвращении в Нью-Йорк Питер с Лайзой решили поселиться вместе в квартире на Пятьдесят седьмой улице. Вскоре они превратились в самую популярную пару на Манхэттене, бегая по вечеринкам, приемам, концертам, и вообще снискали себе славу «влюбленных голубков».

И тем не менее шоу-бизнес то и дело разлучал их — Лайза работала во «Флоре», а Питер с Крисом выступали то в Торонто, то в Майами, то в Лас-Вегасе, или же колесили по стране в качестве добавки к концертам Джуди.

Несмотря на всю их благодарность Джуди за все то, что она для них сделала, даже несмотря на то, что Питер видел в ней близкого друга и будущую тещу, «Братья Аллены» вскоре обнаружили, что вне сцены Джуди со своими фортелями бывает просто невыносима. Главная проблема, по мнению Питера, заключалась в том, что эта суперзвезда до смерти боялась сцены, испытывая перед ней настоящий ужас. Обычно Питер с Крисом открывали программу и, сыграв несколько номеров, начинали ждать, когда же появится Джуди. Затем они снова играли, но Джуди по-прежнему не появлялась. И так продолжалось до тех пор, пока публика не начинала роптать, и Крису с Питером ничего другого не оставалось, как убраться со сцены. Наконец появлялся врач, который объявлял, что мисс Гарленд больна и не в состоянии выступать, и тогда в зале начинался бедлам — зрители бурно выражали свое негодование.

В Цинциннати взбешенная публика прорвалась на сцену, а затем и в гримерные, требуя либо обещанного концерта, либо немедленного возврата денег.

По словам Питера: «Вам, конечно, трудно представить себе, в какой ужас она приходила от одной только мысли, что ей надо на сцену. Ей требовалась помощь, чтобы преодолеть себя. Но как

только она оказывалась на сцене, за нее уже можно было не волноваться. Какое-то время она оставалась под гипнозом, и уловка срабатывала. Благодаря этому ей удавалось преодолевать совершенно невообразимый страх».

Тем временем в провинции начались гастроли «Флоры». 3 апреля состоялась премьера в Нью-Хейвене, а затем в Бостоне, причем отзывы были самые противоречивые. Некоторые критики обвиняли Лайзу в том, будто она пытается подражать матери. Но, с другой стороны, именно это обстоятельство и привлекало многих зрителей — люди хотели взглянуть на новую Джуди Гарленд. Правда, в одном Лайза резко отличалась от матери — в том, как она относилась к Лорне и Джои. Как-то раз, когда репетиции шли полным ходом, Лайзе позвонил менеджер отеля, в котором Джуди остановилась в Нью-Йорке. Как оказалось, та в очередной раз заперла номер, а детей выставила вон на неотапливаемую террасу. Лайза, которой не единожды приходилось испытать нечто подобное на собственной шкуре, бросилась выручать брата с сестрой.

К сожалению, судьба «Флоры, Красной Угрозы» сложилась плачевно. Премьера мюзикла состоялась 11 мая 1965 года в театре «Алвин». На первый спектакль все билеты до единого были распроданы, народ валил толпами взглянуть на бродвейский дебют дочери Винсенте Миннелли и Джуди Гарленд. Кстати, оба они, изображая родителей, гордых успехом дочери, почтили премьеру своим присутствием. На вечеринке по случаю премьеры Джуди обняла дочь и прошептала ей на ухо: «Ты стоишь посреди звездной пыли». Должно быть, для Джуди то был горько-сладкий миг, напомнивший о ее собственных первых шагах в шоу-бизнесе.

И тем не менее «Флоре» была уготована недолгая жизнь. Спектакль продержался одиннадцать недель, будучи сыгранным восемьдесят семь раз, и наконец 24 июля 1965 года сошел с подмостков. Устроители же потеряли на нем 381 тысячу долларов. Лайза удостоилась награды «Тони», а три другие претендентки того года — Элизабет Аллен в «Неужели я слышу вальс?», Нэнси Дюссо в «Бажуре» и Инга Свенсон в «Бейкер-стрит» — также оказались заняты в недолговечных шоу.

Критики Лайзы выражали свое несогласие друг с другом. Говард из «Нью-Йорк Таймс» писал: «Голос пока что еще трудно различим, однако она умело держит ритм и напор и умеет правильно выделить основополагающий рисунок». «Ньюс-уик» в первом из целого ряда негативных отзывов о Лайзе заявил: «Лайза Миннелли хороша, однако ей далеко до совершенства. Неприятно смотреть, с какой поспешностью, всего в каких-то девятнадцать лет, ее вытолкнули на бродвейскую сцену, как

будто она вторая Барбра Стрейзанд. Однако мисс Миннелли еще далеко до мисс Стрейзанд. Голосок ее слаб, движения скованы, и сама она пока не способна стать душой спектакля».

И совсем наоборот «Вэрайети» писала: «Те зрители, которым не терпится взглянуть на «дочь Джуди Гарленд», к концу спектакля должны наградить юную актрису аплодисментами за ее собственные достижения. Мисс Миннелли умеет приковать к себе внимание, у нее приятный голос и обворожительные манеры». «Тайм» заявил: «В свои девятнадцать лет Лайза Миннелли — будущая звезда, исполнительница с ярко выраженной индивидуальностью, которая не просто занимает сцену, а наполняет ее собой».

И, наконец, Уолтер Керр из «Геральд Трибьюн» писал следующее: «Лайза Миннелли, которой больше незачем объявлять себя дочерью Джуди Гарленд — приношу глубочайшие извинения за то, что только что сделал это, — обладает рядом удивительных качеств. Ее улыбка, например, — какая-то на редкость неуверенная, словно она замечталась о чем-то своем… как тонко она умеет донести слова».

Оглядываясь на свое детище, Эбб и Принс, кажется, сумели-таки разглядеть, что и когда пошло вкривь и вкось. По словам Эбба: «По меньшей мере можно сказать, что «Флора» обернулась катастрофой. Она попросту не удалась. Сценарий производил довольно-таки странное впечатление, а партитура скорее напоминала наспех собранные номера из какого-нибудь ревю, которые совершенно не были связаны между собой хорошим либретто».

По мнению Принса, отзывы критиков добили «Флору». «К тому времени, как мы обкатали спектакль в Нью-Йорке, мне казалось, что у нас готов хит, «гвоздь сезона». Однако отклики на бродвейский спектакль были просто убийственными, что было уже явно слишком. Голос Лайзы напоминал вам о ее матери, но больше всего мне в ней нравилось то, как чудесно она двигалась».

И все-таки в целом для Лайзы отзывы оказались не столь уж и плохи, и к тому же она удостоилась «Тони» — что, надо сказать, немалое достижение для девятнадцатилетней актрисы. Но что гораздо важнее, это дало ей возможность замахнуться на главную роль, для нее даже более желанную, — в мюзикле «Кабаре». Хэл Принс и Фред Эбб имели к постановке «Кабаре» самое непосредственное отношение, однако Лайзе это мало чем помогло. Несмотря на то, что она мечтала о роли и располагала необходимыми связями в шоу-бизнесе, Принс твердо стоял на том, что главную роль Салли Боулс должна сыграть английская актриса. Однако это не остановило Лайзу. Она дала себе слово

всеми правдами и неправдами заполучить эту роль.

Лайза развернула наступательную кампанию, то и дело выступая с заявлениями, что, мол, спит и видит себя в этой роли, что лучшей актрисы на эту роль просто не сыскать, и вообще она уже имела четырнадцать прослушиваний (явное преувеличение, ибо таковых пока что состоялось одно-единственное). Увы, ее стратегия не сработала, и заветная роль досталась Джилл Хейворт, чей бродвейский дебют состоялся в 1966 году.

Тем временем Лайза так часто работала с Фредом Эббом, что в Питере взыграла ревность. «Уверена, что Питер неправильно воспринял мою преданность Фреду, точно так же, как и я с большим недоверием относилась к его окружению», — призналась она. Несмотря ни на что, когда они оба одновременно оказывались в Нью-Йорке, Лайза и Питер пользовались репутацией «золотой парочки», кочующей по дискотекам и ночным клубам, в шумном обществе юных и богатых прожигателей жизни, типичных для Манхэттена второй половины шестидесятых. И тем не менее, Лайза порой ловила себя на мысли, что ей не нравятся знакомые Питера, с которыми он водился, находясь вдали от дома, а подчас и у себя в Нью-Йорке.

Поскольку Джуди больше не выступала с гастролями, «Братья Аллен» были избавлены от тягостной необходимости открывать ее концерты и, благодаря пронырливым агентам, получили возможность самостоятельно делать карьеру в Америке. Вскоре они обнаружили для себя подходящую нишу, выступая одно время в клубах «Плейбой», которые в ту пору пользовались необычайной популярностью. Хью Хефнер тогда открывал все новые заведения на модных курортах и как раз начал издавать журнал «Плейбой», где эти клубы и рекламировались.

Обозреватель из «Вэрайети» так отозвался о «Братьях Аллен»: «У обоих парней приятные голоса, однако в первую очередь их успеху сопутствует бьющий ключом энтузиазм, несомненно исходящий от этих артистов. Их концерты проходят в веселом и быстром темпе с использованием таких зажигательных рок-н-рольных вещей, как, например, «Что тебе стоит ее покорить», находящих самый горячий отклик у публики, хотя ничуть не хуже они умеют покорить сердца слушателей и теплыми мелодиями, такими, как «Постарайся вспомнить» из «Фантастике» или сентиментальной аранжировкой «Мне хорошо». Крис отлично делает свое дело, аккомпанирует на гитаре, в то время как его братец Питер смело берет на себя песенно-танцевальную сторону».

Пока «Братья» выступали по заведениям «Плейбоя», Фред Эбб работал с Джоном Кандером над созданием мюзикла специально

для Лайзы и одновременно готовил с ней программу для ночного клуба. Их первый замысел так и не осуществился, зато вторую часть плана ждал успех. Фред взял на себя самые разнообразные обязанности, выступая по отношению к Лайзе в роли ментора, друга, конфидента, партнера и коллеги.

Вот как отзывалась о нем Лайза: «Порой мне кажется, будто я всего лишь плод его воображения». Однако она признавала, что именно Эббу в первую очередь обязана своим успехом. «Я поражаюсь, как умело Фред Эбб помог мне сделать первые шаги. Он стал для меня кем-то вроде Свегали, когда мне было семнадцать. Без него моя карьера вряд ли сложилась бы так успешно».

И верно, с момента их первой встречи Фред Эбб опекал Лайзу буквально на каждом шагу. Первое выступление в ночном клубе Фред устроил для нее в вашингтонском отеле «Шорэм», да и впоследствии ни одна ее программа не обходилась без его участия.

Вот что Лайза вспоминает о своем первом опыте работы в ночном клубе: «Я попросила Фреда помочь мне, хотя до этого он ничем подобным не занимался. У нас не было ни денег, ни опыта, но зато мы верили в нашу талантливость и прислушивались к мнению друг друга. Перво-наперво, мы наняли хореографа, потому что нам понравилась подкладка его пиджака, и придумали программу в трех частях наподобие бродвейского шоу. Когда я выступала, то в первую очередь надеялась доставить удовольствие Фредди».

Эбб постарался удержать Лайзу подальше от материала, который повлек бы за собой сравнение с матерью, и, за исключением песни «Нью-Йорк, Нью-Йорк», это ему в целом удалось. Фред настоятельно рекомендовал Лайзе, чтобы та не поддавалась соблазну исполнять вещи из репертуара матери до тех пор, пока сама прочно не утвердится на эстраде.

О своих личных взаимоотношениях с Лайзой Эбб рассказывает следующее: «Лайзе требуется полное доверие со стороны человека, которому лично от нее ничего не нужно. Лайза, как и ее мать, тяжело переносит одиночество, и это ей самой прекрасно известно. В любой ситуации Лайза ищет кого-то, желательно мужчину, на которого можно было бы опереться, на которого она могла бы рассчитывать».

Очень часто эту роль исполнял сам Фред Эбб, именно он в последний раз давал ей наставления и подбадривал ее перед премьерой очередной новой программы.

Для работы в своей первой программе в ночном клубе Лайза пригласила двух танцоров, Нейла Шварца и Роберта Фрича, а

также оркестр. Особый шик всему придавал ее экстравагантный и соблазнительный гардероб — все наряды оставляли Лайзе полную свободу движений, что позволяло ей выгодно показать стройную фигуру и красивые ноги, — прием, которым она будет пользоваться и в дальнейшем. Программа состояла из восемнадцати номеров, включая «Все без ума от моей Крошки», «Слишком хороша» и «Цыганская душа» плюс совершенно новую песню, написанную специально для нее Эббом, «Песни, которым я учила маму».

Премьера состоялась 14 сентября 1965 года в «Голубом Зале» гигантского отеля «Шорэм», выходящего на Рок-Крик-Парк в северо-западной части Вашингтона. Этим было положено начало всеамериканскому турне, во время которого они побывали в таких знаменитых клубах, как «Сахара» в Лас-Вегасе, «Кокосовая Роща» в Лос-Анджелесе, «Персидский Зал» в нью-йоркском отеле «Плаза» и «Довиль» в Майами-Бич. До начала турне Лайзе пришлось влезть в долги, заняв денег у своего агента, а также друзей Кандера и Эбба, и теперь многое зависело от ее успеха в «Голубом Зале».

На карту было поставлено слишком многое, и как назло, премьера едва не пошла насмарку. Дело в том, что Джуди, опасаясь, как бы дочь не стала пародировать ее, решила позвонить Лайзе. Эго был один из тех звонков, которые, как правило, оказываются никому не нужными и только идут во вред, особенно если это случается накануне какого-нибудь важного события. К счастью, Лайза не приняла его близко к сердцу, и ее дебют в кабаре прошел гладко.

То напряжение, которое Лайзе с Эббом удалось создать в вечер премьеры, не оставило равнодушным ни одного из присутствующих. Один критик заявил: «Ее песни, танцы, чечетка поистине великолепны и задуманы таким образом, чтобы дать как можно более полно проявиться ее удивительному дарованию».

«Вэрайети» сообщала: «В этом заполненном до отказа по случаю премьеры зале ей удалось все-таки заставить публику подняться с места. Такое в огромном, дышащем элегантностью «Голубом Зале» увидишь нечасто. Она — одна из двух или трех исполнителей, когда-либо за последние 15 лет удостоившихся здесь оваций».

Ее программа в отеле «Шорэм» побила все известные рекорды посещаемости подобных увеселений.

После фиаско «Флоры» успех в ночном клубе стал для Лайзы и Эбба чем-то вроде бальзама на душу. Для Лайзы же он имел особенно важное значение — наконец ей удалось произвести фурор своим шоу, без какой-либо помощи со стороны родителей.

Теперь она была просто Лайза, а не дочь Джуди Гарленд. И тем не менее, она не собиралась отказываться от материнского наследства. «Я еще не звезда, я еще на подступах к славе, — заявила она. — Но у меня есть одно небольшое преимущество, моя мать — Джуди Гарленд. Я знаю, почему люди приходят на меня посмотреть. Мне ведь слышно, о чем они говорят в фойе. Они ожидают увидеть точную копию — в противном случае им кажется, что я ни на что не гожусь. Чего они меньше всего ожидают, так это оригинальности».

В это же время самой Джуди выпало пережить очередной провал. 14 ноября 1965 года, вскоре после дебюта дочери в «Голубом Зале», она вышла замуж за Марка Херрона. Уже через несколько месяцев их брак потерпел полное фиаско. Друзья оставили ее, и Джуди совершила еще одну попытку самоубийства. Увы, никто больше не обращал на нее ни малейшего внимания. Все как-то примирились с той мыслью, что в один прекрасный день Джуди доведет задуманное до конца, чем положит конец как собственным терзаниям, так и страданиям окружающих.

Однако, что куда важнее, успех премьеры в «Голубом Зале» стал также триумфом и для Фреда Эбба, что еще теснее связало его и Лайзу в профессиональном плане.

Эбб, внешне чем-то напоминающий покойного Ричарда Бартона, рассказывает: «Она (Лайза) постоянная женщина в моей жизни, а я — постоянный мужчина в ее. Право, так сразу трудно найти объяснение тому, почему мы с ней не стали любовниками. Как мне кажется, мы слишком хорошо знали друг друга. А кроме того, в ее жизни было слишком много других парней. Однако самое главное в ней — это ее жизнеутверждающее начало. Ведь сколько гнусностей, сколько безумия ей пришлось пережить с матерью — у меня это до сих пор в голове не укладывается. Еще один шаг в сторону, и она сама могла бы легко свихнуться, и все-таки — благодаря уравновешенности отца, жизнелюбию и удивительному чувству юмора, присущему матери, и своему собственному таланту — ей каким-то чудом удалось пережить все это и остаться собой.

Я до сих пор поражаюсь ей, — продолжает Эбб. — Знаете, если взять ее черты по отдельности, Лайза отнюдь не красавица. Но как целое, она намного значительнее простой суммы слагаемых, и когда она сияет, перед ней невозможно устоять. Но знаете, в чем истинный секрет ее притягательности? Она умеет польстить публике. Она всей душой отдается слушателям. Она заставляет людей, затаив дыхание, следить за ней. Она — всеобщая сестренка, она беспомощная подружка каждого парня».

Все еще пребывая на седьмом небе после триумфа в «Голубом

Зале», Лайза была преисполнена решимости доказать нью-йоркской публике, на что она способна.

Следующей ее площадкой стал «Персидский Зал» отеля «Плаза», где 9 февраля 1966 года состоялся очередной концерт. Билеты разошлись в мгновение ока. Лайза покорила как публику, так и критиков, за исключением обозревателя из «Ньюсуика», который ранее разнес ее в пух и прах во «Флоре».

В обоих случаях, как во «Флоре», так и в «Персидском Зале», больше всего критику не по нутру пришлась молодость исполнительницы.

«Эстрадная программа Лайзы Миннелли в нью-йоркском «Персидском Зале» на первый взгляд может показаться безупречной: гладко составленная, динамичная, дерзкая. Исполнительница обладает приятным голосом, правда, порой на самых высоких нотах она сбивается на крик, что совсем некстати. Но даже самые ловкие лас-вегасские аранжировщики не в состоянии помочь ей исполнить «Он мой парень» и «Они бы мне не поверили» так, как ей того бы хотелось. У этой девочки слишком маленький жизненный опыт, чтобы петь о тяжелых сторонах любви и жизни».

«Безупречно» — было слишком слабым определением в глазах «Ньюсуика».

Леонард Харрис из «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм энд Сан» отразил настроение публики: «Лайза Миннелли доказала нам, что умеет выжать смысл из любой песни, что для певицы она умеет красиво танцевать, а для танцовщицы — даже весьма недурно поет — и включает нечто вроде встроенного прожектора, что является sine qua non — непременным условием для настоящей исполнительницы из кабаре».

Лайза превратилась в своеобразную достопримечательность Манхэттена. Вскоре после этого, в декабре 1966 года, вышел в свет ее альбом «Порой бывает так» и тоже разошелся весьма успешно. И хотя диск не произвел фурора, тем не менее он принес ей награду «Грэмми» за лучший альбом года. По крайней мере, ее карьера в качестве исполнительницы кабаре неуклонно шла в гору. В мае 1966 года Лайза приняла участие в лондонской программе «О них говорит весь город», выступала перед князем Ренье и княгиней Грейс Монакскими, а затем в «Кокосовой Роще» лос-анджелесского отеля «Амбассадор». В Лос-Анджелесе во время выступлений в «Кокосовой Роще» Лайзу услышал звезда французской эстрады Шарль Азнавур и тотчас устроил ей ангажемент в парижском зале «Олимпия», где они выступили в совместной программе. Так у Лайзы начался своеобразный «роман» с французской аудиторией, которому суждено

продлиться всю ее жизнь. Французы видели в ней американскую Эдит Пиаф, что тоже небезынтересный факт, поскольку Азнавур на протяжении долгих лет был связан с Пиаф профессионально. Кроме того, это положило начало многосторонним отношениям Лайзы Миннелли с Азнавуром. Азнавур может смело считаться предметом романтических грез многих женщин, у него особая, типично «французская манера пения» и весьма любопытная судьба. Азнавур не вышел ростом — в нем всего пять футов и три дюйма, 11 фунтов весу, — он сухощавый и подвижный, и его пристрастия в еде совершенно американизированы. Среди его любимых блюд — мороженое и хот-доги, а излюбленное занятие на досуге — вождение на бешеной скорости спортивных машин.

Азнавур родился в семье армянских эмигрантов, которые в начале века бежали от печально знаменитой турецкой резни, во время которой погибли его бабка и дед, дядья и тетки. Его мать, Кнар, и отец, Миша Азнавурян, в конце концов добрались до Парижа, где 22 мая 1924 года и появился на свет Шарль. Оба его родителя выступали на сцене, Миша играл на различных музыкальных инструментах, а мать была занята в спектаклях. Они откладывали деньги, надеясь открыть ресторанчик, так что все это время семья существовала впроголодь. Подрастая в театральной семье, Шарль посещал занятия в «Ecole du Spectacle», — парижской Школе театральных искусств.

К тому времени как Шарлю исполнилось девять лет, он уже выступал на сцене в небольших ролях, а вскоре он и его старшая сестра Анда при первой же возможности смогли продемонстрировать свои таланты. Шарль укоротил фамилию до «Азнавур», чтобы она лучше воспринималась на афишах. В конце войны Шарль вместе с певцом и композитором Пьером Роше составили программу для ночного клуба. К тому времени у него было уже достаточно сценического опыта — в театре он провел ни много ни мало одиннадцать лет, — чего нельзя было сказать о нем как об эстрадном исполнителе. Неудивительно, что новая программа вселяла в него до известной степени страх и опасения. Однако тут ему на выручку пришла его старая знакомая, у которой он иногда подрабатывал шофером, и, кстати, тоже певица, которую звали Эдит Пиаф.

В один прекрасный день Пиаф бросила взгляд на кое-какие ноты, написанные Шарлем и Пьером, а затем пригласила Шарля одного к себе в спальню. Почему бы им с Роше не попробовать открыть ее программу, предложила она. Когда же Шарль поинтересовался у нее, сколько им за это причитается, Пиаф взорвалась: «Эх ты, жалкий, ничтожный скряга! Тебе подвернулась возможность выступить в одной программе с самой

Пиаф, и у тебя при этом еще хватает наглости спросить, сколько тебе заплатят? Как только у тебя язык повернулся? Весь Париж — ты слышишь, весь Париж — валяется у меня в ногах, умоляя включить их в мою программу. Да любой человек в Париже счел бы за счастье получить от меня такое предложение».

Пиаф была известна своими причудами, своим непомерным честолюбием, своим пристрастием к рюмке и, разумеется, своим редчайшим певческим дарованием. Однако Шарль воспринял ее вспышку совершенно спокойно — и так началось их творческое сотрудничество, продолжавшееся восемь лет.

«Шарль, — заявила Пиаф. — Я беру тебя. Ты можешь взять на себя обязанности по освещению и прочие мелочи. Ты, главное, подумай, чем ты можешь быть мне полезен, а я, в свою очередь, буду учить тебя своей профессии».

Возможно, это прозвучало несколько унизительно, но, с другой стороны, Пиаф хотелось утвердить свой авторитет. Она помогла Азнавуру выработать своеобразную манеру пения — ту присущую только ему хрипотцу, которая вскоре станет чем-то вроде его визитной карточки. Пиаф также была в курсе всех его романов — последние, надо сказать, как правило, бывали весьма бурными, причем объектами любви обычно становились молоденькие девушки. Впервые Шарль женился в 1947 году на женщине по имени Мишелин. Вскоре у супругов родилась дочь, которую назвали Патрисия Сейда Азнавур. Брак с самого начала оказался неудачным — Шарль постоянно находился в разъездах и был всецело поглощен своей карьерой.

В 1965 году состоялся бродвейский дебют Азнавура. В театре «Амбассадор» открылась программа под названием «Мир Шарля Азнавура». Лайза посетила один из концертов как раз в то время, когда сама выступала в «Персидском Зале». Вот как она описывает свои впечатления: «Ничего подобного я еще не видела! Что кто-то может спеть песню так, как будто это маленький спектакль, когда каждая песня словно живет собственной жизнью. Нет, это просто неподражаемо!»

Лайзе было недостаточно успеха ее программы в ночных клубах, ей явно хотелось большего! Она мечтала стать знаменитой эстрадной певицей или кинозвездой. Ей не терпелось вернуться на сцену, и вскоре ей такая возможность представилась — она сыграла в спектакле «Игра в пижаму» в одном из летних театров. А вот кинороли пока обходили ее стороной — до тех пор, пока Джуди не сочла своим долгом вмешаться и раздобыть для дочери роль в британском фильме «Чарли Бабблз». Однако Лайза даже не догадывалась, что этим своим успехом обязана матери, как, впрочем, и многими другими своими контрактами после их

совместного концерта в «Палладиуме».

И хотя для Джуди явилось ударом судьбы, что не кто иной, как она сама дала жизнь своей самой главной сопернице, вскоре она снова вошла в материнскую роль. Она выискивала для дочери подходящие роли и потихоньку занималась раскруткой ее сценической карьеры. Ей хотелось, чтобы к Лайзе пришел настоящий успех, однако одновременно Джуди Гарленд стремилась не задеть гордость дочери — вряд ли Лайзе было бы приятно узнать, что все свои роли она получила благодаря стараниям мамочки.

Джуди была весьма близко знакома с Майклом Медвином, продюсером ленты «Чарли Бабблз», и, пользуясь дружбой, предложила ему взять ее дочь на одну из второстепенных ролей. Главную роль исполнял Альберт Финни, а Билли Уайтлоу играла его супругу. Лайзе досталась роль влюбленной секретарши главного героя, а заодно его любовницы, так что согласно сценарию Лайзе предстояло раздеться до нижнего белья в сцене, где ее соблазняет шеф.

Это была ее первая взрослая роль, и, работая с Финни, она прошла отличную выучку. Прислушалась Лайза и к совету отца, который настоятельно рекомендовал ей сдерживать свою природную эмоциональность. То, что хорошо для сцены, не всегда годится перед камерой.

«Не переусердствуй, — наставлял ее в письме отец. — Не забывай, обычно ты легко поддаешься чувствам, и поэтому без усилий умеешь передать целую их гамму от экстаза до гнева, вместе с тем не теряй самообладания. Я в восторге от того, что ты снимаешься в этой картине. По-моему, это замечательная возможность попробовать свои силы в кино. Я абсолютно уверен, что ты будешь хороша, великолепна, убедительна и вообще таких, как ты, еще не было».

К сожалению, когда «Чарли Бабблз» в начале 1968 года появился на американском экране, то вызвал едва слышный отклик среди зрителей, прежде чем навсегда сгинуть в небытие.

Правда, лента удостоилась неплохих отзывов, в том числе — ну кто бы мог подумать? — от старого недруга Лайзы, журнала «Ньюсуик». Его обозреватель, Джозеф Моргенпггерн, писал: «Каждый эпизод этой картины, кажется, живет собственной жизнью, причем некоторые из них наполняют вас упоительным, пьянящим восторгом, и вы ловите себя на мысли, что с нетерпением ждете очередного появления Лайзы Миннелли».

Подводя итоги, можно сказать, что Лайза все-таки добилась для себя роли в кино, хотя и не такой, о какой мечтала, — ей так и не удалось сыграть главную героиню в крупной американской

ленте.

Лайза моталась с места на место в поисках новых контрактов, полезных для ее карьеры, и все это время по-прежнему считалась невестой Питера, сама находясь в полной уверенности, что он как нельзя лучше подходит для ее личной жизни. Хотя, по правде сказать, они давно уже жили каждый своей жизнью — Питер с Крисом выступали в «голубых клубах» и общались в основном с приятелями Питера, в то время как Лайза вращалась в своей компании.

Ее отец был настроен против замужества дочери, полагая, что еще не время. Мачеха, Дениз, придерживалась того же мнения и даже как-то заявила, что ноги ее не будет на свадьбе Лайзы. Кроме того, Джуди также изменила свое мнение о молодом человеке, которого сама же и познакомила с дочерью. Джуди неодобрительно отзывалась о том образе жизни, что вел Питер, и вообще, по ее мнению, эта парочка была слишком юной.

Вот что рассказывал по этому поводу отец Лайзы: «Ей тогда было всего двадцать лет. Они оба были еще совсем молоды, и, по-моему, ей не следовало торопить события. Кроме того, они оба еще только на пороге своей профессиональной карьеры, и кому, как не мне, было знать, что шансы на то, что этот брак не развалится, практически равны нулю. И все-таки выйти замуж за Питера для Лайзы значило весьма многое. И когда я в конечном итоге дал свое согласие, это объяснялось лишь тем, что я просто не смог устоять перед ее очередной просьбой».

Лайза и Питер были обручены более двух лет, и люди начали поговаривать, что пора бы решиться на главный шаг — то есть пожениться. Питер, с его внешностью английского аристократа — чуть крючковатый нос и выступающий вперед подбородок, — узнав о возражениях Винсенте, сделал нечто такое, что тотчас прибавило ему очков. Вот как сам Винсенте описывал это позднее: «Питер написал мне весьма учтивое письмо, в котором попытался рассеять все сомнения относительно предстоящего брака. На меня произвел глубокое впечатление тот факт, что он, согласно давно заведенной традиции, просил у меня руки Лайзы».

Папочка, скрепя сердце, дал свое согласие, Джуди последовала его примеру. А Лайза была готова прыгать от восторга — она любила Питера всей душой, — а главное, была уверена, что с ним не соскучишься.

21 февраля 1967 года в городской ратуше Нью-Йорка молодые наконец получили официальное разрешение на брак. Лайза пошутила для газетчиков: «Мы с Питером ходили, обручившись, целых два года — вот сколько времени нам

понадобилось, чтобы попасть сюда».

3 марта 1967 года они поженились на квартире ее агента и приятельницы, Стефани Филлипс, или у мистера и миссис Ричард Фридберг, в зависимости от того, какая газета попалась вам на глаза на следующий день. Затем последовало небольшое торжество, состоявшееся дома у менеджера Марти Брегмана, в его квартире по соседству с Центральным парком.

И хотя свадьба удалась на славу — церемонию провел судья Джозеф Маккью, со стороны невесты свидетельницей выступила Рэм Рейнхард, а шафером был Поль Джесман, звездой этого события стала отнюдь не невеста, как то можно было предположить, а ее мать. Кроме того, свадьба ознаменовала собой краткосрочное примирение между ними обеими — спор касался денег, которые Джуди требовала от Лайзы. Дело в том, что Лайза то посылала их, то забывала это сделать.

Событие получило также и международный резонанс — из Австралии по этому случаю прилетела мать Питера Марион и его сестра Линн. Лайза устроила им небольшую экскурсию по Манхэттену и вообще прониклась к золовке мгновенной симпатией. Они обе уговорили Марион приобрести по случаю свадьбы новое платье, но та, увидев цены, встала на дыбы. Ведь это бы вступило в противоречие с выработанным ею за многие годы правилом — тратить на одно платье не более той суммы, что ушла бы у нее на питание в течение двух-трех месяцев. И тогда Лайза договорилась с кем-то из продавцов, чтобы тот показал на выбор несколько платьев, но только без этикеток — одно из них все-таки было куплено, и все вокруг остались довольны.

Главным событием для Марион и Линн стала встреча с Лилиан Роксон. Роксон, австралийская журналистка, работавшая в Нью-Йорке, вела постоянные рубрики в австралийских журналах. Австралийские женщины просто боготворили ее. Вот как Питер описывает случившееся: «Мои мать с сестрой прилетели на свадьбу из городка Бонди, где они тогда жили, имея в запасе еще несколько дней, — и все еще не могли прийти в себя после встречи с Лайзой. Мама ужасно робела перед Джуди, которая меньше всего походила на тещу в привычном смысле этого слова. Однако по мере того, как события развивались дальше, мама немного освоилась, и тогда я решил познакомить ее с Лилиан. Маму мы застали в обществе двух других гостей — с одной стороны от нее сидел Ван Джонсон, а по другую — Юл Бриннер, и вся троица мило предавалась беседе.

«Мам, познакомься, это Лилиан Роксон».

У матери отвисла челюсть. Ведь она столько лет подряд

читала «Письма от Лилиан», которые печатались тогда в «Вуменз Дейли». И вот тебе раз — перед ней стоит знаменитость собственной персоной!»

Джуди почтила своим присутствием свадьбу дочери в обществе второго своего мужа, Винсенте, однако вскоре сосредоточила внимание на третьем и также бывшем супруге — Сиде Люфте, что вызвало у одних ехидные улыбочки, а у других — неодобрительные взгляды. Однако это оказалось не единственной неприятностью — Лайза вскоре сделала для себя малоприятное открытие, что уже нажила соперника в лице «голубого» дружка своего новоявленного мужа. Брачную ночь Питер провел именно с ним, а не с новобрачной.

Что касается Джуди, то ее профессиональная карьера также переживала не лучшие времена — на одних ее концертах яблоку негде было упасть, на других — желающих послушать ее легко было пересчитать по пальцам. Это стало началом нового охлаждения в отношениях матери и дочери. Кроме того, в это время Лайзе еще пришлось взять на себя заботу о Лорне и Джои. Дело в том, что Джуди явно пошла по стопам своей матери, Этель, правда, с некоторыми отличиями. Она не просто запирала детей — нет, она изгоняла их в отдельную дальнюю часть отеля, где за ними следили посторонние люди, а сама в это время либо давала выход своим эмоциям, либо же, оставшись без посторонних глаз, предавалась наркотическому дурману. Джуди отказывала Люфту в праве навещать детей без ее предварительного согласия, что придавало ситуации еще более абсурдную окраску.

Что примечательно, двадцатилетней Лайзе удалось найти в общем-то неплохой выход в этой ситуации. Она сказала своей пятнадцатилетней сестре и двенадцатилетнему брату, что те могут жить вместе с ней и Питером. Лайза начала прятаться от Джуди, поскольку была больше не в силах выносить семейных скандалов. Питер взял на себя роль мужчины, главы семьи — он не только пытался строить совместную жизнь с Лайзой, но и заботился о Лорне и Джои и, как мог, пытался оградить Лайзу от травмирующих встреч с матерью.

Вот что, например, рассказывала она в 1968 году репортеру журнала «Гуд Хаускипинг»: «Когда мама не в настроении, наш дом для них (Лорны и Д жои) — это место отдохновения, где их ждет внимание и покой». Это Лайза еще мягко сказала: «Когда мама не в настроении». «Мама» порой валялась без чувств, накачавшись алкоголем или наркотиками. Порой ей становилось страшно за себя, порой — себя жалко. Правда, самое невероятное заключалось в том, что она неизменно находила в себе силы,

вырвавшись из наркотического дурмана, вернуться на сцену, чтобы снова завораживать сердца тысяч зрителей своей удивительно искренней, подкупающей манерой исполнения.

Январь 1968 года явился важным периодом как в жизни матери, так и дочери. У Лайзы состоялся дебют в «Имперском Зале» отеля «Уолдорф». Среди гостей было столь много звезд, что одно их присутствие делало премьеру грандиозным событием. В то же время Джуди, которую на протяжении декабря преследовали одни неудачи — чего стоил только один провал в «Мэдисон-Сквер-Гарден»! — лишилась главной роли в бродвейской постановке «Мейм», а за неуплату была выселена из отеля.

В тот самый вечер, когда она осталась без роли в «Мейм», Джуди с явной неохотой пришла посмотреть дебют дочери в «Империи». Лайза пригласила ее к себе на сцену, и вдвоем они исполнили знаменитую композицию «Когда святые маршируют», чем вызвали небывалый восторг публики. После концерта Лайза настояла на том, чтобы Джуди с младшими детьми воспользовались ее номером-люксом тут же в отеле «Уолдорф», а сама решила пока пожить с мужем в их квартире на Восточной Пятьдесят Седьмой улице. Тот вечер показал, что Джуди еще не утратила своей притягательности, хотя пристрастие к наркотикам все ближе подталкивало ее к краю пропасти.

Тем временем Питер и Крис нашли себе союзницу в виде повальной моды на британскую музыку. Правда, «братья Аллен» были в общем-то родом из Австралии, но американская публика не видела в том особой разницы. Их имидж здоровых, спортивных парней и приятная манера исполнения резко контрастировала, например, со стилем «Роллинг Стоунз». В результате их концерты на Манхэттене были расписаны на месяцы вперед — дуэт выступал в самых дорогих увеселительных заведениях по всей стране, а также принял участие в ряде телешоу.

Среди манхэттенского общества Питер с Лайзой являли собой современное воплощение другой, не менее знаменитой пары — Скотта Фитцджеральда и его жены Зелвды, — их можно было видеть в таких модных ночных заведениях как «Иль-Мио», «Ондин», «Ле Клуб», «Артур» и «О'Пюсе». И хотя на первый взгляд Питер с Лайзой по-прежнему держались вместе, их, тем не менее, влекло в разные стороны, поскольку они не терпели приятелей друг друга. На протяжении всех бурных шестидесятых Лайзу трудно было назвать борцом против правительства, ниспровергательницей устоев, готовой ринуться на баррикады. Скорее наоборот, она являлась его неотъемлемой частью, вращаясь исключительно в «избранном» обществе, и каждый ее

шаг находился под неусыпным оком целого сонма «околосветских» репортеров, взахлеб расписывавших похождения своих кумиров на страницах глянцевитых журналов.

Питер сравнивал эту толпу с суповой миской — широкой и мелкой. Он находил этих людей нудными, мелочными, испорченными, предпочитая общество тех, кто, по его мнению, был наделен художественным талантом и глубиной, искрой божьей и совсем не обязательно деньгами. Они с Лайзой развлекались ночами — но в разных концах Манхэттена — она в Верхнем Ист-Сайде, он же в нижнем Вест-Сайде, то есть в Гринвич-Виллидж. Можно сказать, что физически и интеллектуально Питер с Лайзой существовали на противоположных краях спектра.

Время Пуки Адамс

Лайзе оказалось мало успеха в ночных клубах, и она принялась подыскивать себе роль на сцене или в кино. Последнее представлялось не слишком обнадеживающим, поскольку в середине шестидесятых народ почему-то отвернулся от мюзиклов. На протяжении нескольких лет Лайза мечтала о роли Пуки Адамс в «Бесплодной кукушке» — истории первой юношеской любви со всеми ее переживаниями, неуклюжестью, мечтами и разочарованиями. Лайзе было все равно, где она сыграет эту роль — на сцене или на экране. Впервые она услышала об этой истории в 1965 году от одной своей подруги и даже достала почитать роман Джона Никольса.

«Я проглотила книжку залпом за одну ночь, — рассказывала Лайза. — Она оставила странное впечатление, но я все равно глубоко сочувствовала и сопереживала Пуки Адамс. У меня было такое чувство, будто все, что случилось с ней, совсем недавно произошло со мной. Я дала себе слово, что если по книге когда-нибудь будет сделан фильм, я обязательно в нем снимусь».

Впервые прочитав книгу, Лайза вышла на издателя и агентов, занимающихся приобретением прав на экранизацию, а именно Алана Пакулу и Роберта Маллигона.

«Я пришла к ним в офис и заявила, что если им придет в голову сделать фильм, я именно та актриса, которая сыграет Пуки. Я проделала с ними ту же самую шутку, что и с Фредом Эббом и Джорджем Эбботом во «Флоре, Красной Угрозе».

Пакула и Маллигон явно не ожидали такого напора от актрисы, подыскивающей себе работу, но Пакула все-таки купился на эту затею. «Я был не в силах отделить Лайзу от Пуки. Она словно была создана на эту роль — та же дерзость, тот же необузданный, страстный порыв чувств».

Когда Пакула, наконец, нашел спонсоров, он сообщил им, что роль Пуки предстоит сыграть Лайзе. Потребовалось какое-то время, чтобы хохот наконец стих, но как только спонсоры отсмеялись, они сразу же заявили, — нет, такое дело не пойдет. У них имелись собственные соображения насчет Пуки, причем среди кандидаток на роль значились такие имена, как Пэтти Дьюк, Элизабет Хартман и Тьюсди Вельд. Пакула же в пику им заявил, что без Лайзы не будет никакой картины. Так оно и произошло — нет и не надо.

Лайза до глубины души расстроилась, узнав, что все ее планы пошли прахом; хотя ей, разумеется, льстило то обстоятельство, что Пакула, продюсер многих известных лент (например, «Убить

пересмешника»), счел ее достойной кандидаткой на роль и даже предпочел поставить крест на всем проекте вместо того, чтобы, расставшись с ней, сделать фильм без ее участия.

В марте 1968 года о проекте снова заговорили, и Лайза опять предложила себя на роль Пуки. Она так страстно мечтала получить эту роль, что бралась только за краткосрочные контракты, чтобы, если обстоятельства сложатся в ее пользу, не быть связанной никакими посторонними обязательствами.

Однако наступил июль, а о «Кукушке» не было слышно ни слова, и Лайза едва не соблазнилась на главную женскую роль в бродвейском спектакле по фильму «Квартира», популярной комедии, в которой снялись такие звезды, как Ширли Мак-Лейн и Джек Леммон. Пьеса называлась «Обещания, обещания», а появилась она на свет благодаря усилиям не менее почтенных деятелей — продюсером ее являлся Дэвид Меррик, музыку же написали Берт Бакарак и Хэл Дэвид. Практически никто не сомневался, что Лайза непременно ухватится за роль в спектакле, заранее обреченном на успех. Что касается успеха, то тут все ожидания оправдались, вот только Лайза в спектакле так и не появилась.

По мнению Джуди и друзей, Лайза совершала величайшую глупость, терпеливо дожидаясь, когда ее пригласят на роль в «Кукушке», причем, по меньшей мере, по пяти причинам. Во-первых, где гарантия, что фильм вообще будет снят? К тому же Лайза еще не бог весть какая звезда, чтобы отворачиваться от предлагаемых ролей и морщить нос в ожидании чего-то особенного. Что же касается «Кукушки», то это довольно рискованная вещь, со странноватой малоприятной героиней, и к тому же там нет никакой музыки, что вообще не в ее стиле.

Многим в кинобизнесе казалось, что эта роль ей не по силам. «Парамаунт», единственная студия, согласная взяться за осуществление проекта, и слышать не желала ни о какой Лайзе Миннелли.

Тем не менее Лайза поставила себе цель во что бы то ни стало сыграть роль Пуки Адамс, и будущее докажет ее правоту. Единственными людьми, кто горячо поддерживали ее мечты, были ее отец Винсенте и режиссер будущей картины Пакула. Вот что говорил последний: «Лайза была единственной, кто мог в моих глазах серьезно претендовать на эту роль, несмотря на все давление со студии, требовавшей кого-то более известного».

В конечном итоге картина была сделана с участием Лайзы.

Пакула заключил с «Парамаунтом» финансовую сделку. Затем он наведался к Лайзе в Лас-Вегас, где она тогда выступала, и предложил приехать в Лос-Анджелес. Съемки начались в

сентябре 1968 года, в Гамильтон-колледже, в штате Нью-Йорк.

Пакула высоко отзывался о том, как прекрасно Лайза справилась с этой трудной ролью. «Мне еще ни разу не приходилось испытывать такое удовольствие от работы с актрисой, причем эта радость была просто заразительной. Например, я рассказывал ей какую-нибудь историю, точно так же, как если бы я рассказывал ее ребенку. Мне запомнилась одна сцена, которая поначалу никак не получалась, и я пытался объяснить, чего же мне все-таки хочется, чего я добиваюсь, и я все говорил и говорил, пожалуй, даже слишком много. Спустя какое-то время она поднялась и сказала: «О'кей, давайте попробуем». И у нее все получилось».

«Бесплодная кукушка» — это история молодых любовников, пытающихся обрести контакт с реальным миром. Пуки — одинокая девушка — становится агрессивной стороной и навязывает себя молоденькому первокурснику Джерри, которого сыграл Уэнделл Бертон. Кульминацией фильма стала очаровательная в своей неуклюжести любовная сцена, снятая в скромном номере крошечного отельчика на берегу озера. Со временем Джерри начинает понимать, что, собственно, происходит, и хотя ему нравится близость Пуки, он не желает связывать себя никакими обязательствами. По телефону он объявляет ей, что их роман окончен. Пуки же, зажатая в тесной телефонной будке ее студенческого общежития, слушает его и отказывается верить.

Эта сцена в телефонной будке принесла Лайзе восторженные отзывы как со стороны зрителей, так и критиков. Поговаривали, что одного эпизода было достаточно, чтобы удостоиться номинации на награду Академии киноискусства. Кстати, этот эпизод, представляющий собой сердцевину картины, снимался в самый первый день — погода была плохая и съемочная группа сидела в четырех стенах. Снят он был за один дубль, что тоже редкое явление, и восхищенная команда дружно разразилась аплодисментами Лайзе — удивительная реакция от пресыщенных, много чего повидавших на своем веку киношников.

По мнению Пакулы, Лайза оказалась совершенно права, настойчиво добиваясь для себя этой роли. «Я не мог поверить, что у нас с ней все получится, но ведь получилось же! — заявил он. — Все вокруг пребывали в растерянности. Никто не ожидал ничего подобного от Лайзы Миннелли. Джуди Гарленд — это да. Но вот Лайза!»

«На репетициях мы вроде бы все разжевали, и все равно я не знала, с какой стороны мне за что взяться, — рассказывала Лайза. — От страха у меня сердце ушло в пятки — но стоило мне

только оказаться перед камерой, как все тотчас встало на свои места, и я сделала все, что от меня требовалось».

Вскоре такой подход вошел у Лайзы в привычку. Если ей предстояло сыграть сцену, в которой она не была уверена, неожиданно на нее словно находило некое откровение. Чаще она бывала права. Иногда ошибалась. Безусловно, частично своим успехом она обязана советам со стороны матери и отца, которые направляли ее на протяжении многих лет.

В сцене с телефонной будкой Лайза вспомнила, как отец когда-то учил ее читать сценарий, убирая при этом все ненужное и оставляя только ключевые слова, чтобы тем самым четко представить себе требуемый образ. «Вы оставляете только то слово, — поясняла Лайза, — которое несет на себе смысловую нагрузку. Затем вы поднимаете глаза. И опять оставляете одно слово. В «Бесплодной кукушке», в сцене с телефонной будкой, есть одна строчка, в которой я говорю: «Мы с папой не успели проглотить даже по сэндвичу». Я прибегла к тому уроку, который преподал мне отец, — самым главным я сделала слово «сэндвич». «Мы с папой не успели проглотить даже по ***сэндвичу».*** Это очень важно, уверяю вас».

Картина, обреченная, по мнению многих, на провал, вышла на экраны в октябре 1969 года и тотчас же получила хвалебные отзывы. Сама Лайза удостоилась номинации в категории «Лучшая актриса» — недурно для ее двадцати трех лет, тем более, если вспомнить, что в девятнадцать она получила «Тони».

Самый «непробиваемый критик» Полин Кель из «Нью-Йоркера» захлебывалась от восторга: «Лайза — само совершенство. Эта печальная, словно удивленная персона — тощее, трогательное тельце и выразительные черты, которым явно тесно на небольшом личике, — словно специально создана для этой роли. Какая она, право, смешная, и по всей видимости о ней скоро заговорят как о величайшей актрисе». Кинокритик из «Лос-Анджелес Таймс» назвал героиню актрисы «милой, печальной, серьезной и одновременно забавной, трогательной и обворожительной».

Лайза так и не получила «Оскара», зато удостоилась славословий со стороны критика Рекса Рида: «В роли Пуки Адамс Лайза Миннелли восхитительна! Она играет, что называется, до упора; в массивных роговых очках, вытаращив, как блюдца, глаза, морща носик, словно кролик, страдающий сенной лихорадкой! А чего стоит ее смешок, который пронзает вам сердце подобно солнечному лучу в пасмурный день. Подобные роли разбивают сердца зрителям, а исполнителю приносят «Оскара».

А Кристофер Ишервуд, один из авторов сценария «Кабаре»,

заявил, что Лайза — это вылитая Салли Боулс.

1969 год — хуже не бывает

В жизни Лайзы 1969 год стал, пожалуй, самым серьезным испытанием.

В течение января-февраля она находилась в разъездах и готовилась к съемкам следующей своей картины — «Кабаре». Все это время она металась между Лос-Анджелесом, Парижем, Майами, Нью-Йорком и Пуэрто-Рико, выступала в клубах, участвовала в телепрограммах и вела разговоры с Фредом Эббом насчет того, как хорошо было бы ей получить роль Салли Боулс, когда дело со съемками «Кабаре» наконец сдвинулось с места.

В это время она подружилась с одним бездомным, голодным и искалеченным псом, которого подобрала где-то в Пуэрто-Рико. Пес этот, по всей видимости, был существом жалким и злобным одновременно. Спасенный Лайзой от прозябания Очо — а назван он был в честь ночного клуба, возле которого его подобрали, — в мгновение ока попал, что называется, «из грязи в князи». Правда, вскоре последовали неприятности — например, он покусал хозяйку гардеробной Риту Строндлер. Лайзе пришлось заплатить 7,5 тысяч долларов в качестве компенсации за моральный ущерб, а Очо в наказание лишился клыков. Но в конце концов он превратился для Питера и Лайзы в третьего члена семьи.

Когда в жизнь Лайзы вошел Очо, Джуди была занята решением собственных проблем. В марте 1969 года, в присутствии толпы репортеров, она в пятый раз вышла замуж. Новым ее мужем стал Микки Дин, и вскоре супруги переехали в Лондон. Познакомились они в августе 1967 года, когда Микки заправлял делами в нью-йоркской дискотеке «Артур». После свадьбы Микки попытался подыскать жене работу. Он почти договорился о новом проекте — снять с одной шведской кинокомпанией фильм об одном дне из жизни Джуди Гарленд, однако, узнав, что киношники уже успели снять несколько эпизодов с обнаженной Джуди, пошел на попятную. Затем он пытался найти спонсоров на организацию сети театров Джуди Гарленд, однако никто так и не купился на эту идею. Все это время Лорна с Джои оставались в Калифорнии, а Лайза снималась в кино. Для Джуди наступил самый трудный, самый гнетущий период в ее жизни, и она оказалась одна вдали от детей, предоставленная собственным переживаниям.

Лайза, которая по-прежнему дожидалась исхода дел с «Кабаре», тем не менее стала относиться к кино с большей степенью здравомыслия и после долгих переговоров насчет гонорара и прочих причитающихся ей вещей согласилась сняться

у Отто Преминджера. Преминджер просмотрел рабочую версию «Бесплодной Кукушки» еще до выхода ленты на экран и был поражен талантом молодой актрисы. По его словам, «Лайза наделена неким странным, прямо-таки чаплиновским юмором, который дает о себе знать через ее глаза и движения. У нее есть все задатки звезды».

Сценарий назывался «Скажи, что ты любишь меня, Джуни Мун», а в основу его положен роман Марджори Келлог. Сюжет этой трагикомедии повествовал о трех инвалидах: эпилептике (его сыграл Кен Говард), прикованном к инвалидной коляске гомосексуалисте (Роберт Мур) и о девушке с лицом, обезображенным шрамами (ее роль сыграла Лайза). Троица эта выписывается из больницы и решает дальше жить вместе. Кроме того, в фильме были заняты такие актеры, как Джеймс Коко, старая приятельница Джуди Кей Томпсон, Фред Уильямсон, Нэнси Марчанд и Энн Ривер. Критик Леонард Молтин описывает картину так: «Моменты комедии, мелодрамы и сострадания, смешанные умелой рукой Преминджера в одно из самых удачных его детищ».

Однако нельзя сказать, что в отношениях между Преминджером и актерами все складывалось столь же удачно, особенно между мэтром и Лайзой, считавшей режиссера невозможным тираном. Роль, в которой она снималась, уже изначально являлась испытанием для любой актрисы, поскольку требовала самого кошмарного, что только можно себе представить для женщины, — потерю физической красоты. В «Джуни Мун» зрители видят Лайзу в сцене с любовником. Тот заставляет ее раздеться донага, а сам, чтобы возбудиться, разражается потоком скабрезностей. Джуни Мун это почему-то только смешит, и она передразнивает парня. Тот, в свою очередь, набрасывается на нее с кулаками и в конечном итоге выплескивает ей на лицо и руку кислоту. Он уходит, а она продолжает от боли извиваться на земле.

Лайза, согласно ранее взятым на себя обязательствам, выступила в Лас-Вегасе, в клубе «Сахара», и к 10 июня уже была готова приступить к съемкам «Джуни Мун». Она поговорила с автором произведения, Марджори Келлог, с обезображенными женщинами и докторами, имевшими подобных пациентов.

«На протяжении всего фильма Джуни Мун и я — этот один и тот же человек, — рассказывает Лайза. — Я чувствовала все, что чувствует она, но я чувствовала это как Джуни Мун, а не как актриса Лайза Миннелли».

Первый этап лечения обезображенных женщин заключается в попытке хирургическим путем более-менее восстановить их

прежнюю внешность. После чего наступает длительный и весьма тяжелый этап психологической реабилитации. Если женщина обезображена и не в состоянии позволить себе такое дорогое удовольствие, как пластическая операция, или же это невозможно по медицинским показаниям, она замыкается в себе, в своих переживаниях, и ее душу переполняет страх. Именно такую женщину и предстояло сыграть Лайзе в «Джуни Мун». Перед тем как браться за роль, Лайза основательно к ней подготовилась, дотошно изучив, каким образом обезображенные женщины вступают в контакт и общаются с посторонними людьми. Некоторые стыдились своего уродства и пытались прятать лицо, другие же, наоборот, выставляли свои шрамы напоказ, словно хвастаясь ими перед другими людьми.

Съемки требовали от Лайзы полной отдачи сил — начинались они с гримерной, где она проводила, сидя в кресле, по нескольку часов, пока умелые руки Чарльза Шрамма превращали ее лицо в безобразную маску. По словам самой актрисы: «Я потом привыкла к своему новому лицу. И поэтому, перед тем как сыграть сцену, в которой я вижу себя в зеркале и кричу от ужаса, мне пришлось пойти в комнату одной и рассказать себе все страшные истории, какие я только знала! Только так мне удалось перепугать себя до смерти».

В начале 1969 года родители Лайзы, и Винсенте и Джуди, пережили по романтическому увлечению. Джуди сочеталась в Лондоне по католическому обряду с Микки Динсом. Позднее он напишет о ней биографическую книгу под названием «Не плачь, дорогая моя». В это же самое время у Винсенте произошло охлаждение в отношениях с Дениз — та влюбилась в Прентиса Кобхейла, владельца универмага из Сан-Франциско. Если верить Дорис Лилли, журналистке, ведущей колонку светской хроники, поначалу Винсенте сильно переживал, однако затем нашел утешение в лице британской публицистки Ли Андерсон. Вскоре они уже жили вместе, а затем и поженились.

Новое замужество Джуди пришлось на самый тяжкий период в ее жизни. Несмотря на отдельные успехи, ее концерты уже не шли ни в какое сравнение с ее прежними выступлениями. Карьера ее резко пошла под уклон, а вот зависимость от алкоголя и наркотиков, наоборот, резко возросла. Джуди как никогда нуждалась в ком-то сильном, таком, как, например, Винсенте, Сид или Лайза, кто бы служил ей опорой и направлял ее жизнь. Микки Динсу это было явно не по плечу. Он был без ума от Джуди, ее образа жизни и решительно не желал прислушиваться к предостережениям друзей, тщетно пытавшихся открыть ему глаза на то, какой камень на шею он себе вешает.

Когда Микки с Джуди приехали в Нью-Йорк, друзья пытались поместить ее в больницу, но Джуди наотрез отказалась. Вместо этого однажды вечером, когда Микки куда-то отлучился, Джуди позвала к себе Питера и уговорила отвезти ее в клуб «О'Пюсе», где Питера хорошо знали и где он пользовался популярностью. Тот выполнил ее просьбу, и они провели чудный вечер, вспоминая былые дни, когда они только познакомились в Гонконге, а затем отплыли в Токио. Джуди была одета в стиле своей молодости — белый, украшенный вышивкой свитер поверх черного платья и соломенная шляпка с цветами. Они много выпили — Джуди пропустила несколько тройных порций неразбавленной водки и ее развезло до того, что когда они добрались до дома, оказалось: она успела где-то потерять и белый свитер, и шляпку с цветами. Как позднее вспоминал Питер, было в этом вечере нечто восхитительное и печальное.

20 июня 1969 года Лайза с Питером уединились на уик-энд в местечке Саутгемптон на Лонг-Айленде. Вскоре ей предстояли съемки «Джуни Мун», и она хотела хорошенько сосредоточиться.

Ранним безмятежным утром в воскресенье 22 июня раздался телефонный звонок, которого Лайза ждала уже не первый год. Трубку снял Питер. Звонила секретарша Лайзы Дина Уэнбл, у которой было сообщение из Лондона. Питер отправился будить жену, с ужасом думая о том, что он ей сейчас скажет.

«Дорогая, — дрожащим голосом произнес он. — Просыпайся. Мне надо тебе что-то сказать». Лайза вскочила как ошпаренная. В ее глазах читался неподдельный ужас.

«Что-нибудь с мамой? Она заболела?»

«Я покачал головой, — рассказывал позднее Питер. — И сказал ей, что Джуди умерла».

Итак, Джуди умерла, а с ней умерла и частичка души Лайзы.

За шесть лет до этого, летом 1963 года, между сорокалетней Джуди и семнадцатилетней Лайзой возникла неведомая им раньше близость. Звезда Джуди постепенно закатывалась, Лайза же только что изведала свой первый профессиональный успех. Они никогда еще не были так близки, как тем летом. Лайза тогда начала совать свой нос в личную жизнь матери. Джуди же сделала для себя открытие, что ее дочурка совсем скоро не только повзрослеет, но и станет профессиональной актрисой. Джуди тогда пыталась делиться с ней опытом, пыталась ввести Лайзу во все тонкости артистического мастерства. По мнению Джуди, во время исполнения песни следовало сосредотачивать внимание на значении слов. «Никогда не забывай, о чем твоя песня, — говорила она. — Ведь ты поешь не просто ноты. И если тебе удается удержать какую-то ноту, это еще не значит, что слова не

имеют особого значения».

Тогда, шесть лет назад, Лайза многому научилась у матери. И вот теперь матери не стало. По словам Питера, когда он сообщил Лайзе это печальное известие, она поднялась, вышла на улицу и, сев на траву, минут пять безутешно рыдала.

Муж Джуди, Микки Дине, проснулся среди ночи в их доме на Кадоган-Лейн. Джуди рядом с ним не оказалось. Он пошел посмотреть в ванную. Дверь была заперта, а изнутри никто не откликнулся. Не желая взламывать дверь, он вышел, нашел часть крыши, на которую ему удалось влезть, и заглянул в окошко. Увиденное заставило его вздрогнуть от ужаса. Джуди, в чем мать родила, сидела на унитазе, подперев голову руками. Микки открыл окно и потянулся к ней. Она уже успела окоченеть. Когда Микки наконец протиснулся в ванную, его поразил ее вид. «Я заметил, что кожа у нее какая-то бледная, с голубоватым, а местами красным оттенком, а лицо — все перекошено. Изо рта и носа у нее сочилась кровь, и время от времени изнутри нее доносился какой-то звук, похожий на стон».

Коронер, с присущей британцам невозмутимостью, констатировал, что Джуди скончалась «случайно, в результате передозировки барбитуратов». Незадолго до этого ей исполнилось 47 лет.

В тот же самый день было объявлено медицинское заключение, а частный врач, у которого лечилась покойница, созвал пресс-конференцию, чтобы заявить миру следующее: «Она жила у времени взаймы. Когда восемь лет назад я провел обследование, у нее обнаружился цирроз печени. Я тогда еще подумал про себя, что дай Бог, если она протянет еще максимум лет пять. Однако она прожила на три года дольше, чем я тогда предполагал. У нее был бойцовский характер. Она жила под огромным напряжением, но ведь для нее, как вы знаете, главным был девиз — «Шоу должно продолжаться».

Очередное откровение последовало чуть позднее от Сони Рой, жены одного британского музыканта. По ее словам, она и ее муж Харри были вместе с Джуди в ночь, когда она умерла. Соня поведала, будто Джуди сказала им, что чувствует себя совершенно опустошенной, в этой жизни ее уже ничто не удерживает — будто у нее на тот момент на четыре миллиона долларов долгов, — и поэтому ей ничего не остается, как наложить на себя руки. По словам Сони Рой, они с мужем взялись уговаривать Джуди не совершать глупостей и, как им показалось, в конечном итоге им удалось убедить ее не предпринимать опрометчивых шагов.

Но с другой стороны, такой конец был вполне предсказуем.

Какой еще выход оставался знаменитой звезде, чье тело и дух были изуродованы саморазрушением, и лишь голос сохранил былую притягательность. Первому Лайза позвонила отцу — в Голливуд, где он в ту пору снимал на студии «Парамаунт» картину «В ясный день можно увидеть вечность» с участием Барбры Стрейзанд. Это был самый дорогой мюзикл из тех, что ему когда-либо доводилось снимать, и он сильно опасался, как бы что-нибудь не испортить. Его брак с Дениз окончательно зашел в тупик, и теперь они просто ждали удобного момента, чтобы обговорить условия развода.

Вот как в своей автобиографии Винсенте описывает звонок Лайзы: «В воскресенье 22 июня я как раз был занят составлением графика съемок на следующую неделю, когда неожиданно зазвонил телефон. На проводе была Лайза, из Нью-Йорка.

— Пап…

— Да, милая!

На другом конце провода молчание, а затем:

— Сегодня умерла мама.

— Прости, милая… мне очень жаль».

Винсенте писал, будто ему показалось, что Лайза, каким-то чудом сохранила самообладание и даже рассуждала вполне по-философски. Теперь ее в большей степени заботило, что еще предстояло сделать.

«Я должна убедиться, что мама не убивала себя, — произнесла Лайза. — Мама бы никогда этого не сделала. В последние несколько дней у нее было такое замечательное настроение».

«Я утешал Лайзу как только мог. И снова долгие паузы.

— Ладно, я пойду, пап…

— Держи меня в курсе дел, детка.

— Угу».

Когда Рей Болджер узнал, что его партнерши по «Волшебнику из страны Оз» больше нет в живых, он едва не разрыдался. «Последний раз, когда я прошлой весной выступал в отеле «Уолдорф», Джуди пришла меня проведать. Кто-то из зала тогда еще выкрикнул: «Давай, Джуди, спой нам «Над радугой». Я испугался, что эта просьба поставит ее в неловкое положение, и поэтому сказал, что песни Джуди уже и без того живут в наших сердцах, и если она не в настроении, никто не станет ее принуждать. Лицо ее озарилось, и она расцвела прямо на глазах. Она была великолепна! Но, впрочем, зачем я вам все это описываю. Вы ведь и сами не раз видели это в ее картинах».

Критик Рекс Рид так подвел итог своим чувствам: «Мы любили ее, когда она бывала счастлива, мы любили ее, когда она

бывала грустна, а чаще всего она бывала и той и другой одновременно. Вряд ли кто из тех, кто видел ее или слушал ее грамзаписи, станет спорить со мной, если я скажу, что фамилия ей просто ни к чему. Для нас она просто Джуди».

Имя Е. Харбурга вряд ли известно многим. Но именно им написаны слова к песне «Над радугой» и ряду других популярных вещей из репертуара Джуди. Он знал ее, знал ее жизнь и, наверное, ее душу. «Для Джуди Гарленд не существовало реального мира, — говорит он, — это был насквозь фальшивый мир, начиная со слова «вперед», когда родители в возрасте четырех лет засунули ее в водевиль исполнять рождественскую песенку «Звените, колокольчики». С тех самых пор этого ребенка эксплуатировали самым бессовестным образом — ведь она была просто загляденье, у нее имелся приятный голосок и Господь явно не обидел ее талантом. Детства же у нее не было. Позднее, когда ей исполнилось четырнадцать, ее голос прорезался во всей его мощи. Как мне кажется, это один из лучших голосов первой половины нашего века. Она проникала вам сквозь плоть и кости в самую душу».

Лайзе стало известно, что Кей Томпсон вернулась из Рима в Нью-Йорк, и она тотчас же ей позвонила. Кей была, пожалуй, самой близкой подругой Джуди, ей не раз довелось пережить с ней тяжелые времена еще в их бытность на МГМ. Порой ей приходилось брать ее под свое крыло, особенно когда, хотя и нечасто, возникали разные пересуды о лесбийских увлечениях Джуди, в том числе и из уст самой Кей.

Кей и Лайза не виделись вот уже восемь лет, и эта их встреча стала поистине судьбоносной, даже несмотря на то, что ее причиной стал уход Джуди из жизни.

Первое, что Лайза услышала от Кей, было: «Я только сейчас переоденусь в брюки и сказу к тебе. Но прежде чем ты повесишь трубку, я хочу тебе кое-что сказать. Она прожила более удивительную жизнь, чем кто-либо из нас может мечтать. У нее было все, что она хотела. А если ей чего-то хотелось, ее уже ничто не могло остановить. Она всегда добивалась своего — несмотря на все свои жалобы, неудачи и все такое прочее».

Кей была крестной матерью Лайзы, а теперь превратилась в ее наставницу и компаньонку, заменив родную мать, — словом, стала движущей силой ее жизни.

Большинство людей сходятся в том, что смерть матери явилась для Лайзы тяжелым ударом, и она сильно переживала утрату. Ведь, что ни говори, Лайза любила Джуди, заботилась о ней, когда та была жива, несмотря на то, что многое в матери вызывало у Лайзы протест, уже не говоря о том, что между ними

как исполнительницами существовало жесточайшее соперничество. Однако Лайза собралась с духом, чтобы стойко выдержать обрушившееся на семью горе. «Я не собиралась впадать в панику или же прятать голову в песок, не желая знать правды, — вспоминала она. — Наоборот, я морально подготовила себя к похоронам».

В некотором роде Лайза, узнав о смерти матери, испытала огромное облегчение. Может быть, теперь ее начнут воспринимать как Лайзу, а не как бледное подобие могучего таланта Джуди Гарленд. Возможно также, что в ее жизни наконец воцарится мир, ведь мучительная обязанность заботиться о Джуди наконец-то спала с ее плеч. Неким печальным, противоестественным образом смерть матери даровала ей свободу, независимо от того, готова была Лайза признаться себе в этом или нет. Ее уже никто не выставит за дверь гостиничного номера, предварительно замкнув дверь. Ей также не придется больше иметь дело с одержимой идеей самоубийства наркоманкой.

Отзывчивость и заботу, проявленные Кей в эти тяжкие для Лайзы дни, невозможно переоценить. Дело в том, что Лайза за свое поведение подверглась самым жестоким нападкам. Не исключено, что смерть Джуди так подействовала на ее поклонников, что тем срочно требовалось выместить на ком-то свое отчаяние и гнев — да как вообще такое возможно, Джуди больше нет, а вот Лайза живет и здравствует! Как бы там ни было, любой шаг, любое заявление Лайзы придирчиво изучались и, конечно же, выставлялись кое-кем из поклонников Джуди Гарленд в самом неприглядном свете. Некоторые договорились даже до того, что-де Лайза несказанно рада смерти матери, что она сама сидит на наркотиках и, вообще, ей далеко до присущей Джуди элегантности и шика, и так далее и тому подобное.

По правде говоря, при жизни Джуди в глубине души была по горло сыта измышлениями своих ретивых поклонников, которые, скорее, отражали их собственные несбывшиеся мечтания, нежели мысли их кумира. Например, работа над «Волшебником из страны Оз» превратилась для Джуди в тяжкое испытание. Она бы, пожалуй, даже предпочла забыть о ней — подумаешь, всего лишь очередной фильм, что тут такого, — но случилось так, что эта картина околдовала американцев, захватила их воображение, и Джуди, сама того не желая, превратилась в вечное олицетворение — или, пожалуй, пленницу — страны Оз.

Даже сейчас, когда люди слышат в ее исполнении «Над радугой», ее пение трогает их до слез. Правда, сама Джуди выразилась по этому поводу иначе: «Эти «радуги» уже сидят в

моей заднице».

Лайза позвонила Микки в Лондон, но, как оказалось, тот был сам не свой, и Лайза пообещала ему, что возьмет все, связанное с похоронами, на себя. В этом ей также помогла Кей. Во-первых, они решили, что тело будет выставлено для прощания в траурном зале похоронного бюро Фрэнка Кэмпбелла на углу Мэдисон-Авеню и Восемьдесят первой улицы, потому что там будет тихо и торжественно. Они также поговорили с бывшим мужем покойной, Сидом Люфтом, который настаивал на том, чтобы похороны состоялись в Калифорнии, однако Лайза твердо сказала «нет», ведь Джуди ненавидела Калифорнию, зато любила Нью-Йорк.

Примерно в час ночи Кей с Лайзой, притихшие и печальные, уже были в аэропорту имени Кеннеди, где вскоре приземлился самолет, на борту которого находился жалкий и растерянный Микки Дине и простой коричневый гроб с телом Джуди. Сопровождал их преподобный Питер Делани, тот самый священник, что всего несколько месяцев до этого отправлял для них брачный обряд. Спустя десять лет этот же самый священник скрепит третий брачный союз Лайзы.

Кей с Лайзой, насколько это возможно, постарались сделать все приготовления в соответствии с пожеланиями покойной. Джуди в свое время говорила, что хочет, чтобы ее кремировали, поскольку ей страшно от одной только мысли, что ее закопают в землю в каком-то ящике. Лайза, все хорошенько взвесив, пришла к выводу, что это разумная мысль. Более того, она могла бы возить прах Джуди с собой, колеся с места на место, и постепенно развеять его по белу свету.

Однако Микки заявил, что не допустит никакой кремации. В этом его поддержал бывший супруг Джуди, Сид Люфт, который, узнав от Лайзы о желании ее матери быть преданной огню, завопил: «Господи! Ни в коем случае! Даже думать не смейте!» По его словам, ему самому претит эта мысль, но вдобавок кремация явилась бы тяжелым ударом для младших детей Джуди — Лорны и Джои, которым в ту пору было шестнадцать и четырнадцать соответственно.

Кей с Лайзой решили, что единственным выходом в сложившейся ситуации будет положить тело Джуди в белый гроб — традиционный, из красного дерева, производил бы слишком гнетущее впечатление — и поместить его в склеп в Хартсдейле, штат Нью-Йорк. Лайза наняла своего гримера Чарльза Шрамма, чтобы тот подготовил Джуди для прощания. Покойницу нарядили в подвенечное серое шифоновое платье с высоким горлом и положили в гроб со стеклянной крышкой. Стеклянная крышка потребовалась, по настоянию Лайзы, для того, чтобы оградить

мать от чрезмерных душевных излияний ее поклонников. Траурный зал был украшен цветами, и Лайза попросила, чтобы люди не вздумали одевать черное, а, наоборот, пришли попрощаться со своей любимицей в чем-нибудь цветном и веселом.

Перед тем как публику впустили в зал, Лайза пошла попрощаться с матерью наедине. Глядя на эту женщину, при жизни ставшую легендой, Лайза ощутила, как рыдания сжимают ей горло. «Как прекрасна она, как полна умиротворения, — подумала про себя дочь. — Наконец-то крошка Дороти из «страны Оз» обрела долгожданный покой».

Двадцать тысяч человек пришли отдать своему кумиру последнюю дань уважения, а 350 почтили своим присутствием прощальную мессу, проведенную отцом Делани. Микки Дине, единственный из мужей Джуди, присутствовал на траурной церемонии. Винсенте был занят на съемках картины «В ясный день можно увидеть вечность», и никто не взялся бы утверждать, куда подевался загадочный Сид Люфт. Среди присутствующих звезд были Микки Руни, Лорел Бэколл, Джек Бенни, Сэмми Девис-младший, мэр Нью-Йорка Джон Линсдей, Отто Преминджер, Берт Ланкастер и Дин Мартин.

Джеймс Мейсон, партнер Джуди по фильму «Родилась звезда», произнес прощальную речь.

«Мой путь пересек ее орбиту всего на какое-то мгновение, но это было волнующее мгновение, одно из тех, когда радость в ее жизни перевешивала невзгоды. Та известная мне маленькая девочка с локоном посреди лба была такой хорошей, нет, не только очень, очень хорошей, но и полной сочувствия, это была самая смешная, самая остроумная и самая возбуждающая женщина из всех, кого я знал.

Она была истинной леди, щедро делившейся всем тем, что у нее есть, как со своей многочисленной аудиторией, которую она развлекала, так и с друзьями, что окружали ее и были ей дороги — и нет такой монеты, которой можно было бы вернуть ей долг. А ведь она так остро в этом нуждалась, она, как никто другой из нас, нуждалась в любви и преданности.

Человек, который, пожалуй, лучше других на свете знал Джуди, — ее старшая дочь Лайза. С ее разрешения я процитирую слова, приписываемые ей, которые я три дня назад прочитал в одной английской газете. Дань памяти, которую она отдала матери, — такая личная и такая трогательная!»

После чего Мейсон зачитал прощальные слова Лайзы Миннелли:

«В первую очередь следует вспомнить ту радость жизни,

которая неизменно была присуща Джуди Гарленд. Именно это я унаследовала от нее. И будь она на самом деле трагической фигурой, как о ней говорят, представьте, что тогда было бы со мной? Именно любовь помогала ей пережить и хорошее, и плохое. Середина была ей неведома. Она наводила на нее тоску. Ей всегда требовалась океанская волна ощущений. Если она была счастлива, то это было не просто счастье, то был экстаз. И если она печалилась, то большей печали и не придумаешь. Она за одну жизнь прожила несколько десятков. И все-таки мне казалось, что она переживет всех нас. Это был великий талант, и до конца моих дней я буду гордиться тем, что я дочь Джуди Гарленд».

В конце речи все встали, чтобы исполнить гимн. Кей с Лайзой настояли на том, чтобы прощание с Джуди прошло в приподнятом духе. На каждой скамье лежали отпечатанные листы с «Боевым гимном республики». Джуди обожала это произведение и как-то раз исполнила его в своей телепрограмме, когда пришло известие о смерти президента Кеннеди. Кей с Лайзой решили, что Джуди следует отдать честь подобным же образом.

Питер Аллен вспоминал: «Когда дошло до припева «Глори, глори Аллилуйя!», Лайза, Лорна и Джои, которые стояли рядом, взявшись за руки, неожиданно разрыдались — самообладание изменило им. Уже в следующую секунду Кей Томпсон оказалась позади них, обхватив всех троих своими длинными руками. Она принялась притопывать ногой в такт музыке и приказала им: «Да пойте же вы, черт вас возьми!» И они запели. Мы все пели, насколько нам позволяли наши голоса».

Правда, и в прощальной речи Мейсона, и в прощальных словах Лайзы отмечалась одна странность — почему-то никто не помянул Джуди добрым словом ни как мать, ни как друга, ни как человека с его духовными изысканиями. По словам Лайзы: «Это бы ничего не изменило, единственное, что мне, пожалуй, следовало сделать — это попросить Бога, чтобы он даровал мне счастье иметь мать чуть дольше, чем это у него получилось. Но с другой стороны, у меня достаточно самых теплых, самых чудесных воспоминаний о любви, доброте и внимании от обоих моих родителей, которых мне хватит до конца моих дней».

Успокаивающее влияние Кей Томпсон сохранялось и дальше, когда члены семьи собрались в квартире Питера и Лайзы на Пятьдесят Седьмой улице. Вот что вспоминает об этом Питер: «Кей Томпсон по-прежнему держала бразды правления в своих руках. Я ей поражался. То есть я хочу сказать, что в тот самый вечер у нас дома она собрала всех — Лорну, Джои и Лайзу вокруг пианино и принялась разучивать с нами партии из вещи братьев Уильямсов «Как глубок океан». Она понимала, что только музыка

была способна скрепить в тот момент семью».

Воспоминания самого Питера о Джуди были исполнены горечи и, по-своему, резко отличались от тех смешанных чувств, которые переполняли всех, кто ее знал: «Джуди была в числе первых американцев, с кем мне довелось познакомиться, — вспоминал он. — И именно благодаря ей я составил свое впечатление об американском народе. Для меня она навсегда стала воплощением всего лучшего, самого хорошего, что есть в этой стране. Искренняя, отзывчивая, веселая, она обладала поистине бойцовским характером. И хотя удача порой изменяла ей, она никогда не отступалась — то было не в ее привычке. Я никогда не забуду лет, прожитых рядом с ней».

В конце концов врач, чтобы поддержать Лайзу, дал ей успокоительное. Оглядываясь назад, Лайза утверждает, что именно с этого момента началась ее зависимость от наркотиков. Микки Дине вспоминает, как тогда закончился день похорон: «Сон не шел ни к кому из нас (за исключением Джои), казалось, нас всех охватила какая-то немота. Напряжение нарастало. Зазвонил телефон. Звонил один мой знакомый из Нью-Джерси. «Почему бы вам всем не приехать ко мне? — предложил он. — Может, вам здесь станет легче». Мы отправились вниз и взяли напрокат машину. Я сидел за рулем. Лорна на переднем сидении, а Питер, Лайза и Боб поместились сзади. Мы поехали по Ист-Сайдской автостраде, и все, что я могу сказать, так это, что, несмотря на проносившиеся мимо машины, нам всем казалось, будто вокруг стоит мертвая тишина, и кроме нас во всем мире больше никого нет. Небо казалось удивительно высоким, и на нем сияла одна-единственная звезда. Все молчали. В отчаянии я включил радио. И неожиданно в машине зазвучал голос Джуди. Я аж подпрыгнул и едва не выпустил из рук руль, страшно перепугавшись за Лайзу и Лорну. Джуди исполняла «Человек, которому посчастливилось».

Казалось, будто она сидела тут же с нами в машине. Словно она говорила нам, что никогда не оставит нас. Мы словно попали в иное измерение. Казалось, мы заново возвращались к жизни. И нам становилось легче на душе… И неожиданно Лайза со свойственным ей, совершенно удивительным инстинктом знать, что и когда требуется сделать, выкрикнула: «Ну, давай же, мама, давай!»

Джуди Гарленд умерла и этим разбила сердце всему миру.

Жизнь продолжается

Джуди умерла, но, как и при ее жизни, не обошлось без немыслимых по своей абсурдности инцидентов, которые преследовали Лайзу всякий раз, когда дело касалось матери.

Долгое время Джуди оставалась не похороненной.

Стоимость склепа, в который предполагалось поместить гроб с ее телом, составляла три тысячи долларов, и поэтому никто не желал раскошеливаться. Лайза говорила, что это прямой долг Микки Динса, тот же в свою очередь кивал на нее. Никто из бывших мужей, детей, знакомых, представителей киностудии не желал ввязываться в это дело, предпочитая оставаться в стороне. Так что Джуди продолжала лежать в своем белом гробу в подвале административного здания вплоть до 4 ноября 1970 года — то есть около полутора лет, — пока кто-то (поговаривали, что это был Фрэнк Синатра) не заплатил требуемую сумму в 3 тысячи долларов. Только тогда тело Джуди Гарленд наконец перенесли в склеп.

Как уже говорилось выше, в одном важном аспекте Лайзу никак нельзя назвать точным слепком Джуди. Дело в том, что Лайза Миннелли рано поняла, что совершенно не умеет обращаться с деньгами и поэтому наняла себе специалиста по финансовым вопросам. Джуди же отказывалась признаться в своем неумении считать деньги и поэтому ничего не предпринимала, чтобы улучшить ситуацию. Трудно сказать, какие долги висели над ней, когда она умерла. Незадолго до смерти она призналась, будто за ней числится долгов на четыре миллиона долларов. По другим оценкам, ее долги не превышали двухсот тысяч. Как бы там ни было, некоторые из ее кредиторов решили, что надеяться им не на что. Однако, что известно совсем немногим, после того как были улажены все дела с недвижимостью, Лайза провела большую часть 1973 года, работая в лондонских ночных клубах с программой кабаре, чтобы расквитаться с долгами матери. Она отлично понимала, как важно выполнять взятые обязательства — касалось ли это денег, контрактов или чего-то иного.

Правда, на следующий день после похорон Лайза самолетом вернулась в Бостон для съемок ленты «Скажи, что ты любишь меня, Джуни Мун». В этом было мало приятного, ведь Лайза еще не оправилась после смерти матери. К тому же ненавидела работу у Отто Преминджера, который оказался капризным, своенравным грубияном, хотя как режиссер он мог считаться бесспорным гением. По словам Лайзы, единственный урок, вынесенный ею от

этого великого режиссера, — это никогда больше не сниматься у него. Правда, Преминджер предложил ей взять несколько дней отдыха, чтобы прийти в себя, однако Лайза в качестве лучшей терапии предпочла с головой уйти в работу.

Возникали на съемках и иного рода проблемы — например, профсоюзы требовали более щадящих условий труда, а местные власти возражали против того, чтобы на могилах танцевали голые женщины. В какой-то момент одна дама пригрозила подать на Лайзу и всю съемочную группу в суд за танцы в обнаженном виде на могиле ее мужа.

Лайза встала на свою защиту: «Я вовсе не была голой! На мне была передняя часть купальника, приклеенная сверху и снизу, снимали же меня только со спины, и я не вижу в этом ровным счетом ничего сексуального. Дело было ночью и место красиво освещено. К тому же, если бы только она попристальней взглянула на мою жизнь за последние несколько месяцев, ей сразу бы стало ясно, что я не способна ни на что подобное».

В довершение всех проблем вскоре после того, как съемочная группа в сентябре переехала на новое место во Флориду, Лайза свалилась от очередного приступа почечно-каменной болезни, и ее в срочном порядке доставили в больницу. Кей Томпсон оставалась при ней чем-то вроде опекунши, наперсницы и советчика в одном лице, точно так же, как в свое время для Джуди в годы работы на МГМ. Удобства ради она получила в фильме второстепенную родь несколько странноватой мисс Грегори. Дайза была не против делиться с прессой всем, что было связано с ее карьерой, однако не желала обсуждать с газетчиками свою личную жизнь.

О своей работе с Преминджером она заявила следующее: «У Отто имеется теория, что актер — это наемный работник и поэтому неизменно должен быть готов делать все, что от него требуется. Он убежден, что всякая работа должна исполняться немедленно и наилучшим образом. С Отто у вас складывается впечатление, что вам просто некогда задавать вопросы — вы приходите и без всяких рассуждений делаете свое дело, а если что не так, на вас орут».

Смерть Джуди заставила Лайзу с Питером призадуматься об их личном и совместном будущем. Лайза горела желанием сыграть Салли Боулс в экранизации «Кабаре»: внутреннее чутье подсказывало ей, что эта роль станет для нее чем-то вроде визитной карточки — точно так же, как для Джуди ее «визитной карточкой» стала Дороти в «Волшебнике из страны Оз». Два этих персонажа отличались друг от друга как небо и земля, и в то же время и Лайзе, и Джуди, казалось, было уготовано судьбой найти

ту единственную роль, что навсегда станет чем-то вроде их второго «я». Для Лайзы Салли Боулс будет точно такой же, какой создал ее Ишервуд, — капризной, необузданной, с печальным налетом богемы. Более того, Лайза не сомневалась, что просто обязана сняться в мюзикле и тем самым положить конец постоянным сравнениям с матерью.

«Как мне кажется, — заявила она, — пришло такое время, когда я должна сняться в мюзикле, с тем чтобы люди в последний раз сравнили и сказали: «А! Вот и она в мюзикле, как когда-то ее мать! И здорово же у нее получается!»

В то же самое время смерть Джуди Гарленд заставила Питера призадуматься, что же все-таки происходит в его душе. Он начал писать песни, которые, на его взгляд, основывались на личном опыте и переживаниях. Первая из них называлась «В шесть тридцать воскресным утром», и сочинил он ее, возвращаясь домой через Центральный парк, после ночи, проведенной с кем угодно, но только не с Лайзой. То, что каждый из них живет собственной жизнью, вскоре стало ясно как их знакомым, так и им самим.

К декабрю 1969 года все — и в первую очередь Лайза и Питер — отлично понимали, что их союз обречен и доживает последние дни, однако супруги не желали предпринимать никаких поспешных шагов. С одной стороны, в неудаче их брака отчасти был повинен успех, однако до настоящей славы было еще далеко, в то время как Лайза считалась общепризнанной звездой — особенно в кабаре и концертных залах. За участие в фильме она уже могла требовать для себя более чем двухсоттысячный гонорар — по тем временам громадная сумма.

Супруги расстались во время отпуска, хотя формально объявили о намерении расторгнуть союз лишь несколько месяцев спустя. Наконец, в апреле 1970 года Питер официально расторг два столь важных в его жизни союза — брак с Лайзой и профессиональное партнерство с Крисом. А за восемь месяцев до этого со смертью Джуди пришел конец и тем важным для него отношениям.

Лайза не стала настаивать на немедленном разводе, поскольку Питеру это грозило бы депортацией в Австралию. Кроме того, если верить ей, они расстались временно. «Всему виной стремление быть первой всегда и во всем».

Питер разделял это мнение. «Мы с ней расстались лишь с тем, чтобы позднее хоть что-то соединяло нас по-прежнему, а вовсе не с тем, чтобы развестись. Я люблю Лайзу, и мы с ней — единственные, кому это известно и кто в это верит».

Но по секрету Лайза призналась: «Я ненавидела его друзей,

он же терпеть не мог моих. Брак с Питером обернулся полнейшим кошмаром. Когда мы с ним только поженились, с точки зрения наших профессиональных успехов мы с ним были в одинаковом положении. Но вскоре начал разыгрываться сюжет в духе фильма «Родилась звезда». Я пошла наверх, а он — вниз. Питер едва перенес, когда ко мне пришел первый крупный успех. Сказать по правде, этот дух соперничества едва не угробил нас обоих. Вот тогда-то я и сказала, что никогда в жизни не выйду замуж за артиста. Ни за что на свете».

Питер, который в конечном итоге все-таки сделал себе имя, позднее говорил, что ему просто неинтересно вспоминать об их с Лайзой совместной жизни, и подобные разговоры наводят на него скуку. Он ни разу не звонил ей. Она ни разу не звонила ему. И обоих это прекрасно устраивало.

«Стоило нам с Лайзой расстаться, как я тотчас начал серьезно задумываться о карьере, — заявил он. — Мы с ней понимали, что в наших отношениях что-то не так — ее жизнь шла в одном направлении, моя — совершенно в ином. В тот день, когда Лайза ушла от меня, мне показалось, будто с моих плеч свалился тяжкий груз».

Случилось так, что, расставшись с Лайзой и Крисом, Питер буквально в тот же день познакомился в одном из нью-йоркских клубов, а именно в «Гиппопотаме», с комиком Дэвисом Стейнбергом.

На Стейнберга музыка Питера произвела огромное впечатление, и он, не раздумывая, попросил своего нового знакомого открыть через несколько недель его развлекательную программу. Питер пришел в восторг от этого предложения и тотчас принялся сочинять песни для своей концертной программы.

К 24 июня 1970 года, когда в небольшом уютном кафе состоялся его дебют у Стейнберга, у Питера на счету была уже неплохая программа, пользующаяся популярностью как у публики, так и у владельца заведения Поля Колби, который позднее пригласил их со Стейнбергом уже в качестве дуэта.

Крис и Лайза прислали по этому поводу поздравительные телеграммы. В послании Криса говорилось: «Уверен, что сегодня ты будешь на высоте. Мысленно я с тобой, твой Крис». Лайза писала: «Дорогой Питер. Всеми мыслями я сегодня с тобой. Будь, как всегда, молодцом. С наилучшими пожеланиями. Лайза».

Питер съехал с квартиры на Пятьдесят Седьмой улице, где они жили с Лайзой, поселившись в небольшой, более подходящей для него квартирке на Бедфорд-стрит в Гринвич-Виллидж. Переехав на новое место, он оставил в прошлом «золотую

молодежь», составлявшую в ту пору общество Лайзы, начав обзаводиться новыми друзьями, более соответствовавшими его художественным и сексуальным предпочтениям. Не будет преувеличением сказать, что он занялся культивированием внутреннего «я», на что у него практически не оставалось времени, когда он выступал в клубах «Плейбой» или же мотался между Майами и Лас-Вегасом. Ну, а чтобы все-таки не помереть с голоду, занимаясь духовными изысканиями, Питер подрабатывал в студии грамзаписи «Метромедиа Рекорде», где сочинял песни для Бобби Шермана. Что касается Лайзы, ее дела тоже постепенно шли в гору. У нее закончились съемки «Джуни Мун», и она возвратилась в ночные клубы и кабаре Манхэттена, где публика принимала ее «на ура».

В этот период двадцатичетырехлетняя Лайза пустилась во все тяжкие, ввязавшись в своего рода любовный марафон, который вскоре принесет ей славу — какого рода, это уже иной вопрос, — как перчатки, меняя любовников. Был среди них и французский сердцеед Шарль Азнавур, и плейбой барон Жан-Клод Бриали, и Рекс Крамер, выходец из Арканзаса, с которым она познакомилась в Хьюстоне в ноябре 1969 года — то есть за полгода до того, как они с Питером официально расстались. Крамер входил в состав эстрадного ансамбля «Бод-жанглз».

Судя по всему, Рекс был рад познакомиться с Лайзой и даже возил ее в свой родной городишко Смэковер в Арканзасе, чтобы познакомить с родителями. Лайза подписала с ним договор, что «Бод-жанглз» примут участие в ее программе, и в начале 1970 года в зале «Империя» отеля «Уолдорф» состоялось их первое совместное шоу.

Обозреватель Джон Уилсон из «Нью-Йорк Тайм» так описывает свое впечатление: «Публика, к которой ей приходится выходить дважды за вечер, все это время только и занята тем, чтобы получше набить себе животы в обстановке, скорее напоминающей станцию метро в «Таймс-Сквер» в часы пик — люди сидят, скорее, как сельди в бочке, в зале стоит оглушительный гул голосов, рикошетом отскакивающий от стен. С появлением мисс Миннелли суматоха подземки сменяется на тишину Филлмор-Ист… В конце программы она (Лайза) неожиданно бросается за кулисы, чтобы вскоре во всеоружии вернуться вновь на подвижной платформе в сопровождении рок-квартета «Бод-жанглз». Она мечется, она скачет, она кривляется, она то кидается в объятия к музыкантам, то рвется на волю, не в силах сдержать свою бьющую через край энергию».

Несомненно, в те дни Лайза пыталась наверстать упущенное. Они с Рексом испытывали друг к другу сильное влечение и не

стеснялись демонстрировать его на людях, к великой неловкости окружающих. Правда, имелось одно «но» — Рекс был женат.

Разумеется, считалось, что и Лайза замужем, хотя в это трудно было поверить, особенно если учесть, что к этому моменту они с Питером жили каждый своей жизнью. Питер в это время был занят сочинением рок-оперы под названием «Скоро» — ее премьера на Бродвее состоялась в декабре 1970 года. В ней состоялся актерский дебют Ричарда Гира. Питеру следует отдать должное — именно благодаря его увещеваниям Гир сбросил с себя тряпье хиппи, облачившись вместо этого в джинсы с майкой, и хотя «Скоро» с треском провалилась, тем не менее Питер подружился с Джо и Лесли Батлер — у них был небольшой бар под названием «Токхаус» — и вскоре дал согласие выступить там с программой.

Вернувшись к исполнительской деятельности, Питер наконец понял, что отношения с Джуди и Лайзой мешали ему обрести свои музыкальные корни. «Токхаус» стал для него тем идеальным местом, где он мог выступить перед самое большее, сотней слушателей — вместо переполненных залов кабаре.

Отыграв какое-то время в «Токхаусе», Питер решил устроить себе передышку и уехал в Австралию, погостить у матери и сестры.

Поездка на родину вселила в него уверенность в себе, и он вернулся в Америку исполненный новых сил. Кроме того, ему стало ясно, что пора наконец решать, что им с Лайзой делать дальше в отношении их странного и явно нежизнеспособного союза. Питер обратился к музыке и сочинил «Гавань» — эта вещь стала чем-то вроде его прощания с Лайзой.

В дополнение к роману с Рексом Крамером, начало 1970 года для Лайзы было полно новых соблазнительных предложений и возможностей. Ей предлагали сняться в кино, выступить на телевидении, и, что самое главное, она удостоилась номинации «Лучшая актриса» 1969 года за работу в «Бесплодной кукушке». Однако самое волнующее событие произошло в мае 1970 года на каннском фестивале. Там она узнала, что чуть позднее в том же году в Германии начнутся съемки «Кабаре», и роль Салли уже закреплена за ней. Гонорар ее составит 250 тысяч долларов.

Кроме Лайзы, имелся еще один человек, с нетерпением дожидавшийся работы над фильмом. Им оказался режиссер Боб Фосс, один из крупнейших хореографов того времени. Ему суждено было сыграть немаловажную роль в профессиональной и личной жизни Лайзы. Подобно тому как «Кабаре» станет для нее чем-то вроде визитной карточки и важной вехой ее карьеры, этот фильм послужит Фоссу залогом его профессионального

воскрешения. И он и Лайза, по сути дела, поставили на картину все свои карты.

Фосс «заразился театром» в совсем еще юном возрасте. Родился он в Чикаго 23 июня 1927 года в семье Сирила и Сары Стентон Фосс, и в жизни его интересовали исключительно две вещи — театр и женщины. Как оказалось, и первое и второе его увлечение жестоко по своей природе, требует полной отдачи, но, однако, дарит глубочайшее удовлетворение. В юном возрасте Фосс начал посещать танцевальный класс. Он обожал как балет, так и эстрадный и акробатический танец, и в тринадцать лет поступил в труппу Чарльза Грасси, в качестве одного из братьев Рифф, выступавших в водевилях, стриптизах и кинотеатрах.

В 1945 году Фосс был призван на флот и на протяжении двух лет бороздил Тихий океан, давая концерты перед американскими солдатами, а будучи уволенным в запас, в 1947 году подался в Нью-Йорк. Здесь его редкий танцевальный талант открыл ему двери театров, клубов, телестудий. В 1953 году МГМ заключила с ним контракт на участие в таких мюзиклах, как «Дела Доби Гиллиса», «Целуй меня, Кэт» и «Дайте девчонке передохнуть». Так началась его растянувшаяся на десятилетия кочевая жизнь между Голливудом и Бродвеем. Фосс не любил Голливуд, однако прекрасно понимал, что благодаря участию в кино его танец увидят миллионы людей, в то время как, работая на Бродвее, он сможет продемонстрировать свой талант лишь перед несколькими тысячами.

В 1954 году в возрасте всего 27 лет он удостоился своей первой награды «Тони» за постановку хореографии бродвейского шоу «Игра в пижаму». Видный критик Уолтер Керр писал тогда: «Танцевальные номера Боба Фосса порывисты, комичны, когда это требуется, и отлично вписываются в напряженную ткань спектакля».

И все-таки, по мнению Фосса, настоящие деньги и настоящая слава поджидали его в Голливуде. К счастью, женщин с избытком хватало — как в Нью-Йорке, так и на «Фабрике грез». Его первый брак рано дал трещину, второй же, заключенный в апреле 1960 года, связал его с женщиной, которой было суждено оставаться частью его жизни до самого конца, — с актрисой Гвен Вер дон. У Боба была нескончаемая вереница романов, доставлявших Гвен, по видимости, немалые душевные страдания, что, однако, не изменило ее преданности ему. Даже после того как супруги расстались, Гвен еще долгие годы официально считалась женой Фосса и, казалось, не имела ничего против. Фосс поставил для нее немало танцев и спектаклей, в том числе и «Рыжую», ставшую хитом бродвейского сезона 1969 года.

В 1961 году Фосс сыграл главную роль в спектакле «Приятель Джои» и взял на себя постановку мюзикла «Как преуспеть в бизнесе, не прикладывая к тому особых усилий», выдержавшего на Бродвее 1417 представлений и заслужившего больше наград «Тони», чем любой другой спектакль за всю историю бродвейской сцены.

После чего Фосс вернулся в кино, чтобы снять фильм специально для Вердон. По идее это было совсем неплохо, однако в действительности обернулось полным провалом. В основу ленты был положен нашумевший бродвейский спектакль «Милая Чарити». Студия «Юниверсал» потребовала от Фосса, чтобы в качестве исполнительницы заглавной роли вместо Гвен выступила Ширли Мак-Лейн, и с тех пор дела его пошли под уклон.

«Когда я закончил работу, — вспоминал позднее Фосс, — мне казалось, что все получилось просто отлично. Как мне теперь кажется, я слишком переусердствовал со всякими там кинематографическими трюками. Я пытался, как бы это сказать, произвести впечатление. Знаете, трудно не впасть в подобный соблазн, делая свою первую картину. Я даже не знаю, где и когда начались все беды.

Профессиональные газеты предсказывали небывалые кассовые сборы. И вдруг совершенно неожиданно «Тайм» не оставил от ленты камня на камне. «Ньюсуик» поступил так же. Словом, фильм не пользовался успехом, и «Юниверсал» продал его по дешевке».

В ту пору на студии «Юниверсал» царила ужасная неразбериха, что помешало ее боссам уделить достаточное внимание рекламе и прокату картины. Агент Фосса, Дэвид Бегельман, рассказывал: «Провал «Милой Чарити» привел к тому, что в высших эшелонах студии произошел раскол. Там имелась группа людей, считавших, что студия попросту ничего не смыслит в производстве картин. Там умели неплохо заколачивать деньги на телевидении, однако вот уже семь или восемь лет не могли поставить ни одной значительной художественной ленты».

Студия потеряла 80 миллионов долларов, поставив одну за другой ряд неудачных картин — «Совершенно современная Милли», «Любовные увлечения Айседоры» и вот теперь «Милая Чарити».

Голливуд отвернулся от Фосса. Вскоре ему это стало понятно со всей очевидностью. «Никто не хотел со мной знаться. Никто меня не приглашал. Как будто меня нет вовсе». Правда, Фоссу звонили с Бродвея, где по-прежнему с уважением относились к его умению ставить хорошие и, главное, приносящие немалые

сборы мюзиклы, однако эти звонки были отнюдь не то, чего ему хотелось. Бегельман понимал, что Фосс считает себя неудачником как раз в том бизнесе, в котором он стремился преуспеть. Фосс не хотел, чтобы люди подумали, будто он вернулся на Бродвей только потому, что его выставили из Голливуда.

«Лучшей иллюстрации к шоу-бизнесу не придумать, — заявил Фосс, размышлявший о том, что же случилось с ним в результате кассового провала «Милой Чарити». — После первых отзывов в «Вэрайети» и «Голливуд Репортер» я получил 43 предложения сделать новый фильм, и вот теперь все от меня отвернулись. Вы уже, должно быть, слышали об этом и раньше, и я могу засвидетельствовать, что так оно и есть».

Две картины спасли как «Юниверсал», так и самого Фосса: одна из них «Аэропорт» — лента, по мнению большинства, позволявшая «Юниверсалу» сохранить свои позиции в кинобизнесе и даже покрыть издержки от предыдущих неудачных мюзиклов.

Лента-спасительница голливудской карьеры Фосса своим появлением во многом обязана случаю. В один прекрасный день Фосс получил приглашение на обед к Нейлу и Джоан Саймон в их манхэттенский особняк. Гвен осталась дома, потому что с мужем у нее были нелады, так что за столом собралось пять человек (оставшиеся два — это Джуди Гарленд и ее тогдашний муж Хэл Принс). Принс незадолго до этого возвратился на Бродвей из Берлина, где загорелся одним проектом, подсказанным ему Стивеном Сондхаймом, — сделать экранизацию бродвейского спектакля «Кабаре». Фосс пришел в неописуемый восторг при мысли, что место режиссера картины все еще свободно. Принс сказал Фоссу, что продюсером картины будет Сай Файер, и Фосс уже на следующий день договорился с ним о встрече.

Файер был огромным поклонником талантов Фосса, однако в данном случае он столкнулся с серьезной проблемой. Съемки «Кабаре» требовали немалых затрат. Файеру еще предстояло убедить голливудских заправил, что выбранные им люди — это те, без которых ему никак не обойтись. Более того, у него и без того хватало проблем, например, уже потому, что он купился на Лайзу как исполнительницу роли Салли Боулс. Одной из причин, почему Принс отказался стать режиссером картины, о чем он, конечно, даже не заикнулся в разговоре с Фоссом, было как раз нежелание видеть в роли Салли Боулс Лайзу Миннелли. По мнению Принса, Лайза — типичная американка, а роль Салли Боулс, как и на театральных подмостках, должна была быть сыграна непременно английской актрисой. Однако, посмотрев программу Лайзы в парижской «Олимпии», Файер проникся

убеждением, что она не только в состоянии сыграть Салли Боулс, но и, пожалуй, полностью идентична главной героине.

Так что Файер посоветовал Фоссу действовать осторожно, чтобы, не дай бог, не спугнуть осмотрительных спонсоров. Оба они и слова не проронили о кассовом провале «Милой Чарити». Кстати, Фоссу было о чем призадуматься — «Милая Чарити», первоначально рассчитанная на семь миллионов, в конечном итоге обошлась в десять, в то время как весь бюджет «Кабаре» составлял всего три миллиона. Голливудские боссы желали видеть на месте режиссера кого-нибудь посолидней, например Джозефа Манкевича, и Сай был вынужден поговорить со всеми, кто годился на эту роль.

Тем не менее, Файеру удалось все-таки убедить спонсоров, что Фоссу можно доверить работу над фильмом. Финансовый контроль остается целиком в его, Файера, руках, а лучше Фосса никто не поставит музыкальные сцены картины, от которых в первую очередь зависел ее успех.

Экономии ради большая часть съемок пройдет в Баварии, а музыку и тексты песен напишут старые приятели Лайзы, Джон Кендер и Фред Эбб. Сценарий несколько отличался от театральной постановки, однако в нем все еще можно было узнать «Берлинские истории» Ишервуда и «Я — Камера» Джона ван Друтена.

Вот таким-то образом судьба свела Фосса и Лайзу на съемках «Кабаре» — истории о том, как в тридцатые годы Салли Боулс, английская певичка, прожигает жизнь в сомнительной атмосфере берлинских ночных клубов, а тем временем на руинах Веймарской республики к власти рвется Гитлер.

Жизнь как «Кабаре»

Известие о съемках «Кабаре» переполнило Лайзу волнением, однако майский триумф в Каннах вскоре сменился разочарованием — ее первая специальная телепрограмма, вышедшая на малый экран в июне 1970 года, обернулась неудачей. Программа получилась какой-то скомканной — в ней не нашли достойного отражения таланты Лайзы как эстрадной исполнительницы. Тем не менее Винсенте Миннелли, хотя и был нездоров, все-таки сумел выбраться на концерт дочери в лос-анджелесском отеле «Амбассадор», где Лайза покорила сердца зрителей. После этого концерта Винсенте значительно воспрял духом. Вот уже второй раз в течение года его дочь удостоилась восторженных похвал. Впервые это произошло в апреле, во время церемонии вручения «Оскара».

Вслед за этим счастливым событием последовало другое — в июле 1970 года на экраны вышла «Джуни Мун», по поводу успеха которой многие высказывали серьезные опасения. Некоторые критики положительно отзывались как о картине в целом, так и о работе Преминджера, Лайзы и остальных актеров. «Ньюсуик» же возобновил былые нападки. «Интересно, сколько еще раз публике будут показывать Пуки Адамс?» — вопрошал обозреватель Пол Циммерман. А вот Энн Гардино из «Нью-Йорк Дейли Ньюс» была высокого мнения об актерской работе Лайзы: «В этой первоклассной драме Лайза, несомненно, заслуживает «Оскара». Джозеф Гелмис так отзывался об исполнительнице главной роли: «Героиня Лайзы Миннелли и выпавшие на ее долю испытания придают картине некое противоестественное очарование, одновременно гротескное и трогательное». Некоторые обозреватели высказывали сомнения на тот счет, что и «Бесплодная кукушка», и «Джуни Мун» были слишком полны драматизма и вообще чересчур художественны для беззаботной и смешной исполнительницы, выступающей в ночных клубах. По их убеждению, в обеих картинах Лайза сыграла совершенно не свойственные ей роли.

Пусть так, но «Кабаре» отодвинуло на второй план все другие незначительные огорчения. Лайза не просто с головой ушла в изучение роли, а попыталась полностью перевоплотиться в Салли Боулс. Ее живо интересовали музыка и искусство того периода, например, песни Курта Вайля, произведения Георга Гроша, фильмы Элизабет Бергер. Она изучала Берлин тридцатых годов, эру безудержного разврата, горького отчаяния по поводу проигранной войны и бессильного гнева в адрес бездеятельного

правителя Веймарской республики, правившего Германией с двадцатых до начала тридцатых годов. Тема «Кабаре» — моральное разложение обитателей Берлина накануне второй мировой войны.

«Кабаре» сталкивает между собой упадок и декаданс Берлина той поры и взбалмошную Салли Боулс, приехавшую сюда в поисках актерского заработка и острых ощущений. Она быстро окунается в царящий здесь разврат, зарабатывая себе на жизнь выступлениями в залитом голубым светом подвальчике-кабаре, и предается неразборчивым связям. В результате одного из таких романов она беременеет от любовника-бисексуала, который предлагает жениться на ней, но она предпочитает сделать аборт.

«В то время жить в Берлине считалось шиком, — говорит Лайза. — Писатели беседовали в Париже, но искатели острых ощущений слетались в Берлин с его ненасытной жаждой развлечений». Лайза пыталась проникнуться настроением того времени — носила дешевую одежду в стиле тридцатых годов, как бы примеряя к себе личину Салли.

Вот как она отзывается о своей героине: «Салли из тех, кто всю жизнь импровизирует, и ее фантазии относительно завтрашнего дня столь сильны, что ей никак не удается попристальнее взглянуть на день сегодняшний». По мнению некоторых, подобное определение как нельзя лучше подходило к самой Лайзе Миннелли того времени.

Как обычно, отец помогал ей вжиться в роль, достичь полного перевоплощения. Например, Лайза пыталась мысленно вообразить, как конкретно выглядела Салли, ведь Кристофер Ишервуд дал ей весьма беглое описание. «Когда я сказала папе, что буду сниматься в «Кабаре», — вспоминала Лайза, — он посоветовал мне, с одной стороны, постараться быть ни на кого не похожей, но с другой — походить на саму себя».

Первоначально Лайза представляла себе свою героиню кем-то вроде Марлен Дитрих, однако, поговорив с отцом и как следует изучив материал, который он для нее откопал, пришла к убеждению, что более правдоподобным будет иной образ — шляпа, бюстгальтер-топ, галстук-бабочка, резинки и черные чулки в сеточку. Именно этот образ стал ее визитной карточкой после «Кабаре». «Сама идея создания некоего определенного образа возникла тогда, когда я рассказала отцу о «Кабаре», — вспоминала Лайза. — Он сразу поинтересовался: «А как ты будешь выглядеть?» На моем лице явно читалась растерянность. «Не знаю. А как, собственно, я должна выглядеть?» На что он ответил: «И я не знаю». Конец разговора. Через три дня я вошла к нему в комнату, и там на кровати меня уже поджидали альбомы,

фотографии, все такое прочее, призванные помочь мне в подготовке образа».

Винсенте также посоветовал дочери обращать внимание на то, как Фосс реагирует и как она сама получается на отснятом материале, который просматривают по окончании каждого дня съемок. По словам Винсенте, Лайза должна была решить, видит ли она себя или кого-то еще. То есть если она видит кого-то еще, то все в порядке».

Реакция Фосса на Лайзу оказалась положительной, и теперь они оба стремились к тому, чтобы фильм получился как можно более точным отражением той эпохи, включая небольшой, но многозначительный штрих, подмеченный Лайзой.

«Нам хотелось передать атмосферу декаданса, разложения и порочности Берлина того времени, — рассказывала она. — Мы даже использовали настоящих транссексуалов! Что касается женщин-статисток, они наверняка имели на нас зуб за то, что мы заставили их отрастить волосы под мышками. Когда съемки завершились, мы закатили вечеринку и каждой из них преподнесли по лезвию и куску мыла, так что они отметили это событие бритьем».

Съемки в Германии оказались полны волнующих событий, хотя и причиняли Лайзе известное неудобство. Ей нравилась съемочная группа. К тому же, к ней присоединился Рекс, еще в марте ушедший от жены. Однако в те дни в Германии еще чувствовалась некая напряженность. Хотя вторая мировая война закончилась давным-давно, немцы, оказавшиеся свидетелями съемок, были недовольны тем, что картина посвящена эре нацизма — то есть тому времени, которое они всеми силами пытались забыть.

Вот что еще запомнилось Лайзе: «В Гамбурге мы отправились в притоны разврата на Реепербане, где до сих пор можно увидеть нечто в духе старого кабаре. Там на сцене устраивались бои лесбиянок по колено в грязи и различные порношоу, в которых приглашали поучаствовать и публику. Неудивительно, что там я все время ощущала какую-то неловкость».

Вскоре внимание Лайзы оказалось приковано к Дези Арназу-младшему. Они познакомились в июне на одной вечеринке, на которой семнадцатилетний отпрыск Люси Болл и Дези-старшего появился в качестве кавалера Тейль Мартин, подруги Лайзы и дочери Дина Мартина. Дези в глазах Лайзы тотчас угодил в число возможных кандидатов в «бой-френды». Надо сказать, что в то время она еще изредка спала с Питером — ведь, как-никак, официально они все еще считались мужем и женой, — но чаще с Рексом, который тоже пока что официально числился мужем

Маргарет «Пегги» Луизы Калбет.

Все это вполне могло показаться забавным, до тех самых пор, когда Пегги почему-то вдруг утратила чувство юмора и обратилась за помощью к техасскому адвокату Дональду Ройаллу. Ройалл заявил, что, по его мнению, Лайза использовала деньги, влияние и личное обаяние с тем, чтобы околдовать наивного деревенского парня, а затем украсть его у терпеливой, верной и преданной Пегги. Итак, от имени Пегги Ройалл подал на Лайзу в суд, обвинив ее в том, что она-де разбивает семью.

Пресса, разумеется, пришла от всего этого в восторг. «Нью-Йорк Пост» назвал Лайзу «разрушительницей семейных гнезд», и ей пришлось отпустить несколько колких замечаний в адрес своих обвинителей. В 1970 году адвокаты потребовали свыше полумиллиона долларов за моральный ущерб, и Лайза, не желая быть втянутой в скандальную тяжбу, в мае 1972 года уладила все без суда. Но даже после того, как Пегги получила деньги, Рекс остался при Лайзе.

«Я знала, что Рекс лишь пользуется мной, но все равно я за него переживала, — заявила Лайза. — Я опасалась, что он выкинет какую-нибудь глупость. Он сказал мне, что уйдет от меня, лишь если я вдруг по уши влюблюсь в кого-нибудь еще».

Учитывая «послужной список» Лайзы, новый роман казался не столь уж маловероятным. Как бы то ни было, Лайза вскоре оставила Рекса. К тому времени она уже положила глаз на Дези Арназа-младшего.

1971 — более удачный год

Во многих отношениях 1971 год оказался для Лайзы еще даже более удачным, чем предыдущие два. Во-первых, здоровье ее отца, пошатнувшееся было из-за болезни сердца, пошло на поправку. Во-вторых, ей предстояло сыграть роль Салли в фильме «Кабаре». Лайза продолжала концертную деятельность, выступая в ночных клубах, не забывая, однако, и о личной жизни. Среди ее мужчин в это время оказался барон Алексис де Реде, снова вошедший в ее жизнь в 1971 году.

Приближалось 7 апреля — дата вручения наград Академии, и Лайза попросила отца стать ее спутником на этой церемонии. В свои двадцать пять лет Лайза Миннелли, подобно ребенку, с волнением дожидалась заветного дня.

Кстати, незадолго до церемонии вручения она по собственной глупости угодила в происшествие, не на шутку ее перепугавшее. Как истинная «сорвиголова», Лайза браво вскочила на заднее сидение мотоцикла, за рулем которого сидел ее приятель Тонни Билл, и они с ветерком промчались по бульвару Сансет. В результате Лайза оказалась в карете скорой помощи, которая срочно доставила ее в больницу со сломанной лопаткой, выбитым зубом, поврежденной почкой и расквашенной физиономией, на которую пришлось наложить двадцать девять швов. Стоит ли удивляться, что вслед за этим ей понадобилась всамделишная помощь Чарльза Шрамма, гримировавшего ее во время съемок «Джуни Мун».

Через несколько недель, накануне церемонии вручения «Оскара», Шрамм продемонстрировал свои сверхъестественные способности, сотворив с ее лицом чудеса, и хотя внутри Лайза все еще оставалась развалиной, внешне она смотрелась просто великолепно. Тем временем на сцене объявили имена претенденток на «Оскара» в номинации «Лучшая актриса»: Женевьева Бижо, Джейн Фонда за фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», Джин Симмонс за «Счастливый конец», Мэгги Смит за «Молодость мисс Джин Броуди» и Лайза Миннелли за «Бесплодную кукушку».

Итак, конверт вскрыт и объявлено имя победительницы — «Оскар» присуждается Мэгги Смит за главную женскую роль в картине «Молодость мисс Джин Броуди». В похожем на сарай павильоне музыкального центра им. Дороти Чандлер в Лос-Анджелесе все ощутили некое разочарование, однако Лайза приняла решение жюри с достоинством — не исключено, что в это время, как и после смерти матери, она сидела на

прописанных ей транквилизаторах. Все равно она чувствовала себя польщенной, поскольку удостоилась чести попасть в номинацию; ее отец также светился гордостью.

Транквилизаторы вскоре превратились в серьезную проблему, так как Лайза оказалась очень восприимчива к наркотикам, и малые дозы на нее действуют сильнее, чем на других.

На следующий день после церемонии вручения наград Лайза объявила, что ее брак с Питером Алленом распался. Примерно тогда же ее отец расторг свой брак с Дениз. Правда, сам Винсенте находился вдали от Голливуда на съемках картины «В ясный день можно увидеть вечность». Запланированный «Парамаунтом» бюджет составлял 20 миллионов долларов. Как уже говорилось, это был самый дорогой мюзикл в истории кино.

До Винсенте начали доходить слухи, будто Дениз встречается с другими мужчинами. Одна газета опубликовала эти слухи в колонке светской хроники, что не на шутку встревожило Винсенте. Он позвонил жене и задал вопрос в лоб. Дениз все отрицала и вообще отмахнулась от этих слухов, как не заслуживающих внимания. «Не стоит волноваться. Все это ерунда».

Вот что позднее рассказывал сам Винсенте: «Вернувшись в Калифорнию, я имел возможность убедиться в обратном. Дениз известила меня, что отнюдь не уверена, хочется ли ей вообще оставаться моей женой. Это было для меня ударом. Оказывается, мы стали друг другу чужими, а я этого даже не заметил. До этого момента она была чудесной женой, наполнявшей счастьем всю мою жизнь. Но если ей хочется чего-то иного, что ж, я не буду стоять у нее на пути. Потребовалось еще какое-то время, пока Дениз пришла к окончательному решению, однако в конечном итоге она все-таки подала на развод, чтобы затем выйти замуж за другого мужчину. Развод она получила в августе 1971 года, а я в третий раз остался в дураках. Я вовсе не был уверен, женюсь ли я снова когда-нибудь».

Винсенте начал встречаться с Ли Андерсон, британской журналисткой, которая до этого побывала замужем за французским миллионером и американским скотопромышленником. По словам Винсенте, «ее душевная теплота и участие очень много значили для меня». Позднее Ли Андерсон станет четвертой по счету миссис Миннелли.

В сентябре 1971 года, то есть примерно через год с небольшим после того, как она впервые познакомилась на вечеринке с Дези Арназом-младшим, Лайза, которой уже исполнилось 26 лет, случайно наткнулась на него за кулисами после концерта в Гриффит-Парке в Лос-Анджелесе.

Девятнадцатилетний Арназ тотчас начал ухаживания, следуя за ней по пятам, пока она выступала в Лас-Вегасе и Лейк-Тахоу. Арназ считался голливудским жеребцом номер один. С какими только женщинами не заводил он романов! Он даже умудрился сделать ребенка Пэтти Дьюк, когда той было двадцать пять лет и у нее имелся муж. Самому Дези в то время было лет семнадцать, и, разумеется, он был холост. Однако Лайзе он, что называется, с ходу сделал предложение, и они даже обменялись кольцами — и это несмотря на то, что Лайза еще официально оставалась замужем за Питером.

Вскоре Лайза сорвалась в Париж, чтобы повторить серию триумфальных концертов в знаменитой «Олимпии», а заодно вновь побывать в постели барона де Реде. Лайзу можно по праву назвать сексуальной революционеркой. Когда же неугомонные газетчики пронюхали о ее романе с Арназом, они принялись преследовать парочку по пятам, публикуя одну историю за другой о том, какие нежные чувства связывают этих двух «звездных» голубков и как мило воркуют они в пляжном домике семейства Арназ, находящемся в Дел-Маре в Калифорнии.

Лайза отводила душу тем, что водила за нос газетчиков — то она объявляла Арназа своим женихом, то утверждала, будто он для нее еще слишком молод. Иной раз она, наоборот, заявляла, что семь лет разницы в возрасте не играют никакой роли. «На самом деле Дези гораздо старше своих лет. Он понимает, что мне нужен покой. Ему известно, что я ненавижу резкие перепады настроения».

Впрочем, точно такие же чувства Лайза испытывала и тогда, когда сбежала на свидание с де Реде в Париж. «Когда мы были с ним вместе, — рассказывала она о бароне, — я ощущала полнейшее умиротворение, какого еще никогда не испытывала. Но, Господи! Наши отношения отнюдь не так серьезны, как утверждают некоторые».

По возвращении Лайзы из Парижа и из объятий барона, ее уже поджидал Дези, сделавший прессе следующего рода заявление: «Я хочу, чтобы все знали, что мы с Лайзой искренне любим друг друга. Мы чувствуем себя так, будто прожили вместе всю жизнь, и я был бы еще более счастлив, если бы она родила от меня ребенка.

Я хочу, чтобы у нее был от меня ребенок — я хочу, чтобы у нее родились все мои дети, и мне все равно, женаты мы или нет. Стоит мне только представить, что Лайза носит под сердцем моего ребенка, и я ощущаю, как у меня по коже начинают бегать мурашки».

Однако пожениться тогда, в 1972 году, им никак не удалось

бы, ведь Лайза все еще была замужем за Питером.

А еще существовала проблема Люси. Люси была в восторге от Лайзы. Однако одно ей явно не нравилось — а именно, что Лайза и Дези ведут себя словно настоящие супруги и даже заводят разговоры о ребенке еще до того, как побывали у алтаря. На что Дези возражал: «Мы с Лайзой не видим никакой необходимости в браке. Мы уж как-нибудь без этого обойдемся. Не вижу смысла брать на себя такую обузу. Если мы разлюбим друг друга, то просто разойдемся каждый своей дорогой. Вот так, легко и просто — никаких склок, никаких судебных заседаний. Брак — страшно неразумная вещь. От тебя почему-то требуют, чтобы ты всю свою жизнь посвятил только одному человеку».

Разглагольствования возлюбленного, должно быть, ничуть не охладили пыла женщины, от которой он хотел иметь детей и с которой, если что не так, был намерен расстаться тихо и красиво, без «излишних склок и судебных заседаний».

Вскоре после того как у Дези возникли недоразумения с «мамочкой», последовало еще одно юношеское заявление: «Маме не нравится, что мы с Лайзой живем не обвенчавшись, и ей претит сама мысль о том, что у нас появится внебрачный ребенок. У нас постоянно идет борьба — между тем, чего хочется нам, и чего хочется маме. Мы не знаем, что нам делать — угождать в первую очередь себе или же маме».

Наверно, мало какой ребенок был столь желанным, как Дезидерио Альберто Арназ-четвертый. Его родители были первой «телевизионной» и самой популярной парой в Америке — Люси Болл и Дези Арназ-третий, более известные как Люси и Рикки Рикардо из сериала «Я любил Люси».

Когда Люси забеременела Дези-младшим — а произошло это во время второго сезона их шоу, — компания «Дезилю» (детище Люси и Дези) и вся сеть Си-Би-Эс были готовы рвать на себе волосы. Телевизионщики столкнулись с пренеприятнейшей дилеммой — отменить наипопулярнейшее телешоу всех времен и народов или же стать первой телекомпанией, готовой прилюдно признать, что на свете существует такая вещь, как секс, и выпустить в эфир передачу с беременной женщиной. Под давлением самой Люси было принято решение, что супруги станут родителями в одной из серий шоу.

Дабы не оскорбить ничьих чувств, были предприняты неимоверные усилия — проведены консультации с рядом священнослужителей, и ни один из них не увидел ничего предосудительного в том, что на телеэкране появится замужняя беременная женщина. Цензоры поначалу было взбрыкнули, однако единственное, чего им удалось добиться, — это чтобы с

экрана ни при каких обстоятельствах не прозвучало слово «беременная». Так что Люси ни разу на протяжении всего сериала не выступила в роли беременной, а именовалась только «будущей матерью».

Тем не менее все серии того сезона так или иначе были увязаны с беременностью. Кульминационный момент наступил 19 января 1953 года, когда Люси произвела на свет младенца. Были приложены все усилия к тому, чтобы этот эпизод вышел в эфир как можно ближе к сроку появления на свет настоящего младенца. Работа экспертов из «Дезилю» и Си-Би-Эс облегчалась тем, что Люси уже приходилось рожать — за три года до этого при помощи кесарева сечения она произвела на свет дочь Люси Арназ. Кстати, это означало, что и второй ребенок также родится посредством хирургического вмешательства, что значительно облегчало задачу для теленачальства, ибо давало им большую возможность как можно точнее запланировать решающий эпизод.

Телевизионщики развернули широкую рекламную кампанию и провели со зрителями конкурс, кто из них сумеет верно угадать время и дату рождения ребенка, а также его пол. Правда, еще за четыре месяца до родов сценаристы решили, что у супругов родится мальчик. Были предприняты самые строгие меры предосторожности, чтобы никто, кроме тех, кто непосредственно участвовал в создании шоу, будь то даже сам президент Дуайт Эйзенхауэр, — чтобы никто не узнал истинный пол ребенка до того, как передача выйдет в эфир. В 8 вечера 19 января 1953 года более ста семнадцати миллионов человек, то есть 71,7 % общего числа телезрителей по всей Америке, вели бдение у экранов телевизоров, чтобы стать свидетелями появления на свет «малыша Рикки».

Этот эпизод собрал самую широкую зрительскую аудиторию за всю телевизионную историю Америки. Чтобы нагляднее представить себе это, приведем такой факт, что буквально на следующий день телетрансляция инаугурации президента Эйзенхауэра — кстати, то была всего лишь вторая по счету инаугурация, транслируемая по телевидению, — собрала перед экранами на десять процентов меньше телезрителей.

Появление на свет Дези Арназа-младшего и его двойника «малыша Рикки» отделяли друг от друга всего каких-то десять часов, причем настоящие роды случились все-таки раньше.

Когда Арназ-старший узнал, что у него родился сын, он воскликнул: «Вот что значит Люси! Она всегда делает то, что от нее требуется!» Главный сценарист Джесс Оппенгеймер, узнав, что Люси выполнила все согласно сценарию, написал: «С ума сойти! В результате я превратился в самого великого сценариста

в мире. Передайте Люси, что ей полагается выходной день». Но если Дези-старший с Оппенгеймером остались просто довольны, то зрителей охватил буквально телячий восторг. На Арназов обрушилась лавина корреспонденции — они получили 27 863 письма и открытки, 3154 телеграммы и 638 посылок. Им даже пришлось нанять еще четверых секретарей, дабы не быть погребенными под всеми этими выражениями симпатий поклонников.

Стоит ли говорить, что под этот шумок отлично расходился любой товар. Исполняемая Дези-старшим песня «В нашем доме появилась милая крошка» тотчас взлетела в верхние строки таблиц популярности «Биллборда». На самом деле песня была написана за полтора года до этого в честь появления Люси Арназ, однако никто не обратил на это ни малейшего внимания, главное, что песня приносила хорошие барыши. Дези-младший мгновенно стал всеамериканской знаменитостью. Он удостоился статуса телезвезды, ни разу не появившись на экране — малыша Рикки сыграл Джеймс Ганцер. А Дези-младший украсил собой обложку первого номера журнала, который вскоре станет самым читаемым в Америке, «Ти Ви Гайд».

Вот в каком климате и произрастал Дези-младший. В детстве его отождествляли с «малышом Рикки», в реальной же жизни он близко сошелся с Ричардом Китом, точнее, с Китом Тибото из городка Лафайет в Луизиане, как раз и исполнившим в сериале роль «малыша Рикки».

В этой невообразимой психологической ситуации Дези мечтал стать похожим на того мальчика, который играл его роль. Когда «малыш Рикки» в сериале научился играть на барабанах, Дези тоже захотелось этому научиться, и как только ребенку исполнилось три года, отец подарил ему первую ударную установку. В 1957 году, когда ему было четыре года, у Дези и его сестры состоялся первый актерский дебют в получасовом выпуске «Я люблю Люси».

Поскольку дети уже достаточно повзрослели, неудивительно, что они донимали родителей просьбами взять их к себе в телесериал. Когда у Дези-старшего обнаружился дивертикулит и он был вынужден сбавить темп, отказавшись от еженедельной программы, его отпрыскам подвернулась возможность попробовать свои силы в массовке. Надо сказать, что родители только поощряли это их стремление.

Люси рассказывала: «Дети обычно внимательно изучали все, что мы делали в нашей программе. Бывало, посмотрят на часы и с криком «Они снова выступают!» бросаются к телевизору. А когда все окончено, они поднимаются и изображают все от начала до

конца слово в слово. Они исполняли песни, танцевали, и нам это ужасно нравилось; мы, конечно, поощряли их, не просто готовили к работе в шоу-бизнесе, а учили самовыражению. У нас в гараже мы соорудили для них небольшой театр, где они устраивали представления для своих друзей».

Люси всегда была сторонницей строгой дисциплины. А еще она брала на себя роль главной защитницы своих детей. Она тряслась над ними, не упуская их из поля зрения ни на минуту, или, как выразилась ее дочь Люси, — «У мамы имелся на этот счет пунктик, и ей требовалось быть в курсе наших дел все двадцать четыре часа в сутки».

Дези-младший отзывался о матери не столь строго. «Мы с сестрой появились у мамы довольно поздно, поэтому то, что мы все-таки появились, стало для нее сродни чуду. Как мне кажется, это обстоятельство усилило в ней материнский инстинкт этак еще в тысячу раз, до такой степени, когда желание защитить, взять под свое крыло превратилось для нее в нечто осязаемое».

Эта прозорливая оценка матери представляется куда разумнее тех заявлений, что были сделаны им относительно его романа с Лайзой.

Люси и Дези-старший развелись вторично, и на сей раз окончательно, в 1960 году, когда Дези исполнилось семь, а его сестре Люси — девять лет. Впервые они разводились в 1944 году, еще до рождения детей.

И вот для них снова наступили печальные времена. Во время бракоразводного процесса Люси в качестве обоснования приводила «склонность мужа к иррациональным поступкам», не говоря уже о его склонности к вполне естественным вещам, например к таким, которые то и дело принимали форму супружеской неверности.

Люси получила развод и право опеки над детьми и была полна решимости и дальше проводить строгую линию воспитания.

Вот что вспоминает ее дочь: «Мама буквально во всем не терпела никакой разболтанности. Она вдалбливала нам правила хорошего тона, требовала от нас, чтобы мы проявляли уважение к старшим, учила тому, что слова тоже ранят. Когда нам случалось сделать нечто такое, чего она не одобряла, нам тотчас влетало по первое число, и нас тут же отправляли по нашим комнатам. Моей матери следует присвоить звание чемпиона по нагоняям и нотациям. В детстве я, наверно, года два, не меньше, провела «в одиночке»!»

Живя с сестрой и матерью, Дези-младший испытывал по этому поводу довольно мало радости. Как верно подметил кто-то

из знакомых, все свои обиды на бывшего мужа Люси неизменно вымещала на сыне. Уже в раннем детстве она заклеймила его испорченным ребенком, точно так же, как когда-то навешивала ярлыки на его ртца. Люси обвиняла его во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях, и неудивительно, что вскоре из чувства протеста тот начал исполнять именно ту роль, которую она ему отводила.

Обе Люси, мать и дочь, развернули единую кампанию придирок к мальчику, и несмотря на то, что мать учила ее, что слова ранят, а может, именно вследствие этого — сестра не стеснялась выбирать в отношении брата как можно более оскорбительные выражения. Она издевалась над его детской пухлостью, обзывая его «жирком», и даже позволяла себе ломать его вещи, что, например, произошло с его барабанами. В 1961 году страсти немного поутихли — мать вышла замуж за комика Бри Мортона, и тот превратился в нечто вроде буфера между враждующими сторонами.

Дези-младшего и Лайзу, не считая того, что детство их обоих было связано с шоу-бизнесом, объединила также причастность к миру музыки.

В двенадцать лет Дези вместе с двумя своими приятелями-гитаристами, тринадцатилетним Дино Мартином (сыном Дина Мартина) и четырнадцатилетним Биллом Хинше, основал группу «Дино, Дези и Билли», правда, сначала они играли лишь ради собственного развлечения. Однако вскоре их услышал Фрэнк Синатра. Он устроил им контракт с фирмой грамзаписи «Рейпрайз Рекордз», и группа постепенно начала пользоваться популярностью. У них на счету имелся один основательный хит «Я — глупец», и им повезло выступить в таких программах, как «Дин Мартин-Шоу» и «Голливуд Пэлис», причем гонорар их к тому времени составлял уже порядка 4 тысяч долларов за участие в одной программе. Вскоре друзья образовали свою собственную фирму и начали разъезжать с гастролями. И куда бы они не приезжали, их повсюду встречали толпы истеричных девчонок-поклонниц.

В 1968 году, когда Дези шел семнадцатый год, его рок-карьера увяла, однако и он, и его сестра продолжали якшаться с какими-то подозрительными типами. В школе дела у них шли из рук вон плохо, и все уже было согласились с тем, что оба они ступили на кривую дорожку, но в этот момент Люси вспомнила о материнском долге. Она пригласила их сыграть ее детей Ким и Крейга в новом телесериале «А вот и Люси».

Профессионалка до мозга костей, она поставила им жесткие условия. По словам дочери: «Мама заявила нам, не стесняясь, что

если мы будем халтурить, то о втором сезоне даже нечего мечтать. Она сказала, что уж найдет способ убрать нас из сценария. Причем говорила она это со всей серьезностью».

Сестре с братом пришлось бросить школу — собственно говоря, Люси просто забрала их от греха подальше, чтобы дети не водились там с кем попало, — и к ним приставили домашнего учителя.

Новое шоу оказалось не столь удачным. Критики посчитали, что у отпрысков звезды «начисто отсутствует талант». Дома же дела пошли еще хуже, поскольку теперь «мамочка» являлась не только блюстительницей порядка, но и боссом, требовавшим безоговорочного подчинения на работе.

Дези вспоминал: «Между нами с сестрой и матерью существовало два совершенно разных вида отношений: дома мы были ее детьми, на работе — подчиненными. Мама относилась к нам — и я не в обиде на нее за это — как к обычным членам съемочной группы, но мы все равно принимали все близко к сердцу, хотя в ее придирках, скорей всего, не было ничего личного. Когда людьми помыкают на работе, у них еще есть возможность выпустить пар дома, мы же были начисто лишены такой возможности».

Неудивительно, что брат с сестрой считали дни от уик-энда до уик-энда, когда они могли, улизнув от матери, провести пару дней с отцом и его новой женой на ранчо. Это привело к еще большим трениям между детьми и матерью — Люси отнюдь не по душе было то обстоятельство, что ей выпала роль «держиморды», в то время как Дези-старший строит из себя добродушного папашу.

В июле 1969 года, спустя месяц после того как у Лайзы умерла мать, сестре Дези исполнилось восемнадцать, и она ушла из дома, оставив брата одного выяснять отношения с матерью. Чтобы как-то избежать этой малоприятной участи, Дези-младший начал искать забвения в алкоголе и наркотиках. Вскоре он уже страдал жестокими головными болями, его мучила депрессия, а в довершение ко всем бедам он то прибавлял в весе, то столь же резко худел. Помимо всего прочего, у него серьезно нарушилась координация движений, что сильно осложнило его работу, и в конце концов ему пришлось обратиться за помощью к матери.

Люси тотчас определила его в клинику, однако врачи были в состоянии помочь ему, лишь пока он там находился. Выйдя на свободу, Дези запил снова, пустился во все тяжкие и вскоре, как и отец, прослыл величайшим бабником. На счету у него имелись бесчисленные любовные победы, и немалую роль сыграло здесь то обстоятельство, что, как-никак, он был отпрыском двух

знаменитостей, рок-звездой и телеактером, пусть даже только начинающим. Вскоре, а именно в начале 1970 года, милашка Пэтти Дьюк, обладательница «Оскара», родила от него сына.

И хотя Дези-старший, Эди, Люси-младшая и Гэри Мортон навестили Пэтти в больнице, Люси демонстративно не обратила на это событие никакого внимания. В конечном итоге она снизошла, навестила младенца и даже перепеленала его, тем не менее отказалась признать в нем внука.

Через пару лет, в конце 1971 года, в отношениях Дези и Пэтти возникла трещина, и Дези принялся обхаживать еще одну голливудскую актрису, Лайзу Миннелли.

«Кабаре» полностью смонтировали и подготовили к прокату уже через год после начала съемок. Премьера была запланирована на 13 февраля 1972 года в нью-йоркском театре «Зигфельд», однако волнение охватило прессу и дельцов шоу-бизнеса уже загодя. «Кабаре» было объявлено фильмом, который нельзя не посмотреть, а Лайза превратилась в объект бурных восторгов. «Кабаре» стало для нее первой пробой сил перед массовой аудиторией после того, как смерть матери дала ей шанс подтвердить творческую индивидуальность. Более того, «Кабаре» было рассчитано в первую очередь на нее. Джуди никак не смогла бы сыграть Салли Боулс, поскольку в глазах публики она навсегда осталась милой, невинной крошкой Дороти из Канзаса со своим вечным спутником Тото. Вряд ли она сумела бы воплотить образ искательницы острых ощущений и певички из ночного клуба — на каблуках и в сетчатых чулках на резинках.

Были, конечно, и недовольные, однако Роджеру Эберту из «Чикаго Сан Таймз» удалось четко отразить подавляющее настроение: «Салли шагнула к нам с экрана благодаря великолепной работе Лайзы Миннелли, которая играет девчонку, купившую то, что продается в кабаре. Для нее главное в жизни — это смеяться, и петь, и жить одним мгновением. Ничего не принимать всерьез — даже нацизма — и заводить отношения с людьми до определенного момента. Она способна на душевную теплоту, на отзывчивость, но многое из этого отдает театральностью, и когда козыри брошены, она столь же поражена декадансом, как и «пронзительный декадентский» темный лак для ногтей, которым она похваляется. Лайза Миннелли столь убедительно играет свою героиню, что для нас уже не суть важно, насколько замечательно она поет и танцует, если, разумеется, вам понятна моя мысль».

Рекс Рид захлебывался от восторга в «Нью-Йорк Дейли Ньюз»: «Кабаре» восхитительно! Трубите, фанфары! «Кабаре» тянет на золото! Нам есть отчего ликовать! Лайза Миннелли показала нам,

что такое «звезда». Она вся светится внутренним светом, от нее исходит аура унаследованного ею от матери умения околдовывать наши сердца, лично для меня уже достаточно одного этого!»

Некоторые из критиков жаловались, что игра Лайзы выходит за рамки сюжета, за рамки кино и вообще слишком хороша и для того и для другого. Может показаться забавным, что самые приятные слова в свой адрес Лайза услышала от обозревателя Джозефа Гельмиса из «Нырсуика», особенно если учесть все ее долгие попытки утвердиться в качестве своеобразной Лайзы Миннелли: «Вам не надо делать никаких скидок ее энергии и напору. Она то, что она есть, и вы либо принимаете ее, либо нет». Лайза удостоилась фото на обложке как «Ньюсуика», так и «Тайма».

Кроме того, картина вернула спонсорам все вложенные в нее 4 миллиона долларов до последнего цента, а это для Голливуда самое главное. Производство картины обошлось в 4,25 миллиона, и уже вскоре по выходу на экраны она собрала 18 миллионов, не считая того, что в последующие годы принес видеопрокат. «Кабаре» обернулось финансовым успехом и для Лайзы — первоначальный гонорар в 250 тысяч долларов за картину после этого значительно вырос. Правда, Лайза не из тех, кто в первую очередь думает о деньгах, если ей подвернется нечто стоящее ее таланта. В прошлом она не раз отказывалась от заведомо выгодных проектов, суливших отличный «навар», в пользу тех, которые, как подсказывало ей внутреннее чутье, давали ей возможность проявить свою актерскую индивидуальность.

Успех «Кабаре» позволил ей стать более избирательной. Лайза отказалась от нескольких весьма выгодных предложений, последовавших после триумфа «Кабаре». В этот момент ее карьеры — и что еще важнее, всей ее жизни — ей хотелось делать то, о чем она мечтала на протяжении двадцати лет, с тех самых пор, когда она ездила верхом на камере, наблюдая, как ее отец снимает кино.

За Табор вспоминает те дни, когда сама она еще обитала в павильонах МГМ. «Бывало, мы снимали картину, и взглянув на камеру, я видела там верхом на кране маленькую девочку с огромными черными глазами, которая глядела на меня сверху вниз. Это была Лайза».

Лайза мечтала сняться у отца — сентиментальное желание, если учесть ее возраст и недавние сердечные проблемы. Тем не менее, все оставшееся время 1972 года они подыскивали подходящий материал.

Винсенте за год до этого снял «В ясный день можно увидеть

вечность», однако лента не пользовалась кассовым успехом, хотя в ней и были заняты такие звезды, как, например, Барбра Стрейзанд. Критики шутили, что фильм следовало бы озаглавить «В ясный день тебе не следует этого видеть». К сожалению, голливудские «гуру» начали разочаровываться в Винсенте.

В шестидесятые годы в американском обществе произошли значительные перемены — по Америке прокатилась волна демонстраций, поднимала голову бунтарская молодежная культура. Классический мюзикл в стиле МГМ вышел из моды, а новые фильмы должны были так или иначе иметь отношение к контркультуре. Главная мужская роль в «Ясном дне» поочередно предлагалась то Ричарду Харрису, то Фрэнку Синатре, то Грегори Пеку, но все они отказались. В результате образовался трехлетний перерыв между бродвейским хитом и сделанной на «Парамаунте» экранизацией. Винсенте не снимал картин лет пять, а что касается мюзиклов, то за них он не брался вот уже лет десять. Закончив съемки 6 января 1969 года, он тотчас попал под пресс семейных неурядиц, узнав, что у его третьей по счету жены, Дениз, появился роман на стороне. Вдобавок ко всему, во время работы над фильмом он потерял первую свою жену, Джуди.

В конце концов, и сам Винсенте отзывался о «Ясном дне» не самым лучшим образом: «Как мюзикл, это не самый крупный мой успех, но, с другой стороны, для «Парамаунта» это не самый худший его провал». Фильм все-таки принес приличные кассовые сборы, хотя и показавшиеся голливудским скупердяям явно недостаточными. По иронии судьбы, этот фильм стал важным шагом в карьере актера, которого один критик охарактеризовал следующим образом: «Мало кому известный, но, что самое главное, без каких-либо предрассудков актер, в ту пору байкер-самоучка, любитель наркотических «улетов» и общего назначения маньякк в драйв-иновских лентах Роджера Кормана». Звйди этого парня Джек Николсон, и следующей его работой стала лента «Беспечный ездок».

Несмотря на все отрицательные отзывы на «Ясный день», Артур Найт в своей рецензии на фильм в «Сэтердей Ревю» высоко отозвался о режиссерской работе Винсенте. «Что Миннелли удается поистине отлично, так это умение выявить важнейшие качества главных своих исполнителей, подать их так, чтобы это усилило взаимодействие между ними и зрителем, создать им ауру блеска и славы, что тотчас делает их еще во сто крат ощутимее и убедительнее».

Винсенте снова оказался ничем не занят, и вместе с дочерью занялся активными поисками подходящего материала для совместной работы. Однако тогда, в начале семидесятых, имелось

немало преград, мешавших осуществлению их проекта. Прежде всего, недостаточный кассовый успех «Ясного дня» поставил под сомнение стопроцентную надежность Винсенте как режиссера. Ему было уже шестьдесят шесть, и по мнению некоторых, ему давно следовало отправиться на покой. Занимаясь поисками подходящего проекта, Винсенте также сотрудничал с «литературным негром» Гектором Арсом в написании своей автобиографии «Как сейчас помню» — она вышла в свет в 1974 году в лондонском издательстве «Ангус и Робертсон».

И если отцу с дочерью никак не удавалось остановить свой выбор на чем-то стоящем для совместной работы, самой Лайзе повезло с телепередачей. С момента ее первой, неудачной телепрограммы прошло два года. Тогда ее передаче недоставало центральной идеи. Новая программа целиком и полностью сосредоточилась на двадцатисемилетней актрисе и была сделана так, как ей самой того хотелось. Запись для Эн-Би-Эс состоялась 31 мая 1972 года в нью-йоркском театре «Лицей». Помогали Лайзе в этом деле два ее профессиональных наставника, вездесущие Фред Эбб и Боб Фосс. Они озаглавили программу «Лайза через букву З» и записали ее прямо на глазах у публики. По сравнению с передачей двухлетней давности результат получился поразительный. Программа вышла в эфир вскоре после триумфального шествия по экранам «Кабаре» и утвердила за актрисой статус «звезды».

Зрители тепло приняли программу, и Лайза удостоилась награды «Эмми» за «наиболее выдающуюся одиночную программу» в категории «Эстрада и легкая музыка». Передача вышла в эфир 10 сентября, и вскоре «Вэрайети» уже вещала: «В программе мисс Миннелли не раз демонстрировала свое предпочтение «живым» концертам, и ей неплохо удается этот вид развлекательных программ. Эбб и Фосс направили ее таланты на то, что называется «филигранностью», и в результате мы имеем профессионалку, которая вот-вот во всеуслышание заявит о себе на поприще шоу-бизнеса». Лайзе льстило, что ее наконец-то признали как самобытную исполнительницу, а не дочь Джуди Гарленд.

В промежуток времени между записью передачи и ее выходом в эфир Лайза предавалась роману с Дези Арназом-младшим. В начале лета 1972 года Лайза даже увязалась вслед за ним в Японию, где тот был занят на съемках фильма о Марко Поло. И началось тотальное помешательство. Чуть раньше, в мае, Лайза и Дези обменялись кольцами и сделали официальное, хотя и несколько туманное объявление о помолвке. Вот как, например, выразилась по этому поводу Лайза: «Пока что мы еще не

собираемся пожениться, речь идет о том, что будет через несколько месяцев».

Люси пришла в восторг, она знала Лайзу и симпатизировала ей, и вообще, по ее убеждению, Лайза скорее годилась в жены ее сыну, нежели Пэтти Дьюк. Люси сразу же дала понять, какие качества она хотела бы видеть, в первую очередь, в свой невестке. «Еще задолго до смерти Джуди Лайза взяла на себя всю заботу по воспитанию сестры и брата, неудивительно, что она суетится вокруг Дези, как наседка. Они просто созданы друг для друга, и я счастлива как никогда».

Собственно говоря, счастливы были все, в том числе и Дези-старший, объявивший, что церемония бракосочетания состоится 6 сентября 1972 года в его доме «Лас Круцес» в Нью-Мехико. Увы, надеждам не суждено было сбыться. К тому времени как Дези-младшему исполнилось двадцать, всякие разговоры о женитьбе отошли в прошлое. Лайза же, как ни в чем не бывало, буквально через десять дней после его двадцатилетия связала свою судьбу, правда временно, с еще одним «звездным» отпрыском, а именно Элди Альбертом. Она познакомилась с Альбертом, которому, кстати, тоже исполнилось всего д вад цать, в то время как ей самой было уже двадцать семь, на церемонии вручения «Золотого Глобуса», где каждый из них удостоился награды. Она — за «Кабаре», он — как «самый многообещающий молодой актер» за работу «Мухи свободны».

Для Лайзы это было прекрасное время. В 1972 году она отхватила «Золотой Глобус» как «лучшая актриса мюзикла» и «Оскара» вообще как «лучшая актриса», причем и то и другое за «Кабаре». Чуть позже в том же году она удостоилась «Эмми» за «Лайзу через букву З». А закончила этот год в обществе Эдварда Альберта, своего нового приятеля. Во всех отношениях то был триумфальный год — такого не случалось даже в карьере Джуди. Эдвард заявил, что ему нравятся женщины «старше его самого», такие, как Лайза. «По-моему, становясь старше, женщина делается более женственной». Тем не менее роман с Эдвардом увял, практически не начавшись.

Сойдя со сцены после вручения заветного «Оскара», Лайза очень скоро поднялась на сцену лондонского «Палладиума», чтобы выступить перед восторженной публикой. То была особая сцена — как в ее жизни, так и в ее сердце. 11 мая 1973 года, то есть год спустя после ее помолвки с Дези, в ее жизнь вошел еще один мужчина. Зрелый, умудренный опытом и знаменитый. В то время ему исполнилось сорок семь лет.

Звали его Питер Селлерс.

Очаровательный Селлерс

Все произошло до банальности просто. Питер Селлерс увидел Лайзу и задался целью покорить ее. В отличие от ее неопытных желторотых возлюбленных, Селлерс знал толк в женщинах и обладал бесценным опытом на тот счет, что следует делать, чтобы вскружить даме голову. Именно это он и проделал с Лайзой. Во-первых, он посещал все ее концерты и не оставлял ее одну. Селлерс, этот бабник со стажем, казался сраженным наповал. По его собственному признанию: «Было такое ощущение, будто на меня со всей скоростью летит поезд, а у меня нет сил сдвинуться с места».

Судя по всему, предшествующий опыт Лайзы в сердечных делах не шел ни в какое сравнение с новым ее увлечением, и Лайза буквально млела в первые дни после того, как Селлерс вошел в ее жизнь. Она даже сочла нужным объявить об окончании одного романа, прежде чем начать другой, что и было сделано 22 мая во время короткой пресс-конференции в лондонском отеле «Савой» на следующий день после того, как они с Селлерсом прилюдно ворковали как голубки в ресторане «Трэту». «Все очень просто, — заявила Лайза, — мои отношения с Дези последнее время развивались не в лучшую сторону. К счастью для меня, нашу помолвку можно считать расторгнутой. Мы оба снова свободны».

Произошло это ровно через год после того, как Дези объявил миру об их намерении связать свои судьбы. Заявление Лайзы явилось для него неприятной неожиданностью — новость эту он узнал по телевидению, будучи в Лос-Анджелесе. «Все случилось просто мгновенно. Лайза с Питером встречались всего пару раз, — сетовал Дези, — и вдруг она говорит мне, что любит его. Господи, ну почему все так сложилось? Ведь я любил ее. Да и сейчас люблю».

И Дези тотчас принялся искать утешение в объятиях своей новой пассии, актрисы Виктории Принсипал.

Голливудский актер Джеймс Бэкон, друживший со всеми, кто оказался вовлечен в этот запутанный узел человеческих отношений, так описывает сцену, разыгравшуюся в гостиной у Люси: «На столике перед нами лежала газета, на первой странице которой аршинными буквами объявлялось о том, что Лайза и Дези-младший расторгают свою знаменитую помолвку. Люси со всех сторон осаждали просьбами разъяснить, в чем тут, собственно, дело. Официально она могла заявить лишь то, что случившееся явилось для нее полной неожиданностью. Но в

качестве крестного отца Дези-младшего я взял на себя смелость выразиться несколько резче: «Это лучшее, что могло произойти с ним. Лайза мне нравится, но Дези она явно не подходит». Люси многозначительно посмотрела на меня и добавила: «Твои бы слова да богу в уши». Ее молчание говорило само за себя лучше всяких слов. И, как мне показалось, она полностью разделяла мое мнение».

Люси всегда с большой теплотой относилась к Лайзе, да и сейчас ее отношение не изменилось. Она ни разу не сочла нужным вмешаться в бурный роман сына, даже несмотря на то, что Лайза на семь лет старше Дези.

«Ну как я могу позволить себе вмешиваться? — заявила она. — Когда мужчины молоды, им нравятся опытные женщины, когда они убелены сединами — юные девушки».

Тем временем, сделанный Дези фильм «Марко» обернулся такой крупной неудачей, что под угрозой оказался даже его выход на экраны. Более того, кое-кто утверждал, что фильм вообще не выходил — и это нужно считать за счастье. Следующую его работу «Билли-Две Шляпы» (1974 г.) постигла не лучшая участь. И как следствие, Дези переключил свое внимание с Лайзы и кино на Викторию и телевидение.

«Я влюблена в этого человека и с радостью говорю, что он влюблен в меня», — объявила миру Лайза относительно своих отношений с Питером Селлерсом.

«И я и она — верим в юмор и приятное времяпрепровождение. Мы еще ни разу ни в чем не разошлись в мнениях», — вторил ей Селлерс.

Возвращение Лайзы в Штаты оказалось подобным вихрю, а затем, сопровождаемая Кей Томпсон, которая теперь, казалось, прибегала к ней по первому зову, Лайза быстро упаковала все самое необходимое в чемоданы и улетела назад в Лондон. В аэропорту Лайзу и Кей встречал Селлерс — кстати, переодетый и в гриме — неудивительно, ведь именно этим он и зарабатывал себе на жизнь. В Лондоне Лайза поселилась у него, в доме номер 11 по Итон-Мьюз-Норт. Там же поселилась и Кей, неизменно сопровождавшая Лайзу во всех ее бесконечных переездах с места на место, — что вряд ли обрадовало Селлерса.

Стремясь доказать, что он все еще полон сил и энергии и может во всем соответствовать своей юной возлюбленной, Селлерс весь день проводил на съемочной площадке картины «Мягкие постели, жестокие битвы», после чего всю ночь напролет отплясывал с Лайзой на дискотеках. Вот что он заявил: «Наконец-то я обрел женщину, готовую взять на себя заботу обо мне». На самом же деле, Селлерс обрел женщину, способную выжать из

него последние соки.

Рой Боултинг, режиссер «Мягких постелей», рассказывает:

«К этому времени съемочный павильон подвергался ежедневной осаде со стороны газетчиков, которые пытались вынюхать как можно больше подробностей о нашумевшем романе. Более того, ночные ухаживания начали отражаться на его (Питера) дневных делах. Требовалось срочно что-то предпринять. Я отправился к Лайзе и сказал ей прямо в лоб: «Послушай, Питеру уже в половине седьмого утра полагается быть в гримерной. Он не может всю ночь напролет колобродить с тобой по дискотекам, затем под утро поспать всего час-другой и вовремя быть в студии. Он этого просто не потянет, Лайза. Да и мы тоже».

«Рой, — возразила она, — но разве это моя вина? Я, например, отлично готовлю спагетти. Я бы с удовольствием оставалась дома и кормила Питера. Но что я могу поделать, если ему хочется всю ночь танцевать до упаду?»

«В полном отчаянии, — продолжает Рой, — я сказал Джону (его коллеге по съемочной площадке): «Может, нам как-то изменить график съемок и дать ему неделю-другую отдыха, чтобы он немного выпустил пар?»

Итак, график съемок был пересмотрен, и влюбленная парочка получила возможность побыть вдвоем, причем оба они клялись друг другу в незыблемости свих чувств. «Мы как муж и жена», — объявила Лайза. Но, увы, для Селлерса это оказалось выше его сил. Дополнительное время, которое он получил для общения с Лайзой, обернулось для него началом конца. Однажды он признался Боултингу: «Кстати, о нас с Лайзой. Между нами все кончено. Мы расстаемся».

Роман с Селлерсом можно по праву назвать самым безумным увлечением в ее жизни, причем жизни, в которой счет романам шел не на один десяток. Официальное заявление последовало от Лайзы 19 июня 1973 года: «Да, да, между нами все кончено. Нет, нет, я ни о чем не жалею. Как я могу о чем-то жалеть, если я была так счастлива?»

Роман продолжался ровно пять недель.

Лайза перебралась в свой обычный «люкс» на восьмом этаже отеля «Савой». Пресса узнала о разрыве, когда газетчики стали свидетелями того, как принадлежавший Лайзе рояль из квартиры Селлерса снова занял свое место в «Савое».

Роман «Миннелли-Селлерс» оказался для британских газетчиков слишком пикантным, чтобы они смогли остаться в рамках приличия. Разумеется, главной причиной трений оказалась разница в возрасте, что недвусмысленно дала понять

Лайза в одном из своих заявлений, сказав, что она просто «устала от Селлерса, его имени, богатства и славы».

Фредерик Дэвис, знаменитый английский экстрасенс, предсказал разрыв еще до того, как познакомился с Лайзой, и это его предсказание заставило ее тотчас связаться с ним по телефону. Позднее Дэвис рассказывал, будто Лайза имела с ним личную встречу. «Она пришла ко мне домой в середине июня. Мы немного поговорили с ней, и тогда я разложил для нее таро. Я сказал Лайзе, что ее роман обречен. Она слегка разволновалась, даже вытерла глаза и призналась, что мысль о разрыве не дает ей покоя. Все, что я мог ей сказать, так это — «что такое событие пойдет ей только во благо. И через три дня, 20 июня, Лайза публично объявила, что ее отношения с Питером Селлерсом окончены».

Вот как она сама объясняла разрыв: «Все кончено, но Питер — просто чудо, и нам с ним было просто прекрасно. Это было так, будто вы поете новую песню и находите себе кого-то другого. Это похоже на магический круг. О людях я думаю так — «О господи, сколько же на свете людей, с которыми стоило бы познакомиться, которых бы следовало знать, чтобы с ними поговорить».

Селлерс хранил у себя личные вещи еще одной женщины — держал он их в шкафу, в коробке, на которой написано «Тити» Вахмейстер. В ту пору ей было двадцать пять лет. Отец ее являлся послом Швеции в Соединенных Штатах, а сама она подрабатывала как манекенщица. Сью Эванс, секретарше Селлерса, вменялось в обязанность прятать эту коробку с глаз подальше, когда в квартире находилась Лайза. Точно также в ее обязанность входило убирать подальше от греха коробку с вещами Лайзы всякий раз, когда к Селлерсу наведывалась Тити.

Вряд ли подобные союзы совершаются на небесах.

Концерт в «Зимнем саду»

В конце лета — начале осени 1973 года двадцатисемилетняя Лайза колесила по всему свету. С кем ее только не видели! Например, она посетила Италию, где у нее состоялись переговоры о возможном сотрудничестве с Франко Дзеффирелли. Там же, буквально через две недели после разрыва с Питером Селлерсом, Лайза завела короткий романчик с Дайсоном Ловеллом. После этого она направила свои стопы в Париж, где участвовала в показе мод, а оттуда самолетом вернулась в Нью-Йорк для составления графика концертов, в том числе и в знаменитом «Зимнем Саду». Этот концерт еще сильнее укрепил ее статус исполнительницы-солистки, которым она уже успешно пользовалась в лондонском «Палладиуме».

В основу программы легли ее традиционные номера, с которыми она выступала в ночных клубах. Лайза остановила выбор на «Зимнем Саду» с тем, чтобы вынести на суд публики свой новый, обновленный образ, ибо в шоу-бизнесе и близких к нему кругах этот зал имел репутацию «звездного заведения», причем сами выступающие здесь «звезды» должны быть непременно первой величины. В начале января 1974 года Лайза созвала на квартире Эбба, что в двух шагах от Центрального парка, совет, на котором, кроме нее самой и хозяина квартиры, присутствовали также Джон Кандер, Дина Уэнбл, ее секретарь, и Арт Азензер, ее аккомпаниатор. Они решили обговорить все детали и еще раз внимательно пройтись по программе. Участие других звезд в концерте не планировалось, однако были задействованы музыканты и танцевальная труппа. В течение полутора часов перед зрителями будет царить Лайза и только Лайза.

Разумеется, тем самым она брала на себя гигантскую ответственность, ведь именно она сама все эти девяносто минут должна была петь, танцевать и отбивать чечетку. Лайзе хотелось, чтобы все происходило так, как во время ее первого сольного выступления на Бродвее. Программа была весьма остроумно озаглавлена «Дайза». В главной роли Лайза Миннелли». В типографии толком не посмотрели, как пишется ее фамилия, и в результате на билетах она оказалась отпечатана с одним «н». Но еще больший ажиотаж вызвала цена билетов — для 1974 года она составила неслыханную доселе и потому возмутительную сумму в 15 долларов. Однако у спекулянтов с рук за них заламывали в десять раз больше.

Несмотря на злополучную ошибку в фамилии и непомерно

высокую цену билетов, уже за несколько недель до эпохального шоу в «Зимнем саду» кассы бойко торговали ими. Билеты на все 1442 места гигантского амфитеатра на всю трехнедельную серию концертов разошлись менее чем за двое суток.

Том Бакли из «Нью-Йорк Таймс» дал этому феномену следующее объяснение: «Это шоу словно порождает некий вид электричества в этот бедный на энергию сезон, которому бессильна помочь даже вся аравийская нефть. Во-первых, это будет первое выступление мисс Миннелли после вручения ей награды Академии за «Кабаре» и награды «Эмми» 1972 года за телепрограмму, сделавших из нее звезду международного класса. Во-вторых, она возвращается к себе домой, в родной город. Еще до того, как, будучи подростком, она поставила себе целью во что бы то ни стало сделать карьеру в театре, этот город стал для нее родным домом. Здесь живут большинство ее старых и близких друзей, ее наставники».

Лайза подтвердила сказанное Бакли в своем заявлении: «Это потрясающий город. Он — все еще старое доброе «Большое Яблоко»[2]. Каждый раз, возвращаясь сюда, я влюбляюсь в него все больше». Лайза подчеркивала, что на этот раз у нее появилась возможность отдохнуть пару недель после гастрольной поездки по тридцати городам США, недельной программы в Лас-Вегасе и участия в телепередаче в Англии. Она провела все это время, отдыхая, занимаясь покупками, часами просиживая в ресторанах и посещая театры. Главной темой ее деловых встреч были переговоры с Франко Дзеффирелли о совместном проекте, который он тогда вынашивал, однако, по мнению многих, у нее было куда больше шансов сняться у другого режиссера-итальянца, а именно у собственного отца Винсенте Миннелли, в картине, сделать которую они мечтали вот уже несколько лет.

В день премьеры, 6 января 1974 года, Лайза и Фред Эбб прошли через те же самые разговоры, которые велись с первых моментов их сотрудничества, когда они в 1965 году готовили ее первую программу кабаре в отеле «Шорэм».

Эбб рассказывает: «Я всегда говорю ей, что не следует полагаться на публику. Ни в коем случае нельзя считать, будто успех — это нечто само собой разумеющееся. Успех следует завоевывать. Твоя энергия, твое желание понравиться всегда должны находиться на самом высочайшем уровне».

В день премьеры обладатели билетов оказались вознаграждены по достоинству. Шоу превзошло все ожидания. Занавес взмыл вверх, и зрителям предстал оркестр под управлением Джека Френча. Лайза мгновенно завела зал, с чувством исполнив знаменитую «Скажи да», за которой

последовали другие, не менее зажигательные вокальные и танцевальные номера.

Концерты в «Зимнем саду» явились захватывающим дух свидетельством многогранности исполнительских талантов Лайзы, причем некоторые из них открылись зрителю впервые. Например, подобно матери, Лайза была помешана на тщательной продуманности малейшего движения, каждой строчки, каждой декорации, каждого шага, вплоть до мельчайших элементов ее шоу. Такое пристальное внимание к деталям чрезвычайно важно для создания качественной программы, способной выдержать ряд представлений. Кроме того, Лайза добилась, чтобы в создании этой программы принимали участие лучшие продюсеры, и причем те из них, которые понимали, чего она хочет. Для концертов в «Зимнем саду» она пригласила дирижировать Френча, а Марвин Хэмлиш занял место музыкального координатора. Программу шоу составил Эбб, за костюмы отвечал Нэнси Барр. Что еще более важно — режиссуру взял на себя Боб Фосс, у которого она снималась в «Кабаре». Кстати, в ту пору между ними завязался роман.

В общем и целом критикам Лайза понравилась — и она сама, и ее программа. Вот что, например, писал Клайв Бернс из «Нью-Йорк Таймс»: «Лайза принесла с собой летнее солнце, и во всех отношениях ее программа просто превосходна. Возможно, причиной тому стало ее нервное напряжение и эти моменты высвобождения духа, которые придают ее концертам особый заряд. Ее энергия бьет ключом. Это не просто внешняя напористость, свойственная иным певицам, а скорее результат некоего внутреннего напряжения. Оно не может не найти выход, и при всей видимой легкости есть в нем нечто возбуждающее. Она обладает голосом, который то воркует, то нашептывает, то рычит. Ее умение обыграть песню неожиданно вновь предстало во всей своей яркости. Лайза напомнила нам, что она давно не девчонка из выдающегося «Кабаре», и она вовсе не желает потуже набить на этом карман, но на наших глазах создает образ Салли Боулс, одинаково близкий к ишервудскому как на экране, так и на сцене. Но почему только три недели, хотел бы я знать, мисс Миннелли? Пожалуйста, задержитесь в следующий раз подольше».

Дуглас Уоттс, обозреватель «Нью-Йорк Дейли Ньюз» узрел некое сходство Лайзы с творческой манерой матери — сравнение, которое было Лайзе явно не по душе. «Лайза держит зал в напряжении, но до истинного магнетизма ей еще далеко. И хотя она сама и ее помощники станут дружно это отрицать, образ отчаянной девчонки Джуди Гарленд витает где-то поблизости,

особенно в тот момент, когда Лайза, нарядившись в бархатный костюм с бриджами по колено и лакированные лодочки, затягивает «Мамми». Хочет она того или нет, но на ум тотчас приходит старая вещица Джуди «Убаюкай свою крошку доброй южной колыбельной». Лайзе, при всей ее неиссякаемой энергии и личной притягательности, еще далеко до Фрэнка Синатры или Стрейзанд».

Пройдет время, и Лайза начнет регулярно появляться на сцене вместе с Синатрой и ныне покойным Сэмми Дэвисом-младшим. Сравнения же со Стрейзанд уже ничего для нее не значили, поскольку сама Стрейзанд до смерти боялась давать концерты такого масштаба, которые Лайза и Джуди давали играючи.

Энтони Манчини, критик из «Нью-Йорк Пост» писал: «У Лайзы бесподобный голос, и ее песни призывают нас, несмотря ни на что, упиваться жизнью. И ей с легкостью это удается, в первую очередь благодаря ее таланту мгновенно создать атмосферу доверительности. Она скачет по сцене, как жеребенок, и большую часть программы это действительно Лайза через букву «З» со всем своим колдовством.

И хотя, выступая, Лайза чем-то походила на мать, ее резко отличало от Джуди полнейшее нежелание вступать в близкие контакты со своими поклонниками. Она не терпела никаких прикосновений, никакой близости со столпившимися у сцены почитателями. Мать и дочь роднила сосредоточенность на личном, на внутренней жизни, но поклонники Джуди не могли этого понять, в то время как поклонники Лайзы вскоре это для себя уяснили. По окончании каждого из ее трехнедельных концертов Лайза замыкалась в себе, избегая каких-либо контактов с аудиторией.

Вот один наглядный пример. Аллен Петрочелли, ее биограф, рассказывал о первой встрече с Лайзой: «Был канун Рождества 1970 года, и мы обедали в зале «Империя» отеля «Уолдорф-Астория». Вернее, не я, а мои родители, и я вместе с ними (Петрочелли в ту пору было всего тринадцать лет). Мой ум совершенно не зафиксировал того, что мы тогда ели (полагаю, это был цыпленок). Но зато я никогда не забуду десерт: два часа работы до седьмого пота, шелка, дамы, танец, блестки и песни. Лайза собственной персоной! Суббота 19 декабря — этот день вошел в историю, потому что тогда я впервые воочию увидел Лайзу. В первый раз, но не в последний. После концерта я подошел к ней попросить автограф. Шея ее была обернута полотенцем, которое впитывало градом катящийся с ее лица пот. Она была выжата как губка. Лайза только раз посмотрела на мою

протянутую руку, на ручку и клочок бумаги и выкрикнула (дословно): «Нет, нет, прошу вас! Я не могу!» Это был самый шикарный отказ в моей жизни».

Безусловно, Лайза отдает себе отчет в том, что на сцене она — «звезда» и поэтому волей-неволей вынуждена появляться на публике и давать интервью — это все часть той цены, которую приходится платить за славу и материальные блага, которые слава с собой приносит. Но личные контакты с поклонниками — это уж слишком.

Вот что говорила она сама: «Я не люблю допускать посторонних в мою личную жизнь, и мне безразлично, что там обо мне пишут. Поймите правильно — я сама не против посплетничать о ком-то еще, о чьих-то старых грехах. Но только не о себе. Меня постоянно донимают расспросами: «Ну, как это было?» Люди почему-то не могут понять одну простую вещь — то, что в прошлом, для меня больше не существует. Теперь я живу другой жизнью. С какой стати мне должно быть интересно копаться в прошлом?»

Сравните это высказывание с тем постоянным общением со слушателями, которое сопровождало Джуди Гарленд на протяжении ее турне по двенадцати городам Америки и закончилось 23 апреля 1961 года грандиозным аншлагом в «Карнеги-Холл». Вот как вспоминает об этом потрясающем событии критик Джудит Крайст: «Я помню, как Леонард Бернстайн, не стесняясь катившихся по лицу слез, вопил от восторга, а Хэнк Фонад вторил ему возгласами «Браво!». Никто не желал первым покинуть зал. Аплодисменты и выкрики слились в оглушающий рев, а зрители — весь зал — сорвавшись с мест, бросились к сцене. Протянув вперед руки, люди наперебой выкрикивали: «Джуди! Джуди!», и она, насколько позволяла возможность, старалась прикоснуться к каждому».

Публика тогда оказалась вовлечена в некий коллективный акт преклонения перед этим исключительным даром, чьи гены, спасибо судьбе, передались и Лайзе — в ту пору ей было шестнадцать лет, и она сидела в первом ряду вместе с Лорной и малолетним Джои.

Вот как описывает выступление Джуди еще одна свидетельница: «Джуди Гарленд не только самая темпераментная исполнительница всех времен и народов, нет — она превзошла рамки таланта и славы, став редчайшим явлением в шоу-бизнесе. Наполовину «Синяя птица», наполовину Феникс, она стала легендой нашего времени».

Та же самая судьба была уготована Лайзе. Выступая годы спустя в «Зимнем Саду» и судя по реакции публики, она

произвела не меньший фурор — на все ее концерты пришлось даже продавать входные билеты без мест.

Вот что писала о ней «Вэрайети»: «Не просто исполнительница песен и танцев, но настоящая актриса, способная донести до нас тончайшие оттенки и выражением лица, и телодвижениями, она являет собой пикантную смесь уверенности и робости, напора и утонченной сдержанности. И ничто не отделимо от другого. Поклонники не остались разочарованы. Скептики сдались. Взятый с самого начала бешеный темп бьыл выдержан до конца. Это шоу-бизнес в своем истинном, профессиональном проявлении».

Подобная оценка подтверждается и невиданными доселе кассовыми сборами — за три недели зрители выложили из своих карманов 413 815 долларов — гигантская сумма! В конце 1974 года концерты завершились, и для Лайзы началось очередное турне по ночным клубам и роман с Беном Вереном.

1976 — год Бена и Джека

Лайза и Бен Верен познакомились 30 мая 1972 года в Нью-Йорке. Бен тогда исполнял роль Иуды в бродвейской постановке нашумевшего мюзикла «Иисус Христос — Суперзвезда». Лайза же оказалась там в тот момент потому, что записывала для Эн-Би-Си свою телепередачу «Лайза через букву «З». Вот как Бен описывает первую их встречу: «Когда мы познакомились, Лайза только что закончила сниматься в «Кабаре», я же был занят в «Иисусе Христе». Они обычно заходили ко мне с Бобом Фоссом. Она здорово помогла мне своими советами».

Спустя год Лайза уже давала ему советы по поводу совершенно иных вещей, и между ними завязался роман. Они поначалу стремились его не афишировать, скорее всего потому, что Бен был черным и к тому же женат, хотя позднее они дружно утверждали, что оба этих факта ровным счетом ничего не значили.

К февралю, видимо, так оно и было, поскольку эта парочка угодила на страницы «Ньюсуика», поместившего их потрясающее фото работы Франческо Сканвулло. На фотографии была изображена обнаженная по пояс Лайза, которую сзади обхватил руками так же полуобнаженный Бен. Благодаря этому фото весь мир наверняка узнал об их «тихом романчике».

«Это был шикарный, просто фантастический снимок, — говорит Бен. — Лайза впереди, а я обнимаю ее сзади. И хотя номер был посвящен Роберту Редфорду, именно благодаря нашей фотографии он повсюду шел нарасхват. Между прочим, я до сих пор храню оригинал этого снимка».

Бен Верен начинал свою карьеру учеником пастора. Родился он в Майами, но детство его прошло в одном из самых неблагополучных районов Бруклина — Бедфорд-Стайвесант, — где отец мальчика работал на лакокрасочной фабрике, а мать заведовала костюмерной в одном из театров.

Бен посещал теологическую семинарию пятидесятников на Манхэттене, однако задержался там ненадолго.

«Стать пастором для меня тогда представлялось единственной возможностью выбраться из гетто, — рассказывает Бен, — но меня постоянно спасала одна вещь — я опускался на колени и пытался отогнать от себя лукавого». Позднее, говорит Бен, его занесло в шоу-бизнес, поскольку в нем было нечто родственное с проповедческой деятельностью. Это позволило Бену быстро найти контакт со зрителем.

Вскоре после публикации нашумевшего фото Бен с Лайзой

отправились в турне по городам, где у Лайзы были запланированы концерты — Сан Хуан, Лас-Вегас, Рио. Парочка уже ничего не стеснялась, обнимаясь и целуясь на виду у публики.

Они прекрасно провели время в Рио, что, однако, не помешало Лайзе поймать в свои сети и других мужчин, в том числе знаменитого бразильского плейбоя Педрино Аквинагу, первого красавца страны. За их знакомством последовали четыре дня неукротимой страсти и официальное заявление о намерении навсегда связать свои судьбы. Словом, неожиданно Лайза вознамерилась превратиться в бразильскую домохозяйку.

Возвратившись в Соединенные Штаты, Лайза, а с ней и ее менторы, призадумались о том, что, несмотря на весь ее громкий успех в ночных клубах и на концертной эстраде, она за несколько лет не снялась ни в одном фильме. Вот как Лайза объясняла это обстоятельство: «Мне хотелось, чтобы следующая моя работа что-то из себя представляла. На меньшее я бы не согласилась. И я решила, что лучше подождать. Я не снимаюсь в кино лишь ради того, чтобы сниматься. Уж лучше я буду и дальше выступать с концертами». И все-таки и она, и ее наставники были сильно озабочены тем обстоятельством, что подавляющее большинство ее публики составляли зрители от «тридцати и старше».

Лайза и ее команда считали, что им срочно надо завоевывать молодежную аудиторию — ведь молодежь тратит значительно больше денег на концерты и пластинки, в особенности синглы, а у Лайзы синглов — раз, два и обчелся. Хитрость заключалась в том, чтобы привлечь молодого зрителя, не потеряв при этом зрителя традиционного.

В соответствии со вкусом своей обычной аудитории Лайза в 1974 году дала серию концертов. В апреле она выступила во время церемонии вручения «Оскара» и в специальной телепрограмме «Любовь от А до Я» с участием Шарля Азнавура, которую она чуть раньше записала в Англии. В том же самом месяце она удостоилась награды «Тони» за концерты в зале «Зимнего Сада». «Нью-Йорк Таймс» высоко отозвалась о ее совместной с Азнавуром телепередаче, похвалив Лайзу за ее новую, более сдержанную манеру, в особенности за отказ от слишком броской косметики.

Лайза также приняла участие в нескольких бенефисах, без которых не обойтись ни одному исполнителю. В марте она выступила в благотворительном шоу для актера Джима Стейси. Джим, ее хороший знакомый, лишился руки и ноги, когда его мотоцикл был сбит каким-то пьяным водителем. Лайза также составила компанию Кэрол Уэннинг и Тони Беннетту в шоу

«Приятели Джуля» в «Паласе», в честь Д жуля Стайна.

Продолжая завоевывать молодежную аудиторию, без которой, начиная с шестидесятых годов, не мог обойтись ни один исполнитель, Лайза в то же время удостоилась награды «Женщина года», присуждаемой гарвардским клубом «Заварного пудинга»[3]. Лайза была в восторге от оказанной чести и даже приняла участие в Параде, прокатившись в открытом «линкольне» модели 1940 года под восторженные крики поклонников и зевак.

Чем больше Лайза задумывалась о необходимости завоевания молодежной аудитории, тем решительнее она склонялась к мысли, что ей нужен мужчина с женским именем, а именно Элис Купер. В ту пору Купер — настоящее его имя Винсент Фурнье — был самым ходким товаром на молодежном рынке, и, по мнению Лайзы, имело смысл выпустить несколько совместных записей — к обоюдной выгоде. Лайза пыталась ввести в свои шоу номера в исполнении Купера, но реакция публики, увы, не внушала оптимизма. Позднее Лайза участвовала в записи одного из куперовских дисков «Мышца любви». Но, к величайшему разочарованию, завоевать молодежного зрителя ей так и не удалось.

Еще один проект закончился для нее столь же плачевно, как, впрочем, и для многих других, — печально знаменитое мошенничество с инвестициями, известное как «Хоум-Стейк». Некая безналоговая зона, занимавшаяся добычей нефти, «выкачала» около ста миллионов долларов у таких знаменитостей, как Лайза, Кэндис Берген, Бадди Хакетт, Олег Кассини, сенаторы Джекоб, Джевиц и Эрнст Холдинг. Разумеется, этот радужный проект, суливший скорое обогащение, лопнул, как мыльный пузырь.

В этой ситуации поднять настроение Лайзы мог разве что новый любовник. Им стал еще один отпрыск еще одной кинозвезды, сорокалетний Джек Хейли-младший, снискавший себе славу неутомимого дамского угодника. С Лайзой у них было много общего. Дети Голливуда, Нью-Йорка и шоу-бизнеса в целом, они имели немало общих воспоминаний. А главное, они оба были родом из «Страны Оз». Джек-младший родился в Лос-Анджелесе 25 октября 1933 года и уже с первых дней жизни окунулся в мир шоу-бизнеса. Его отец, Джек Хейли-старший, снискал себе имя в театре и кино еще до того, как сыграл роль, увековечившую его, — Железного Дровосека в «Волшебнике из страны Оз». Мать мальчика Флоренс МакФадден Хейли когда-то слыла первой красоткой Эрла Кэррола. Крестными родителями Джека стали Фред и Портленд Аллен, а крестными его сестры Глории — Эд Салливэн с женой. Джек-младший познакомился с

Джуди, матерью его тогда еще не родившейся будущей возлюбленной, когда ему было всего шесть лет, и он являлся завсегдатаем съемочного павильона МГМ, где в ту пору как раз и шла работа над «Волшебником из страны Оз».

Если верить Реймонду Стрейту, автору книги «Голливудские дети», Джек Хейли-младший резко отличался от остальной киношной ребятни. «В отличие от других голливудских отпрысков, — пишет Стрейт, — Джек Хейли уверен в себе, в своей работе и в своем месте в этом мире. Детские годы его прошли на улицах и холмах Беверли Хиллз, поэтому неудивительно, что ему удалось сохранить положительные стороны этого звездного карнавала. Он открыто рассказывает о себе и своей семье, и я серьезно сомневаюсь, что у Хейли имеется свой «Чулан с секретами». Сегодня Джек Хейли-младший — это вполне современный кинодеятель, а не какой-нибудь там невротик-неудачник, пытающийся убежать из-под тени собственного отца — наоборот, он возвышается рядом с родителем в полный рост».

В 1974 году Джек получил на МГМ пост директора по творческим вопросам и тотчас принялся убеждать студийных боссов, и главного из них, Джима Обри по кличке «Улыбающаяся кобра», сделать фильм, в котором рассказывалось бы обо всех эмгээмовских мюзиклах, снискавших студии громкую славу. Обри дал добро на черновой вариант, который затем был показан остальному эмгээмовскому начальству. Те пришли в безудержный восторг и в свою очередь дали добро на доведение дела до конца. Хейли так и поступил, но это стоило ему начальственного кресла — он посвятил все свое время созданию фильма, который озаглавил «Вот это веселье». Результат превзошел все ожидания — это была приятная во всех отношениях документальная лента, посвященная истории голливудских мюзиклов, снискавшая Джеку прозвище «Волшебник страны «Прошлое»/Wizard of Was/.

Лайза и Джек познакомились в 1959 году. Джек Хейли в ту пору проходил службу в авиации, но на самом деле занимался тем, что снимал учебные фильмы. В тот день, получив увольнительную, он присутствовал на вечеринке по случаю дня рождения своего приятеля Джорджа Гамильтона. Лайза, которой тогда было всего четырнадцать лет, бросилась в глаза двадцатисемилетнему Джеку как весьма своеобразный подросток. Большую часть вечера они провели разговаривая друг с другом.

Работая над лентой «Вот это веселье», Джек возобновил знакомство с Лайзой. Кстати, до этого он видел ее во время вручения награды «Золотой Глобус» за 1974 год. Забавный подросток, с которым он познакомился на вечеринке у Джорджа Гамильтона, оказывается, за это время вырос! Лайза, теперь уже

полноправная «звезда», делилась в его фильме воспоминаниями о матери, блиставшей в большинстве знаменитых эмгээмовских мюзиклов. Вскоре Джек и Лайза стали неразлучными друзьями, а еще через несколько дней объявили о помолвке. Репортер светской хроники писал: «Как мне кажется, любая девушка хотя бы раз в жизни должна попытаться выйти замуж за Джека Хейли».

Как только было объявлено о помолвке, Лайза поспешила добавить, что они обязательно поженятся, если только не передумают. Однако, прежде чем связать себя брачными узами с Джеком, ей еще предстояло развестись с Питером Алленом.

Среди всей этой суматохи Лайза с Джеком улизнули отдохнуть в Европу, чем привели в восторг прессу, в особенности бульварную. Подумать только, дочка «милашки Дороти» собралась замуж за сына «Железного Дровосека»!

Мало кого смущало то обстоятельство, что ей было всего двадцать восемь, а ему сорок. По мнению самой Лайзы: «Джек полон жизни, все эти сопляки, что околачиваются вокруг Голливуда, ему и в подметки не годятся. Просто я знала, что выйти замуж за мужчину старше по возрасту — это именно то, что мне надо. Старшие мужчины обладают жизненным опытом, и, как мне кажется, это самое главное, Джек способен дать мне чувство уверенности. А его глаза! Какие у него чудные голубые глаза! Первое, во что я влюбилась, так это в его глаза! Мне всегда казалось, что они живут своей отдельной жизнью».

Тем временем бывший супруг Питер Аллен решил подать на развод, договорившись, наконец, с Лайзой о разделе имущества. Питера мало обрадовала идея развода, впрочем, как его мало радовала и жизнь врозь. Тем не менее, позднее он заявил; «Когда живешь врозь дольше, чем вместе, пора, наконец, и развестись».

Лайза решила, что лучше всего будет поселиться в доме Джека на Деалин-Драйв в Голливуд-Хиллз, однако она явно недооценила тот факт, что это придется не по вкусу многим голливудским дамам, включая даже кое-кого из ее знакомых. Вскоре она обнаружила, что ее приятель не зря пользуется репутацией дамского угодника. «Мне пришлось иметь дело с несколькими весьма ревнивыми особами, — рассказывала Лайза. — Наверно, они все дружно вылезли из своих самых темных щелей, чтобы наброситься на меня и растерзать!»

По словам Лайзы, им с Джеком было весело вместе. «Я замужем за своей карьерой. У меня нет времени за замужество. Джек мне просто друг. В любом случае, пока я еще замужем за Питером Алленом и никаких изменений не предвидится».

В тот промежуток времени, когда они с Лайзой все еще считались мужем и женой, Питер тоже усердно делал себе

карьеру. В 1973 году он получил приглашение выступить в «Рино Свини», пресловутом манхэттенском клубе, куда можно было спокойно явиться в чем угодно, ну или почти в чем угодно, например, в джинсах или же в смокинге, или же надеть нечто среднее. Именно такое заведение было больше всего по душе Лайзе и ее компании, и однажды она в обществе Лорны и Бена Верена заявилась в клуб, когда у Питера там шла программа. С бывшим мужем она даже не поздоровалась.

На следующий год Аллен сочинил песню «Я искренне люблю тебя», ставшую хитом в исполнении Оливии Ньютон-Джон. Он также записал свой первый альбом для компании «A&M Records» — «Континентальный американец». По иронии судьбы, другой любовник Лайзы, Боб Фосс, использовал музыку из этого альбома в своем фильме «Весь этот джаз». В профессиональном плане дела у Питера шли вполне успешно, однако ему остро недоставало одного человека — женщины, перевернувшей всю его жизнь и открывшей ему будущее, как никто другой. Ему недоставало Джуди. Именно ей он посвятил свою песню «Пожалуйста, потише — на сцене женщина».

Тем временем Лайза и Джек находились в Нью-Йорке, где посетили новое бродвейское шоу Сэмми Дэвиса. Затем их занесло на светские приемы в Ниццу и Монако, где они оказались в числе гостей князя Ренье и княгини Грейс.

После Европы у Лайзы началось очередное турне, открывшееся двухнедельной программой в отеле «Ривьера» в Лас-Вегасе. Поскольку это было повторением программы, показанной в «Зимнем Саду», билеты разошлись в считанные дни, задолго до 10 июля, когда состоялся концерт. И снова «Вэрайети» пропела Лайзе дифирамбы: «Она превратилась в настоящую чародейку, ее исполнение практически достигло совершенства».

Во время своего первого ночного шоу Лайза объявила, что они с Джеком намерены пожениться. На следующий день, 24 июля 1974 года, нью-йоркский суд дал Питеру развод на том основании, что все последние четыре года из семи лет их брака супруги проживают раздельно.

По воспоминаниям Лайзы: «Мы ехали с Джеком в машине по Бульвару Сансет, и он сказал: «Давай поженимся!», а я ответила: «О'кей». Вот так все произошло, совсем просто. Но это не было минутным порывом. Мы оба давно уже думали об этом. И нам обоим было известно, к чему все идет».

Это решение, казалось, одобряли все, за исключением бывших подружек Джека, таких, как Нэнси Синатра, Джил Сент-Джон и Сью Лайон. Из них троих сильнее всех расстроилась Нэнси — в 1969 году они с Джеком объявили о помолвке, однако

свадьба так и не состоялась.

Винсенте Миннелли встретил решение дочери вторично выйти замуж с энтузиазмом, в отличие от первого брака, когда он высказывал сомнения по поводу ее союза с Питером.

Лайза поделилась заветными желаниями с репортерами: «Мне нужен мужчина одновременно и нежный, и добрый, и обладающий чувством юмора, который будет понимать меня и с которым не соскучишься — то есть такой, с кем можно проводить время. Если кто-то любит вас, он дарит вам и свое имя. Собственно говоря, именно к этому все и сводится. Я верю в традицию. Я рождена в традиции. Мои родители были романтиками. Я вышла замуж (за Питера) совсем юной и не отдавала себе отчет в последствиях моих действий. Мы были детьми, игравшими во взрослую жизнь. Я ни разу не задумывалась о ребенке, потому что сама была ребенком. А к тому времени, когда, как мне казалось, я созрела для этого решения, стало уже поздно. Момент был упущен».

После этого интервью Лайза вновь приступила к выполнению контрактных обязательств. Она моталась по городам и странам, давая концерты в столь непохожих местах, как Пенсильвания, Испания, Канада, Миннесота, Айова, Индиана, Огайо. 15 сентября 1974 года, после того, как она приняла участие в программе «Сегодня вечером» — ровно через месяц после официальной помолвки, — они с Джеком поженились. Состоялось это знаменательное событие в Монтесито — зажиточном пригороде Санта-Барбары. Церемонию провел судья из Беверли-Хиллз Джон Гриффит. Родители молодоженов при сем не присутствовали. Джек-старший и Винсенте поздравили детей во время скромного семейного торжества, состоявшегося в доме Хейли сразу после брачной церемонии.

Надо сказать, что поначалу все сильно переполошились, поскольку Лайза опаздывала на целый час, но в конечном итоге все утряслось. Сэмми Дэвис-младший и его жена выступили в роли свидетелей. Невесту подвел к жениху ее старый друг и музыкальный наставник Фред Эбб. Вот как Сэмми отзывался о своей роли: «Я чувствовал себя по отношению к этой девчонке этаким дядюшкой. Я был у них шафером, потому что Джек и Лайза и есть мои самые лучшие друзья».

В память о свадьбе жених преподнес невесте браслет с бриллиантами, украшенный следующей надписью: «Я дарю тебе все, что у меня есть, мое имя и мое сердце».

На Лайзе был веселенький, ярко-желтый брючный костюм от Хальстона с желтыми же аксессуарами и браслет. Пожалуй, самой шикарной деталью ее наряда были туфли от Бет Левин,

украшенные тысячами алых блесток. Они чем-то напоминали собравшимся волшебные рубиновые туфельки из «Волшебника из страны Оз».

На следующий день молодые принимали поздравления во время торжественного приема, устроенного Сэмми Дэвисом и Винсенте в ночном клубе «Сиро» на Бульваре Сансет. Парочка сияла в окружении знаменитых гостей, пришедших разделить их радость в стенах шикарного клуба с видом на весь город. В числе приглашенных знаменитостей были Элизабет Тейлор, Ширли Мак-Лейн, За За Габор, Джонни Карсон, Рита Хейворт, рокеры Элис Купер и Дэвид Боуи, Фред Астер, Джордж Гамильтон и Эдгар Берген с супругой. Эту ночь Голливуд запомнил надолго. Учитель Лайзы в области моды, Хальстон, присутствовал здесь при весьма необычных обстоятельствах. Вот как он сам описывает путешествие длиной в шесть тысяч миль, которое он предпринял, дабы засвидетельствовать свое почтение: «Мне едва хватило времени, чтобы добраться из аэропорта в отель, принять душ, побриться и надеть смокинг. Я улетел назад в Нью-Йорк уже в час ночи, но мое путешествие того стоило. Лайза ведь была мне как сестренка». Совместную жизнь супруги начали медовым месяцем в Лондоне, причем и они сами, и их друзья были уверены в том, что их союз — надолго. Джек удостоился специального свадебного подарка — за несколько часов до свадебной церемонии стало известно, что он назначен главой телевизионного отдела студии «XX Век-Фокс». Он занимал этот пост до 1976 года, но в конечном итоге все-таки подал в отставку, предпочитая быть независимым продюсером. Новый пост существенно ограничивал его возможности путешествовать вместе с женой, которую работа забрасывала в самые немыслимые уголки света. Имелись и другие ранние признаки того, что не все сложится у них благополучно. Постоянно возникали всякого рода кривотолки, что-де между супругами не так все гладко, как кажется на первый взгляд. По мнению журналистки Барбары Гризутти Харрисон, Лайза видела в Джеке в первую очередь отца. Харрисон легко могла прийти к такому выводу — ведь Лайза нередко называла мужа «Папочкой» или «Винсенте».

Как бы там ни было, очевидно то, что Лайза воспринимала Джека как опору, защитника и любящую душу, что, должно быть, являлось для нее приятным разнообразием после Питера Аллена и крикливой, кривляющейся толпы его знакомых.

Ад в Мехико. Рай в Чикаго

То, что Лайза добилась успеха в кино, подтверждает хотя бы тот факт, что ей было предложено более четырехсот сценариев — продюсеры надеялись, что она все-таки клюнет на какой-то из них, и тогда новый триумф уже наполовину гарантирован. В конце концов, в 1975 году Лайза остановила свой выбор на «Везучей» (Лаки Леди), но, как всегда, это оказалось не совсем то, чего она ожидала. В фильме рассказывалось о судьбе Клэр, подружке бутлеггера, которой не дает покоя мечта о деньгах. Эта же мечта и подводит ее. Опять-таки, многие в очередной раз задавались вопросом, а не ошиблась ли Лайза в своем выборе, даже несмотря на то, что в фильме, кроме нее, были заняты такие актеры, как Берт Рейнольдс и Джин Хэкман, а режиссером картины оказался Стэнли Донен.

Вот что говорит сама Лайза: «Я выбрала этот сценарий, потому что он был первым после «Кабаре», который мне понравился, ведь я к тому времени перечитала их уже около четырехсот! Это была первая картина, в которой имелись два героя, а между ними женщина! Да я бы отдала все на свете, чтобы сняться в нем!»

Лайза удостоилась верхней строчки в картине, где, кроме нее, снялись две звезды первой величины! Первоначально лента задумывалась как комедия о Клэр-Добби — рыжеволосой (вернее, цвет ее волос описывался как «мандариновый») певичке, которая из-за превратностей судьбы в период «сухого закона» связывается с парочкой бутлеггеров. Они наживают себе барыши, поставляя виски из Мексики в Калифорнию.

Картину предполагалось снимать в Гуйамосе, мексиканском городишке на побережье Калифорнийского залива. Забавные истории, пьесы и фильмы часто строятся на путанице в персонажах, и в «Лаки Леди» не обошлось без этой путаницы с самого начала съемок, к которым приступили в феврале 1975 года, — правда, с той особенностью, что путаница возникла среди самих участников.

Бульварная пресса, как и следовало ожидать, подливала масла в огонь, утверждая, будто всякий раз, когда съемочная группа выезжает на натуру куда-нибудь на экзотику в тропический климат, все актеры заводят романы.

Вполне естественно, что и вся остальная пресса подхватила эту байку и тотчас связала Лайзу с Бертом Рейнольдсом, поскольку Берт только что расстался со своей прежней подружкой Диной Шор. Сказать по правде, (если кто и оказался у Берта в

постели, то это сестра Лайзы, Лорна, однако Лайзе не хотелось делать из этого факта всеобщее достояние, и она просто отмахнулась от слухов. «С тех пор как я вышла замуж, я спала только с собственным мужем», — заявила она. Лайза регулярно звонила Хейли в Голливуд, где Джек, разумеется, читал светскую хронику. И вряд ли это занятие доставляло ему удовольствие.

Продюсеры тоже были недовольны, потому что съемки растянулись на полгода вместо положенных трех месяцев. Частично в этой задержке повинны ветер и море — из-за шторма долго не удавалось снять сцены на воде. Многие из тех, кто был занят в съемках, начали воспринимать ситуацию в черном свете, а это, как и следовало ожидать, привело к поиску козлов отпущения. Вот что воскликнула как-то Лайза: «Гуйамос не просто кошмарное место! Оно поистине воплощение кошмара». Чтобы как-то скрасить ей скуку, Джек каждую неделю прилетал навестить жену. При помощи небольшого кинопроектора он крутил фильмы, используя вместо экрана простыню.

Мексиканцы предпочитали иметь дело со щедрыми янки, а съемочная группа состояла преимущественно из англичан. Позднее Лайза и Берт обрушатся с резкой критикой на Донена, обвиняя его во всех смертных грехах. Им было невдомек, что режиссер получал «ценные указания» от своих голливудских боссов, которые просматривали отснятый материал и вносили поправки, включая концовку фильма — предполагалось, что Рейнольдс и Хэкман будут под занавес убиты.

Студия же настояла на слащавых заключительных кадрах, когда богатая, нашедшая себе мужа героиня вспоминает старые добрые деньки.

Студийное начальство, возглавляемое шефом производственного отдела, сыном знаменитого отца, Аланом Лэддом-младшим, скроило финальную сцену в расчете на слезливую публику Среднего Запада, которой никак не хотелось, чтобы Хэкман и Рейнольдс в конце погибли. Судя по всему, то был синдром ленты «Смоки и бандит», в которой Рейнольдс бросает вызов закону, полиции, реальности, и обстоятельства требовали, чтобы герой остался жив — хотя бы для того, чтобы появиться в следующей картине.

По старой голливудской традиции, режиссер Донен пытался угодить сразу всем, что было непростительной глупостью. Например, Лайза уехала со съемок еще до того, как финальные кадры отсняли заново, и вскоре вылетела в Италию, чтобы сняться в другом фильме, «Это покажет время». Желая угодить ей, Донен, а с ним и вся команда, в том числе Хэкман и Рейнольдс, тоже слетали в Италию, чтобы переделать концовку. Лайза

приняла участие в съемках, хотя и без особого восторга — новый конец пришелся ей не по душе, как, впрочем, и весь фильм.

«Я пришла в ужас и отказывалась верить собственным глазам при виде того, что Стэнли сделал с картиной. Это было вовсе не то, в чем я согласилась сниматься. Новая концовка поставила все с ног на голову. В ней вырезали все самые романтичные, самые значительные сцены — да они просто кастрировали фильм! — и теперь из него получилась идиотская вещица в духе старой «Дороги» с участием Кросби, Хоупа и Ламур».

Рейнольдс был того же мнения.

«Стэнли Донен угробил картину — получилось нечто чудовищное. Из «Лаки Леди» при желании можно было бы сделать конфетку, и Лайзе был бы уготован второй «Оскар». Никогда в жизни больше не буду работать у Донена. Клянусь».

Мнение другого, более опытного актера объективно отражало реалии съемочной площадки: «Мне известна точка зрения Лайзы и Берта, — отозвался Хэкман, — однако когда дело доходит до принятия решения, то здесь режиссер волен поступать, как считает нужным».

Что касается самого Донена, то он был более откровенен, возможно даже, еще более откровенен, чем когда снимал фильм: «Лайза — это чрезвычайно эмоциональный ребенок, и я тогда сказал им: не нравится — уходите, я вас не держу. Я снимал «Лаки Леди» для миллионов людей, которые платят за то, чтобы посмотреть картину, а не для тего, чтобы ублажить горстку актеров».

В дополнение ко всем передрягам 1975 года Сид Люфт, который и без того, к неудовольствию Лайзы, продал кое-что из вещей ее матери, предстал перед судом за попытку вымогательства. Сид пытался силой отнять у Барнетта Глассмана двадцать восемь видеозаписей концертов Джуди Гарленд. Суд охарактеризовал Люфта как безработного бывшего мужа Джуди Гарленд, оказавшегося на мели. Судя по всему, Сид обзвонил вероятных покупателей пленок, внушая им, что, мол Глассман пират, рэкетир и вообще мошенник, и это, разумеется, пришлось мистеру Глассману не по вкусу. Суд приговорил Люфта к пяти дням тюрьмы условно и оштрафовал его на 500 долларов.

Тем временем Лайза вернулась в Нью-Йорк. Джон Кандер и Фред Эбб ставили на Бродвее новый мюзикл «Чикаго» о знаменитом убийстве, потрясшем город на Мичигане в 1924 году. Главную роль исполняла Гвен Вер дон, которая вскоре сделает себе имя в другом мюзикле — «Чертовы Янки».

Премьера состоялась 1 июля 1975 года, но спустя несколько недель Вердон подхватила ангину, и Эбб с Кандером остались без

главной героини. «Мы просто обмолвились в разговоре с Лайзой, что сидим без дела, и ей первой пришла в голову гениальная мысль. Она предложила себя на роль Гвен, и уже 8 августа вышла на сцену. Она исполняла роль Рокси Харт больше месяца, пока не вернулась Гвен».

Все были довольны тем, что Лайза временно займет место Гвен, однако у самой актрисы на то, чтобы подготовить роль, оставалось меньше недели. Лайза настояла, чтобы ее имя не упоминалось ни в афишах, ни в программках. Она опасалась двух вещей — что не оправдает ожиданий зрителей или же что ее заподозрят в том, что она пытается затмить собой Гвен. И тем не менее, даже после простого заявления для прессы, билеты на пять недель с ее участием разошлись за полдня.

Критик Стенли Лебовский узрел в согласии Лайзы выступать в спектакле желание вернуть старые долги его постановщикам. «Лайза пошла на это из уважения к Кандеру и Эббу, — заявил он. — Она не забыла, что обязана им своей карьерой. А еще она сделала это ради Боба Фосса, режиссера мюзикла. Он был ее близким другом, и с нее причитается».

Обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Клайв Барнс объявил своим читателям о замене, подчеркнув, что продюсеры хотели бы по возможности не привлекать особого внимания к факту замены Гвен.

И хотя билеты на спектакль с участием Лайзы разошлись практически мгновенно, очереди были и за билетами на спектакли с Гвен. Кроме того, по мнению Барнса, продюсеры совершенно не продумали, как им заменить заболевшую актрису. «Это все равно, что сравнивать между собой вино белое и красное: мисс Вердон — танцовщица, которая еще и поет, — в то время как мисс Миннелли — певица, которая еще и танцует, и обе они по отдельности хороши — каждая в своем роде».

Барнс был давним поклонником обеих, в особенности Лайзы. Вот что он писал: «Мисс Миннелли можно без всяких колебаний назвать прекрасной декаденткой, если бы не ее невинные, широко раскрытые глаза, мощный голос и уверенные манеры, и все это, вместе взятое, придает волоокой, кукольной героине, этому убийце, Рокси Харт, нечто очаровательное и сентиментальное. Как исполнительница мисс Миннелли вдвойне прекрасна и затмевает собой всех и вся. Она — колоссальная фигура в шоу-бизнесе, хотя в ней есть нечто от беспризорника, нечто такое, что до боли напоминает Пиаф… Именно эта ранимость и придает ей особое очарование».

В течение пяти недель, пока Лайза исполняла роль Рокси Харт, снова дала о себе знать ее смертельная боязнь поклонников.

Вечер за вечером в Театре Сорок шестой улицы диктор за сценой оповещал зрителей; что вместо Гвен Вердон на сцену выйдет Лайза, и вечер за вечером публика давала понять, что именно ради этого сюда и пришла. Как-то один из зрителей вскочил во время спектакля на сцену и принялся гоняться за Лайзой. Непредсказуемость поклонников вынуждала ее идти на различные уловки, чтобы незамеченной прошмыгнуть в театр или выйти из него. Однажды вечером, когда ее фокус не удался, ей ничего не оставалось, как броситься со всех ног к поджидавшему ее лимузину, подобно тому как лань спасается бегством от стаи волков.

Другая участница спектакля, Чита Робертс, так описывает этот случай: «Стоило Лайзе прийти к нам в мюзикл, тотчас началась свистопляска! Фэны, как очумелые, лезли на сцену, пытаясь сгрести ее в охапку, или же пытались прокрасться за кулисы. Они шли на любые ухищрения, лишь бы взглянуть на нее. Это было нечто! Помню, как однажды вечером мы раскланивались перед публикой по окончании спектакля, а одна девица запрыгнула на сцену. Занавес опустился, но она так и осталась стоять. Лайза крикнула: «Беги, Чита». Я никак не могла взять в толк, что, собственно, происходит, и не успела я и глазом моргнуть, как Лайзы и след простыл. И тогда это девица хватает меня! Мне казалось, что ей нужен был автограф Лайзы, но нет, у нее в руках была какая-то книженция обо мне! Вот это номер! Я потом рассказала Лайзе, и мы с ней хохотали до упаду! Ну кто бы мог подумать, что кому-то взбредет в голову хватать меня! В те дни, дорогуша, все поголовно помешались на Лайзе!»

Когда время замены подошло к концу, Лайза закатила в отеле «Сент-Реджис» потрясающую вечеринку, на которую пригласила всех занятых в спектакле. Это было весьма мило с ее стороны, поскольку, по идее, все должно было быть наоборот, однако ей хотелось остаться в глазах у всех шикарной дамой. Да она и была такой! Фред Эбб также показал, что и он истинный джентльмен, и подарил ей золотой амулет в виде конфетки в знак признательности за то, что она в последний момент выручила спектакль.

Последовала и еще одна профессиональная похвала, на сей раз от Читы — она вспоминала, как они с Лайзой отлично проводили время вдвоем на сцене: «Я выступала в мюзиклах уже давно, и мне казалось, что уж я-то знаю, как кланяться зрителям. Чушь! Когда к нам в «Чикаго» пришла Лайза, она показала мне, как это делается на самом деле. Понимаете, есть поклоны, а есть поклоны Лайзы».

«Чикаго» привело Лайзу назад в Нью-Йорк в середине

семидесятых, в период повального увлечения музыкой «диско», когда секс, вкупе с кокаином или без оного, стал более доступен, чем воздушные лимонные пирожные из единственного оставшегося на Манхэттене кафе-автомата. Символом этого феномена стала трансформация старой радиостанции в «Мекку золотой молодежи», знаменитую дискотеку «Студия 54» или просто «Студию», как именовали ее свои люди. Верховным жрецом этого нового храма вскоре стал небезызвестный Хальстон, а Лайза превратилась при нем в верховную жрицу.

Отец и дочь — совместное творение

Отец с дочерью продолжали мечтать о том, чтобы сделать совместный фильм. «Я ждала момента сняться у отца с тех пор, как мне исполнилось пять лет, — рассказывала Лайза. — Оставалось только правильно выбрать тему». Особенно их обоих привлекала идея сделать что-нибудь по Скотту Фицджеральду. Вот как рассказывал об этом сам Винсенте: «Безумный гедонизм двадцатых стал едва ли не притчей во языцех, а вот элегантность той эпохи почему-то оказалась забыта. Это не просто десятилетие чарльстона и «ча-ча-ча». Двадцатые годы — это еще и Отто Хан, это «Метрополитэн-Опера», это американцы в Париже. Мы с Лайзой решили, что в основу нашего подхода будут положены изысканность и стиль».

К сожалению, ни одно из произведений Фитцджеральда им не подошло, а другие возможности повисли в воздухе. Отец с дочерью продолжали поиски, и Винсенте снова и снова возвращался к «Фильму памяти», в основу которого был положен роман Мориса Дрюона о последних днях маркизы Луизы Казатти.

Когда-то в 1910 году маркиза считалась общепризнанной красавицей, кружившей голову видным, самым богатым мужчинам того времени, однако доживать свой век ей, увядшей и обнищавшей, пришлось в убогой римской гостинице, вспоминая свои лучшие дни. В романе повествуется о том, как обыкновенная горничная, вдохновленная ее рассказами, как бы заново переживает ее жизнь. Этот сюжет уже был использован в 1963 году — в спектакле «Графиня», главную роль в котором сыграла Вивьен Ли.

После публикации в 1974 году его мемуаров Винсенте загорелся желанием снять еще один драматический фильм, на этот раз вместе с дочерью. В начале 1973 года он выяснил, что «Фильм памяти» может, наконец, быть выставлен на торги, и Винсенте не терпелось поскорее взяться за дело.

Вот что он рассказывает: «Когда я впервые прочитал английский перевод книги Мориса Дрюона, я почувствовал, что из него выйдет великолепный фильм. На протяжении последних лет различные продюсеры не раз делали на него заявки, но каждый раз, когда я пробовал претендовать на сценарий, было уже слишком поздно, либо же требовались дополнительные деньги. Я уже потерял всякую надежду, что когда-нибудь сниму фильм по этой чудной книге».

Когда Винсенте узнал, что, по всей вероятности, скоро получит возможность снять «Фильм памяти», он решил, что Лайза

вполне подойдет на роль главной героини, хотя раньше, подавая заявки на картину, он представлял ее несколько иначе.

К сожалению, в Голливуде тоже многое изменилось, теперь здесь все делалось по-другому. Теперь уже не студии решали, какие фильмы им снимать. Все, что делали когда-то студии, теперь делали независимые продюсеры, а Винсенте еще не освоился в этом новом для себя качестве. Он снимал не просто свой последний фильм, а в некотором роде и самый важный, это было нечто вроде признания в любви своим поклонникам и своей семье. Однако на него свалилось при этом множество непривычных обязанностей. Винсенте по недомыслию взял себе в помощники двух «ветеранов» — продюсера Эдмунда Грейнджера и Джека Скирболла, — которые, так же как и он, были новичками в деле независимого производства. Они предлагали проект буквально каждому банку, каждой студии в Голливуде — но безрезультатно.

Абсолютно никто не изъявил желания взять на себя финансирование и прокат картины: ни сюжет, ни исполнительница главной роли, ни сам проект никому не показались заманчивыми. Как говаривал когда-то Сэм Голдвин, все предпочли «остаться в стороне». Совсем отчаявшись, продюсеры заключили сделку с Сэмюэлем Аркоффом из «Американ Интернэшенэл Пикчерз», создававшим незамысловатые поделки для «драйв-инов»[4], зрителям которых было не до художественных тонкостей. Среди киношников Аркофф считался недоразумением и «позором киноиндустрии».

Аркофф клюнул на этот проект, но не потому, что ему понравился сюжет, а потому, что он пришел в восторг от одной только мысли, что сам Винсенте Миннелли сделает для него картину, тем самым подняв его престиж в кино-бизнесе. Итак, осенью 1975 года Винсенте приступил к съемкам, официально работая на Сэма Аркоффа и его студию. Дела, однако, пошли на лад, когда Винсенте удалось уговорить две «ходячие голливудские легенды» принять участие в его картине. Стареющую графиню согласилась сыграть Ингрид Бергман, а ее супруга — Шарль Буайе. Винсенте прибавил актерскому составу еще больше блеска, пригласив участвовать в картине нескольких европейских звезд, которые, при всех их достоинствах, обошлись ему в довольно скромную сумму. В этом созвездии оказались Амедео Наззари, некогда кумир итальянских девушек, Фернандо Рей, любимец испанских зрителей, и дочь Ингрид Бергман, молоденькая Изабелла Росселлини.

Винсенте вот уже шесть лет ничего не снимал, однако он был полон решимости сделать из своей картины памятник самому

себе. Далее, Винсенте, Грейнджер, Скирболл и Аркофф сошлись во мнении, что название «Фильм памяти» им не по вкусу, и они изменили его на «Кармеллу». Затем они решили, что «Кармелла» тоже не очень, и поменяли его на «Нину», однако вскоре и «Нина» пришлась не ко двору, и ее заменили новым заглавием «Это покажет время». Съемки начались в конце 1975 года, как только Лайза освободилась после «Лаки Леди».

Фильму не везло с самого начала, хотя в нем вроде бы был задействован отличный актерский состав и первоклассный кинооператор Джеффри Ансуорт. Джон Кандер и Фред Эбб сочинили пару оригинальных песен, а Джон Гей взял на себя сценарий. Согласно плану съемки должны были уложиться в четырнадцать недель, однако в результате забастовок итальянского персонала они растянулись почти на пять месяцев. К тому же итальянские кинолаборатории не слишком утруждали себя работой и имели привычку портить отснятый материал. Как и следовало ожидать, первоначальный график оказался сорван, издержки выросли до чудовищных размеров, а заключительная черновая копия растянулась на три часа дольше положенного. Аркофф, опасаясь, как бы деньги не оказались выброшены на ветер, а весь объект не лопнул, словно мыльный пузырь, отстранил Винсенте от заключительного этапа работы над картиной, и тот никоим образом не смог повлиять на качество монтажа. Монтаж — важнейший этап в создании любого фильма, и в зависимости от того, кто им руководит, могут получиться совершенно разные версии одной и той же картины.

Лайзе также не давали покоя некоторые детали. Ведь это будет единственный фильм, который ей удастся сделать вместе с отцом, и поэтому все должно было пройти без сучка и задоринки. «Я всегда мечтала сняться у отца, так почему бы и нет? — заявила она. — Он мастер своего дела. Он привык доводить все до совершенства, и это видно по его работам. Наблюдая за ним на съемочной площадке, я не просто училась кино, я училась жизни».

«Лаки Леди» вышла на экраны на Рождество 1975 года и встречена была холодком, даже в том, что касалось Лайзы. Помимо всего прочего, какие-то бандиты беспрестанно угрожали ей похищением, однако Лайза не хотела понапрасну беспокоить отца и других участников съемочной группы. «Я ужасно боялась, что это не пустые угрозы, поэтому охраны у меня было больше, чем у кого бы то ни было. Я обо всем договорилась со студией сама, чтобы отец ничего не узнал».

Когда съемки завершились, Винсенте уже имел четкое представление о том, какова должна быть лента в

заключительном варианте. Сэм Аркофф, со своей стороны, имел четкое представление о том, как в заключительном варианте должен выглядеть отчет о прибыли и убытках. И эти два представления не имели ничего общего. Вот как позднее критик Стивен Хайвей оценивал результат: «Аркофф… безжалостным образом обкорнал сюжет, выбросив добрую часть кадров-воспоминаний, а заодно и целый персонаж… а вместо этого вставил в картину какие-то кадры с видами Рима, к которым Миннелли не имел никакого отношения. Но, что хуже всего, Аркофф изуродовал основу картины, завершив историю кадрами Нины-Дивы, и это моментально сделало из драмы некую третьесортную версию ленты «Родилась звезда».

Вмешательство Аркоффа в монтаж в какой-то момент распалило страсти среди голливудских ревнителей прекрасного и приверженцев «хорошего кино». Мартин Скорсезе заставил почти каждого режиссера поставить свою подпись под петицией протеста. Но на то он и Голливуд, чтобы решающее воздействие имела нижняя строчка балансового отчета.

В конечном итоге, Винсенте пришел в ужас от окончательного варианта и открестился от него, как не имеющий к «этому монстру» никакого отношения. Его примеру последовала Ингрид Бергман, хотя, откровенно говоря, ее более всего угнетало то, что, несмотря на все требования убрать ее имя из титров, зритель все равно видел на экране ее лицо. Лайза не испытывала восторга, ведь это был фильм, о котором она мечтала долгие годы, ее первая и последняя работа с отцом — и вот, вместо успеха, второй провал подряд!

Кинокритик из «Нью-Йорк Таймс» Винсент Кэнби резко отозвался о картине, премьера которой состоялась 7 октября 1976 года в «Мюзик-Холле Радио-Сити». Вот что он писал: «Картина состоит из шикарных костюмов и потрясающих декораций. Ее главная звезда — Лайза Миннелли, внешностью напоминающая отца, а голосом и повадками — мать. Она не обделена талантом, но нам он становится заметен лишь в сравнении с другими актерами. Создается впечатление, будто для того, чтобы сыграть эту роль, она попросила хирургов увеличить ей глаза. Фильм «Это покажет время» в редкие моменты поражает истинной внешней красотой, но поскольку реплики, которыми обмениваются герои, по большей части глупы, то, как мне представляется, его следует смотреть, заткнув уши».

Но самый обидный отзыв исходил от Дэвида Стеррита из «Крисчен Сайенс Монитор»: «Это покажет время» — фильм, комковатый на вид и пресный на вкус. Даже Рим кажется каким-то бесцветным. Команда Миннелли явно ходит в неудачниках».

Полин Каэль рассвирепела, но не из-за Винсенте с Лайзой, а из-за Аркоффа и того, что он сотворил с лентой. «Из того, что было показано зрителю, совершенно невозможно судить о том, каков был истинный замысел Миннелли и что бы у него могло получиться в том или ином отношении. Но даже если допустить, что его оригинальная версия отнюдь не являлась шедевром, то был по крайней мере фильм, который мне хотелось бы посмотреть — а не это наспех скроенное, белыми нитками шитое убожество».

В конечном итоге, как бы в отмщение Аркоффу за все его пакости, фильм обернулся также и колоссальным финансовым провалом.

О значении фильма в жизни отца и дочери Миннелли один из критиков писал: «Это покажет время» в жизни обоих Миннелли имел огромное значение, которое касалось не столько самой ленты, сколько их самих. Несмотря на многочисленные ошибки и промахи — для тех, кому интересно творческое наследие Миннелли, фильм «Это покажет время» стал трогательным прощанием с мечтами трех десятилетий. По правде говоря, это фильм памяти самого Миннелли, в котором перед нами предстают его излюбленные мотивы, словно режиссер догадывался, что у него больше не будет случая, чтобы их выразить».

К сожалению, по Нью-Йорку и Голливуду пролетел слушок, будто и у супругов Хейли дела также складываются не лучшим образом. Съемки обеих картин на какое-то время разлучили Лайзу с Джеком, а дела студийные разлучили его с ней совсем. Их карьеры требовали полной отдачи сил, и незаметно пути Джека и Лайзы начали расходиться, забрасывая супругов в противоположные концы мира. Являясь главой телевизионного отдела студии «XX Век-Фокс», Джек разрывался между Голливудом и Нью-Йорком. По выходным он, как правило, ездил в Мексику, навестить Лайзу, где у нее в то время были съемки «Лаки Леди». Когда же она перебралась в Италию для работы над лентой «Это покажет время», он регулярно звонил ей по телефону в Рим. Увы, это мало чем помогло.

У Лайзы, однако, свой взгляд на вещи: «Когда женщина любит мужчину, она хочет иметь от него детей. Джек сделал мне величайший дар, какой только мужчина может сделать женщине, — он дал мне свое имя. И мне хотелось бы его продолжить. И хотя, возможно, это звучит старомодно, я безмерно счастлива тому, что я замужем за самым удивительным человеком в мире. Мы с Джеком много времени проводим дома, сидя перед телевизором. Мне так нравится для него готовить. Я

вообще люблю готовить, потому что в этом неотъемлемая часть жизни любой женщины и жены».

Пожалуй, хватит с нас этих сказок, которые отнюдь не соответствовали реальному положению вещей в их совместной жизни. Возражения Джека представляются мне более правдоподобными, в них чувствуется некая подспудная неудовлетворенность, которую он силился удержать внутри. «Когда мы только поженились, нам на какое-то время пришлось расстаться, пока Лайза снималась в «Лаки Леди», — рассказывал он. — А потом она уехала в Рим на съемки новой ленты. Я же был вынужден оставаться в Лос-Анджелесе и видеться с ней изредка. Это было нелегко — как морально, так и физически, — однако мы оба понимали, что иначе нельзя. Мы знали, что разлука малоприятная вещь, однако даже не подозревали, что она может стать невыносимой».

Разумеется, и Джеку, и Лайзе были также отлично известны способы, как устранить возникшее неудобство и даже сделать жизнь более приятной. Они оба пользовались репутацией неутомимых прожигателей жизни. Для Лайзы логическим выбором, вздумай она действительно обзавестись ребенком и превратиться в домохозяйку, было бы на какое-то время остаться дома, при муже. Разумеется, у нее была карьера в шоу-бизнесе и никто не собирался эту карьеру у нее отнимать, но ведь все равно, выбор оставался за ней — кому посвятить больше времени и сил — семье, мужу или же следующей ступени своей карьеры — фильму «Нью-Йорк, Нью-Йорк». И хотя съемки фильма предполагалось осуществить в Лос-Анджелесе, на столь любимой ею киностудии МГМ, где ей была предоставлена гримерная ее матери, тем не менее даже это держало ее вдали от дома и мужа. Последующие четыре с половиной месяца Лайза провела, работая от четырнадцати до шестнадцати часов в сутки над созданием новой картины.

В то время как брак Лайзы с Джеком начал давать все более заметные трещины, Лорна, ее сестра, наоборот, укрепляла отношения с любимым мужчиной — летом 1976 года она познакомилась с ведущим гитаристом группы «Эрроуз» Джейком Хукером. Они обосновались в его скромной лондонской квартирке, не без содействия Лайзы, которая оказывала им небольшую финансовую поддержку. Лорне так и не удалось, в отличие от сестры, преуспеть в шоу-бизнесе, несмотря на все ее старания. В свое время Джуди и Лайза дружно утверждали, что в их семье именно Лорну Господь наградил голосом. Увы, в мире шоу-бизнеса она была обречена навеки остаться «второй дочерью Джуди Гарленд». Зато в конечном итоге именно она, из обеих

сестер, обзавелась домом, мужем и детьми.

Смена режиссера

Джек частенько навещал Лайзу в Мексике, но до сих пор остается загадкой, было ли ему известно о другом визитере, посещавшем его супругу время от времени, — о режиссере Мартине Скорсезе. Лайза и Мартин два года вели разговоры о том, чтобы сделать фильм с ее участием — предполагалось, что действие фильма будет происходить в послевоенный период. Фильм задумывался как романтическая история эстрадной звезды Франсин Эванс (Лайза), влюбленной в саксофониста Джимми Дайля (Роберт де Ниро). То был, по сути дела, очередной ремейк старой голливудской сказочки «Родилась звезда», история о том, как соединились пути восходящего таланта и закатывающегося. Новую ленту предполагалось назвать «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

Согласно сюжету Джимми и Франсин встречаются в 1945 году в переполненном танцзале. Джимми помешан на своей музыке, однако успех постоянно ускользает от него, в то время как Франсин все чаще сопутствует удача. В конце концов, ее успехи и вспыльчивый характер приводят к разрыву влюбленных. По словам Скорсезе, то было его признание в любви к Голливуду, а также его первая работа, когда ему удалось заручиться финансовой поддержкой, о которой он мечтал многие годы.

К тому времени как Мартин завел с Лайзой разговор о новой роли, она уже по праву считалась звездой и могла диктовать свои условия. Ей понравился сюжет и место действия, а вот от своей героини она была далеко не в восторге. По ее мнению, роль получилась какая-то куцая.

«Мартин Скорсезе обмолвился о своих планах снять «Нью-Йорк, Нью-Йорк» года за два до того, как мы взялись за дело, — рассказывала Лайза. — Тогда это была типично мужская история, в которой рассказывалось, как герой от руководителя ансамбля поднялся до продюсера фирмы грамзаписи в ранние годы рок-н-ролла. И тогда я сказала Марти, что, может быть, проявлю интерес, если женская роль будет усилена. Мне хотелось заглянуть, что там происходит, за кулисами эстрады».

Мартин велел переделать сюжет, чтобы придать франсин Эванс больший вес. Еще снимаясь в «Лаки Леди», Лайза сотнями «проглатывала» популярные журналы послевоенной поры, разговаривала с людьми, встречалась с Мартином, обговаривая с ним детали проекта.

«Я позаимствовала у Сэмми Дэвиса-младшего коллекцию альбомов тех лет и часами их слушала, — вспоминала она. — Я также изучала видеоклипы различных ансамблей, разговаривала

с теми, кто хорошо знал ту эпоху, чтобы целиком погрузиться в атмосферу сороковых годов».

Лайза воспользовалась теми же методами, что и во время подготовки к «Кабаре»: чтобы трансформировать себя в свою героиню, она с головой ушла в ту эпоху. Лайза также посмотрела немало родительских фильмов, сделанных в те годы, и брала по телефону советы у Кей Томпсон, особенно в том, что касалось пения. Лайза изучила манеру таких исполнителей, как Лена Хорн, Дорис Дей, Хелен О'Коннел. Она пыталась овладеть их манерой, не подражая им. Кроме того, она познакомилась с реальными прототипами истории, рассказанной в «Нью-Йорк, Нью-Йорк», — английской джазовой певицей Кали Лейн и ее мужем, саксофонистом Джоном Данкуортом. Лайза горела энтузиазмом, ведь ей впервые предстояло сыграть обыкновенного человека.

«Впервые в моей жизни героиня была, что называется, без придури. Франсин — приятная молодая женщина, правда, при этом она крепкий орешек и умеет постоять за себя. Я прекрасно понимала ее, потому что насмотрелась на таких, как она, в Голливуде. При всем этом она — абсолютно нормальная. На этот раз, разнообразия ради, с приветом был Бобби (Роберт де Ниро)».

Де Ниро тем временем под руководством музыканта Джорджа Олда осваивал азы телодвижений саксофониста. В начале 1976 года, во главе с продюсером Ирвином Винклером, в 29 павильоне студии МГМ, где Джуди в свое время снималась в «Пирате», собрались Лайза, Мартин и Роберт, и работа над лентой «Нью-Йорк, Нью-Йорк» наконец началась.

Теоретически сценарий был переработан заново для придания большего веса Франсин, а кроме того, возникло немало споров по поводу деталей той эпохи, поскольку каждый из главных героев провел самостоятельное исследование. И все-таки, когда съемки, наконец, начались, воцарился полный хаос, поскольку никто, казалось, не собирался придерживаться сценария.

По мере действия актеры все чаще стали давать отсебятину, хотя и пытались при этом придерживаться общей линии.

Лайза похудела на пять килограммов и сутками не вылезала из павильона, но работу над картиной она вспоминает с нескрываемым восторгом: «Поначалу сценарий был так себе, так что Марти разрешил нам импровизировать. По мере развития сюжета мы сами додумывали детали, и на протяжении нескольких недель только и знали, что репетировали, а Марти снимал нас на видеокамеру. Затем он взял из видеозаписи лучшие места и отдал нам эти реплики. Мы все трое работали с

огромным напряжением — представьте себе, каждый день до полной потери сил. Так и свихнуться недолго. Но зато какое упоение! Не помню, чтобы я хоть раз присела. Я всегда говорила: «Если во время съемок свалюсь замертво, что же, лучшей смерти и желать нельзя!»

Другие участники съемок, похоже, не разделяли ее энтузиазма. Мартин, как и в случае с его предыдущими картинами, смотрел на «Нью-Йорк, Нью-Йорк» сквозь призму собственной жизни. «Мне хотелось сделать совершенно иную ленту, об эстрадном ансамбле сороковых, пытающемся добиться успеха — и это было в высшей степени личное ощущение, — рассказывал он. — Мне казалось, что нет никакой разницы между эстрадным ансамблем сороковых годов и мною, также пытавшимся добиться успеха в деле, где на тебя со всех сторон давят. А еще эта лента о двух творческих натурах, также ведущих борьбу за существование. Они не знают, откуда им в следующий раз ждать кусок хлеба, но, что еще хуже, оба они — «перекати-поле». В ленте рассказывается о взаимоотношениях двоих, как сначала они сближаются, а затем все идет прахом, но в конце картины, слава богу, все возвращается на круги своя».

Между прочим, все это ужасно напоминало отношения как между Мартином и Лайзой, так и между Мартином и его женой Джулией.

Продюсера Ирвина Винклера, как и всех продюсеров со времен античности и Еврипида, волновала в первую очередь стоимость каждой мелочи. «Как я нервничал! — вспоминает он. — Мы потеряли представление о бюджете. Мы не знали, что с нами будет на следующий день. Но один случай мне хорошо запомнился. Как-то мы с Марти снимали очень поздно вечером. Это была сцена с участием Бобби и Лайзы. Время уже приближалось к девяти, и мы сидели на 22 дубле. Все были выжаты словно лимоны. Проблемы нарастали, как снежный ком. И тогда я сказал Марти: «Послушай, как, по-твоему, чувствует себя человек на двадцать втором дубле, не кажется ли тебе, что с нас всех хватит?» И он ответил мне: «Знаешь, Ирвин, в последнем дубле мне казалось, будто я заметил в уголке глаза у Лайзы слезу. По-моему, если я попробую еще пару-другую дублей, я добьюсь-таки у нее этой слезы. Как ты думаешь, что я должен делать — добиваться у нее слезы или поставить точку?» И тогда я ответил: «Добивайся своей слезы».

У Мартина был свой взгляд на вещи: «Там была куча всякого народа, что приходили поглазеть на съемки «Нью-Йорк, Нью-Йорк»; бывало, они возвращались снова, полагая, что отлично разбираются в том, что мы делаем. Им было точно известно, как

мы работаем. Но все это бесполезно, потому что настоящая режиссура осуществлялась шепотом и к тому же в гримерных, поэтому никто ничего не видел. Мы, бывало, разговаривали, или же актеры обращались ко мне с вопросом: «Будьте добры, подойдите сюда, мне бы хотелось с вами немного поговорить». И мы разговаривали с ними, или же они забрасывали меня вопросами, или же высказывали совершенно новую точку зрения, и мы все перерабатывали заново. Все это делалось скрыто от посторонних глаз, так что наблюдателям была видна лишь внешняя сторона дела».

Но многое из перешептываний между Мартином и Лайзой не имело никакого отношения к картине. Наблюдателям казалось, будто они заметили нечто такое, что выходило за рамки обычной работы над проектом и имело явное отношение к «закулисным интригам».

Участие Лайзы в работе над проектом и ее понимание режиссерских планов, по ее собственному выражению, строилось на том, что она читала в глазах режиссера — на «интригующей концепции».

«Вся моя трактовка роли проистекает из того, что я видела, глядя в глаза Марти, — рассказывала она. — Как мне кажется, он отлично понимает борьбу чувств и рассудка, то, что в людях постоянно идет война разума и эмоций. И как мне кажется, он умеет обнажить эту борьбу, наглядно воплотить ее. Марти обычно садился прямо под камерой и в некотором роде направлял меня. Я знала, когда ему хотелось, чтобы я немного подзавелась или же, наоборот, поостыла и успокоилась. Как мне кажется, Марти знает и умеет достучаться до любого актера, не прибегая при этом к банальным фразам вроде «В фильме главное не то, что вы произносите, а то, чего вы не произносите». Вот в этом и вся соль».

Как всегда бывает в подобных случаях, народ без конца судачил о том, что происходит как на съемочной площадке, так и вне ее — особенно, что касается де Ниро, этой якобы загадочной фигуры Голливуда, поскольку он не был любителем выставлять напоказ свои чувства. В Голливуде привыкли испытывать некий страх перед любым талантом, если тот не имеет привычки выпячивать грудь, демонстрируя себя всему миру. Такие актеры, как де Ниро, Аль Пачино, Брандо, — фигуры загадочные, и поэтому их принято считать глубокими натурами, великими художниками, чей каждый шаг преисполнен скрытого смысла и поэтому не должен ускользнуть от нашего внимания — словно наблюдатели читают руны или гадают на кофейной гуще. Сложилось мнение, что поскольку де Ниро — партнер Лайзы по

картине, то между ними обязательно должен быть роман. В ответ на эти домыслы Лайза указывала, что де Ниро женат на чернокожей красавице Дианне Эббот, которая в ту пору ждала ребенка.

Каким-то чудом работу над фильмом удалось-таки довести до конца, причем надо отметить, что исполняемые в нем песни пополнили творческую копилку Лайзы, особенно заглавная «Нью-Йорк, Нью-Йорк», которая стала для нее чем-то вроде новой визитной карточки.

Премьера фильма состоялась на восьмую годовщину смерти Джуди — 22 июня 1977 года — и оказалась бенефисом для Линкольновского Центра. За демонстрацией последовал огромный банкет в гриль-зале «Радуга» Рокфеллерского Центра — высоко над переливающимися огнями города, который так любили и мать и дочь. Для Лайзы Нью-Йорк был особым, волнующим местом, он подстегивал ее, стимулировал, одновременно давая свободу от назойливых толп поклонников.

«Это единственное место, где я пользуюсь полной анонимностью, — говорила она. — Он всегда полон новых лиц, новых задумок, новых идей. Здесь бьет ключом жизнь, какие здесь шикарные вечеринки и, разумеется, знаменитый нью-йорский юмор».

В тот вечер, когда состоялась премьера, Лайза в полупрозрачном красном платье, опираясь на руку законного супруга, упивалась новыми лицами, роскошью и потрясающим банкетом, продолжавшимся до первых проблесков рассвета на Ист-Ривер. После чего вся компания отбыла на специально устроенный для них завтрак, организатором которого в модной дискотеке «Студия 54» стал Хальстон.

Критикам, писавшим рецензии на «Нью-Йорк, Нью-Йорк», в отличие от Лайзы, было не до веселья — они не участвовали ни в работе над лентой, ни «обмывали» ее. «Сэтердей Ревю» — в то время авторитетный журнал — нашел, что картина затянута, хотя и отметил игру Лайзы. «За два часа тридцать пять минут — а это, признайтесь, многовато, — «Нью-Йорк» так и не находит завершения. Но зато он дает нам возможность взглянуть на Лайзу Миннелли в ее самом харизматическом образе (в некоторые моменты может показаться, что перед нами ее мать, Джуди Гарленд), и уже этого было достаточно для вполне сносной развлекательности».

Пенелопа Джиллиас, писавшая для «Нью-Йоркера», не сочла нужным расшаркиваться: «Мартин Скорсезе сделал несколько прекрасных фильмов, но, увы, этот не из их числа. Начать с того, что в его основе лежит исходный плагиат названия и эры,

диалоги — бессмысленное, этакое эрзац-питание, предлагаемое для зрителей, что истосковались по кино тридцатилетней давности. Лайза Миннелли бессовестным образом копирует собственную мать. «Нью-Йорк, Нью-Йорк» на самом деле «Хо-хо, хо-хо».

Особенно болезненным для Лайзы был комментарий Стенли Кауффманна в «Нью Репаблик»: «Нью-Йорк, Нью-Йорк» не более чем одна из лавины неудачных картин, захлестнувших США в последнее время. Авторы пытались слепить крутую, сентиментальную, в духе «шоу-бизнеса» ленту с огромным количеством песен тех лет… Но ее сентиментальность не трогает, а то, что остается, отнюдь не круто, а временами просто отвратительно, но главным образом она скучна и банальна. Картина, при всех ее недостатках, имейся в ней хоть какое-то очарование, еще сошла бы за приемлемую. Увы, Лайза Миннелли начисто его лишена».

А вот «Ньюсуик», который в прежние годы любил раскритиковывать ее, на этот раз занял противоположную позицию. Вот что писал обозреватель журнала Джек Кролл: «Миннелли потрясает в сцене, в которой она записывает «А жизнь продолжается…». И здесь двойной фокус более чем к месту: динамичная певица — это одновременно и Лайза Миннелли, и Джуди Гарленд. И это не стилизация, а трогательный синтез старого и нового».

Зато Мартин Скорсезе был еще более резок, когда назвал игру Лайзы имитацией. «Наденьте на нее парик и перед вами ее мать, — заявил он. — Что я могу еще сказать?»

Позднее он все-таки вынужден был признать, что многие из недостатков картины имели место по его вине: «В конце концов я понял картину. Жак-Люк Годар зашел ко мне как-то раз на ланч и завел разговор о том, как ему понравился «Нью-Йорк, Нью-Йорк». По его словам, в основе своей это фильм о несовместимости двух творческих натур — дают знать себя ревность, зависть, разница в темпераментах. До меня постепенно стало доходить, что это настолько близко мне самому, что я был не в силах это выразить, когда работал над фильмом».

Пока шли съемки, Мартин не на шутку увлекся Лайзой, его собственный брак дал серьезную трещину, а его законная супруга проводила на площадке большую часть времени, поскольку являлась автором сценария. Как и в других ситуациях, в которых оказывался Мартин Скорсезе — и в этом его гений и его слабость, — он увлекся сразу всем — картиной, сюжетом, действующими лицами.

«На мой взгляд, фильм неплох, хотя, как мне кажется, он

хорош потому, что правдив, — заявил он. — Он о двух людях, любящих друг друга, и оба они творческие натуры (как Скорсезе и его жена). В этом вся соль: проверить, выдержит ли их брак… Я ужасно расстроился, когда съемки подошли к концу, потому что во время работы над картиной мне многое пришлось пережить. Некоторым людям понятна концовка, до других она просто не доходит».

И тем не менее Лайза, которая наверняка размышляла о сравнениях между ней самой и ее покойной матерью, все-таки была уже в достаточной мере профессионалкой, чтобы спокойно отнестись к тому факту, что ее последние работы оказались далеко не шедеврами. (Хотя при этом она, несомненно, с удовольствием открутила бы головы кое-кому из критиков). И поэтому она решила возвратиться туда, где ей неизменно сопутствовал успех — то есть на сцену. Вот как она оценивала свою карьеру: «В 1975 году я посчитала, что могу позволить себе сняться в кино, и мне стало ясно, что если «Нью-Йорк, Нью-Йорк» обернется провалом, то хорошего тогда не жди. Мамочки! Да в Голливуде не простят, если у вас три неудачных картины подряд!»

В самый разгар работы над фильмом Лайза решила, что настала пора придать своей карьере новый заряд, сделав очередной мюзикл, в котором ей не было равных. К сожалению, ей не хватило подобной мотивации для спасения собственного брака. Бродвейский мюзикл оказался для нее неподъемной ношей по той же самой причине, что вызвала к жизни проблемы с картиной «Нью-Йорк, Нью-Йорк» — и этой причиной стал Мартин Скорсезе. Мартин был ее режиссером, ее любовником, режиссером ее мюзикла — в такой ипостаси ему еще не приходилось выступать.

Мартин Скорсезе — дитя Манхэттена, дитя всего Нью-Йорка. В этом городе он появился на свет 17 ноября 1942 года в семье Лючино Чарльза и Катрин Скорсезе, ревностных католиков, чья жизнь вращалась в орбите швейных фабрик. Мартин рос худосочным мальчиком. Он страдал астмой и поэтому чувствовал себя аутсайдером среди рослых, крепких парней и уличного хулиганья итальянской части города. Он так часто болел, что другие мальчишки из их квартала прозвали его «Мартин-Пилюля». Если Мартину нужно было куда-то выйти из дома, за ним присматривал его брат Фрэнк, но чаще Мартин оставался дома вместе с матерью.

Вот как Фрэнк описывает их квартал: «Нравы там царили жестокие — банды, драки. То и дело возникали потасовки. В середине ночи просыпаешься и слышишь крики — значит, снова

где-то дерутся. Бывало, опустишь ставни и продолжаешь спать, потому что это не твое дело, а если попробуешь вякнуть, тебе несдобровать. Можно сказать, мы жили, подчиняясь праву сильного, и умирали так же».

Мартин пошел в алтарные служки, однако здесь ему пришлось пережить немало неприятных мгновений, пытаясь ужиться с идеей греха, особенно греха мастурбации, церковный запрет на которую был принят им дословно. «Я воспринял его со всей серьезностью, — рассказывал он. — Это противно Богу и не исключено, что вы убьете себя».

Однако, когда он исповедовался священнику, тот успокоил мальчика следующими словами: «Нет-нет, это все чушь. Не стоит понапрасну волноваться. Просто надо научиться контролировать некоторые свои позывы, вот и все».

Успокоенный, Мартин решил, что станет священником и тогда у него тоже появится осанка и уверенность в себе, свойственные священнику. Однако Мартин пересмотрел свое решение после того, как его перевели в среднюю школу Кардинала Хейза, что в Бронксе, где он услышал, как священник отстаивал войну во Вьетнаме, объявив ее священным крестовым походом. Эта точка зрения шла вразрез со всем тем, во что веровал юноша. Но даже там он готовился к принятию священного сана, однако провалился на вступительных экзаменах на теологическое отделение Фордхэм-ского университета и вместо этого поступил в Нью-Йоркский университет, чтобы изучать английский.

И здесь его интерес привлекло к себе кино. Снимать он начал, еще будучи в школе, и благодаря настойчивости и старанию вскоре начал получать коммерческие заказы.

В 1976 году Мартин снимал в Нью-Йорке своего «Таксиста», фильм о том, как одиночество оборачивается безумием. Темой всех его предыдущих работ была, как правило, ущербность главного героя, одержимость неким внутренним демоном. Демон этот изо всех сил стремился заявить о себе и взять под контроль жизнь своей жертвы.

Его фильмы в большинстве своем не предлагали никакого решения, никакого облегчения, никакого выхода, лишь бесконечное напряжение и полную безысходность. И все-таки его герои пытались найти искупление — какая бы извилистая тропа не вела к нему.

«Сценарий «Таксиста», написанный Полем Шредером, — рассказывал Мартин, — повествует о злости на женщин и на многое другое в жизни. Я, можно сказать, разделял многие из этих чувств частично потому, что я был не в состоянии завязать с

кем-либо контакт, я был не способен вступать в отношения, какие обычно людям хочется иметь с «идеализированной женщиной». Так что и ревность, и злость были самые что ни на есть настоящие. Многие годы они камнем давили на меня. Не отрицаю, дело скорее было во мне самом, чем в них. И многое из того, что говорится в «Таксисте», — это отчаяние и неспособность завязать контакт. И как, представьте себе, мучительно снимать об этом фильм, потому что ты сам пережил все это на собственной шкуре».

В те дни, когда Мартин снимал «Таксиста», он встречался с Джулией Камерон, причем ревновал ее так, что это граничило с паранойей.

После картины «Нью-Йорк, Нью-Йорк» для Лайзы материализовался новый проект. Идея поставить мюзикл под заглавием «Собственной персоной» первоначально исходила от Джорджа Ферта, автора нескольких бродвейских хитов. Ферт был заинтригован историей Мишель Крейг, хорошо известной и уважаемой певицы, тем, что действительно имело место в ее жизни. Схема, которая пользовалась особой популярностью в те годы, а сейчас кажется устаревшей, предполагала, как и в случае с «Лаки Леди», использование ретроспективы. Реализация проекта началась с того, что однокашник Лайзы Марвин Хэмлиш написал аранжировку музыкального оформления. Но к тому времени как Лайзе стало известно о проекте, Хэмлиша уже заменили на ее старых знакомых Эбба и Кандера, и отсюда становится ясно, как ей удалось заполучить для прочтения сценарий. Сценарий ей ужасно понравился, и она загорелась желанием сыграть Мишель — по ее словам, то была «лучшая женская роль на Бродвее за многие годы».

Естественно, Ферт также горел желанием заполучить к себе Лайзу. Та потребовала, чтобы режиссером мюзикла сделали Мартина Скорсезе, что наверняка должно было насторожить Ферта. Ведь Мартин привык иметь дело с кино, а не со сценой. Но Лайза наотрез отказалась сыграть роль, если режиссуру не поручат Мартину. Выбор художника по костюмам, Теодоры ван Ранкл, тоже оказался неудачным. Она всю жизнь создавала костюмы для кино, а не для театра. Когда ее попросили выполнить костюмы для «цыганок», ван Ранкл придумала костюмы, которые чудесно смотрелись бы в любом цыганском таборе. Увы, ее ошибка заключалась в том, что на языке театрального ремесла слово «цыганки» означало девушек из кордебалета, а отнюдь не представительниц кочевого племени. Лайзе в срочном порядке пришлось послать сигнал бедствия своего приятелю Хальстону. Тот, разумеется, быстренько

переделал костюмы, что обошлось Лайзе в 100 тысяч долларов, ведь платила она из своего кармана.

4 июля 1977 года в Чикаго наконец взмыл занавес — началась обкатка спектакля. Первоначальное название заменили на новое — «Пусть светит дальше», и под таким названием пьеса была представлена в качестве совместного проекта Лос-Анджелесской и Сан-Францисской опер, после чего ее переименовали в «Акт». В этом виде она перекочевала в Сан-Франциско, удостоившись до этого нескольких недоброжелательных отзывов. После премьеры в Сан-Франциско кто-то из тех, кто имел к мюзиклу непосредственное отношение, но пожелал остаться анонимным, подвел итог: «Контракт оставлял за Лайзой последнее слово по всем вопросам — включая даже возможность вытурить или оставить Скорсезе. Поначалу всем хотелось поскорее от него избавиться. Но потом те же самые люди решили — а почему бы ему все-таки не остаться благодаря их дружбе. Могло показаться, будто Лайза ввязалась во всю эту затею исключительно ради Мартина. Правда, беспокоило то, что она была ему чересчур предана и, как мне кажется, слишком слепо его любила».

В Лос-Анджелесе сыграли новую версию спектакля. Критики не оставили от него камня на камне. Дэн Салливэн из «Лос-Анджелес Таймс» писал: «Акт» — глупейший из мюзиклов, когда-либо виданных нами, причем до такой степени, что начинает казаться, будто все это сплошной розыгрыш — вас просто водят за нос».

А тем временем трое из четверых человек, втянутых в роман Скорсезе-Миннелли, — а именно Лайза, Мартин и Джек — усердно отрицали наличие какой-либо половой близости между Лайзой и Мартином. Четвертый участник драмы — беременная жена Мартина, Джулия Камерон — смотрела на вещи куда более трезво. В августе 1977 года она подала на развод, назвав в качестве причины Лайзу и присовокупив к иску кое-какие красноречивые подробности, в том числе, где и когда все происходило. Гнев Джулии, наверняка, подогрело и то обстоятельство, что Мартин подарил Лайзе ее медальон.

В конечном итоге Мартин вынужден был признать, что ни за что не осмелится привезти постановку в Нью-Йорк без того, чтобы не поставить в глупое положение себя самого, свою любовницу и все, что связано со спектаклем. После трехнедельных гастролей в Лос-Анджелесе его свалил подозрительный приступ астмы, и для «оздоровления» мюзикла на его место был призван Гауер Чемпион. Лайзе ничего не оставалось, как постараться выгородить возлюбленного: «Он пришел ко мне и сказал: «Я знаю,

что ты мне поверишь. Я не позволю нью-йоркской премьере состояться, если все там не будет по высшему классу. Ты еще ни разу не работала с Гауером, но нам потребуется помощь. Гауер сумеет придать твоему спектаклю изюминку, а мне хочется, чтобы у тебя было все самое лучшее». Так что не подумайте, что Мартин взял и смылся куда-то в Италию. Спектакль занимал все его помыслы».

Позднее Мартин рассказывал: «Я работал над театральной постановкой — единственной в моей жизни, хотел бы я надеяться; называлась она «Акт», с участием Лайзы Миннелли, и мне пришлось тогда натерпеться. Я вскоре понял, что это не мое, но все-таки решил остаться до тех пор, пока мне все, наконец, не осточертеет. Я оказался в трудной и чертовски щекотливой ситуации».

Лайза была рада тому, что Мартин самоустранился, поскольку не желал, чтобы неудачи отразились на их личных взаимоотношениях. «Помнится, в «Кабаре» была одна замечательная строчка: «Секс испоганит любую дружбу», а Мартин — мой самый близкий друг во всем мире, мой ближайший союзник — после моего мужа — и направляющая сила, — и я не хотела бы все это порушить».

Даже и без изменений, внесенных Чемпионом, нью-йоркская постановка мюзикла имела два обстоятельства в свою пользу. Во-первых, поскольку о спектакле ходило множество противоречивых мнений, в том числе и в прессе, народ валом валил, чтобы лично разобраться, отчего загорелся весь этот сыр-бор. Во-вторых, Лайза, а этого у нее не отнять, по праву считалась звездой с большой буквы, и люди были готовы раскошелиться, чтобы только взглянуть, как она почесывает свой носик или, невзирая на транспорт, торопится перейти «Таймс-сквер». Поэтому, когда было объявлено, что 29 октября 1977 года в «Маджестик Тиэтр» состоится премьера мюзикла с Лайзой в главной роли, билеты разошлись в мгновение ока, и это несмотря на то, что продюсеры заломили за них в три раза большую цену, чем на любой другой бродвейский спектакль. Выручка за заранее распроданные билеты составила 2 миллиона долларов — небывалая сумма в истории этого театра. С точки зрения спонсоров постановки, еще до того, как над сценой поднялся занавес, уже можно было говорить об успехе спектакля.

Как и следовало ожидать, в день премьеры не обошлось без столпотворения с участием знаменитостей, и полиции пришлось немало потрудиться, чтобы создать хотя бы видимость порядка. Для поклонников с их книжечками для автографов это был настоящий праздник, а все, кто имел отношение к спектаклю,

наблюдая всю эту суматоху, радостно потирали руки в предвкушении барышей.

Все ближайшее окружение Лайзы тоже было в сборе, включая мужа и таких друзей, как Хальстон и Сэмми Дэвис-младший. Затесались в эту компанию также Лиз Тейлор и бывшие и нынешние любовники Лайзы — Боб Фосс, Дези Арназ-младший и Мартин Скорсезе. Не обошлось здесь и без Питера Хэмлина, Марты Грэм, Дика Каветта и Энди Уорхола.

Публика как только могла демонстрировала свое восхищение спектаклем, после которого был устроен банкет — 600 человек выложили по 35 долларов с носа, дабы куролесить всю ночь напролет в «Таверн онзе Грин». Лайза пела и принимала похвалу от собравшихся поздравить ее знаменитостей.

Казалось, Лайзе удалось вдохнуть в премьеру некий электрический заряд. «Просто я сосредоточилась на самом главном, — рассказывала она позднее. — Важно, однако, было не проглядеть и смешную сторону. В ту неделю, когда состоялась премьера, Донни и Мэри Осмонд попали на обложку журнала «Пипл». Куда бы я ни пошла, повсюду на меня в газетных киосках смотрела, улыбаясь во весь рот, парочка Осмондов. И вот в день премьеры, когда мне, как обычно, принесли целый ящик поздравительных телеграмм, больше всех мне понравилась та, в которой говорилось: «Сделай это ради Донни и Мэри!»

В некотором роде «Акт» можно скорее назвать концертом, чем мюзиклом в привычном смысле слова, и для Лайзы, наверняка, это было не последнее обстоятельство. Она оставалась на сцене практически весь спектакль, за исключением четырех минут, и исполнила практически все зонги, за исключением одного. Критики по достоинству оценили ее выносливость. Обозреватель из «Нью-Йорк Таймс» Ричард Эдер писал об этом так: «Акт» — это именно то, что и предполагает его название, а главное, он дает нам превосходное представление о том, кто такая Лайза Миннелли. Правда, сценарий у Джорджа Ферта получился не то чтобы жидкий, а никакой вовсе. Ему не хватает действия, не хватает выразительнсти, и за исключением пары реплик, диалоги избиты или попросту высосаны из пальца. И несмотря ни на что, голос Миннелли прорывается к сердцу слушателя, когда она исполняет свой первый номер «Пусть светит», он ранит, когда она поет «Денежное Дерево», и умиротворяет, когда мы слышим «Вот зачем он мне нужен».

Иными словами, то, чему «Акт» был обязан успехом в Нью-Йорке, имело мало общего с тем, что было представлено на суд зрителю в Чикаго, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, и после первых неудач шоу практически превратилось в сольный концерт

Лайзы Миннелли. А это именно то, чего ждали ее поклонники — за что они и выложили по 25 долларов (неслыханные доселе деньги!) — так что с какой стати им выкрикивать просьбы, не имевшие ни малейшего отношения к спектаклю.

Один из поклонников Лайзы, Рекс Рид, окрестил спектакль «изматывающим триумфом», а Дуглас Уоттс из «Нью-Йорк Дейли Ньюс» назвал Лайзу жалким подобием Барбры Стрейзанд, хотя маловероятно, чтобы Стрейзанд взялась выручать шоу, как то сделала Лайза.

Уоттс писал: «Певица из нее довольно посредственная. Начала она в духе Барбры Стрейзанд, причем копировала ее бессовестным образом, но постепенно все больше и больше стала склоняться к манере своей матери, так что теперь она — сплав их обеих. Танцует она тоже не ахти как, и давайте называть вещи своими именами — здесь нечем особенно восхищаться».

Не все разделяли эту точку зрения, и менее всего был склонен так думать один русский танцовщик, незадолго до этого перебежавший на Запад и который сам считался «суперзвездой» в мире балета — Михаил, он же «Миша» Барышников. Казалось, он был в искреннем восторге от творческой манеры Лайзы, как, впрочем, и она от него, и все то время, пока «Акт» шел на нью-йоркских подмостках, они вдвоем исполняли известный только им альковный дуэт. Для Лайзы Барышников в первую очередь был обладателем самых прекрасных мужских форм, когда-либо виданных ею.

Страсть, охватившая их, была столь всепоглощающей, что Лайза, казалось, жила на пределе физических сил и возможностей. Михаил в ту пору танцевал в Вашингтоне, она же выступала в Нью-Йорке, и после каждого спектакля Лайза посреди ночи садилась в самолет и летела в Вашингтон, чтобы насладиться истинно мужским мускулистым телом возлюбленного, а затем ни свет ни заря снова самолетом возвращалась в Нью-Йорк, чтобы урвать несколько часов сна перед очередным спектаклем. В конце концов Барышников первым не выдержал такой безумной гонки и прекратил этот их подпольный роман.

Несмотря на первоначальный успех спектакля, вскоре начались неприятности. 8 декабря по невыясненным причинам в квартире у Лайзы возник пожар, она наглоталась едкого дыма и повредила себе горло, и один спектакль пришлось отменить. За четыре дня до Рождества и на протяжении недели ее мучила высокая температура, что обернулось для продюсеров двухсоттысячными убытками. Три недели спустя ее свалил какой-то вирус, и продюсеры решили, что будет разумнее вообще

прикрыть спектакль, что и было сделано в середине января 1978 года. Лайза же попала в больницу с острым респираторным заболеванием.

Здесь на нее обрушилась целая лавина открыток, писем, цветов, пожеланий скорейшего выздоровления, но навещать ее было позволено только мужу, Джеку Хейли, и пресс-агенту Луи Смиту. Когда были готовы результаты анализов, врачи решили, что Лайза стала жертвой особо вредного вируса. Вот как описывал ее тогдашнее состояние Джек: «Лайза была столь слаба, что даже утратила счет дням». Лечение включало в себя неделю полнейшего отдыха и оздоровление на одном из техасских курортов — далласском «Гринхаус».

Лайза вернулась домой новым человеком и, по ее словам, собиралась и дальше выступать на сцене, но что-то у нее снова не заладилось. Она стала забывать слова, а то и целиком реплики, и даже, случалось, опаздывала на спектакли, чего, в отличие от матери, она никогда себе не позволяла. 2 марта она не появилась вообще, жалуясь на боль в животе, такую сильную, что ее даже ноги не держали.

По словам ее коллег, она отнюдь не притворялась, говоря о своем недомогании, — с этим мнением, например, полностью согласен Барри Нельсон, ее партнер по главной роли: «Порой ей было так плохо, что мы все уговаривали ее не надрываться и передохнуть. Но она всякий раз, если спектакль отменялся, чувствовала себя виноватой… Лайзе было куда тяжелее, чем мне, — она тащила на себе двойную ношу. Кто-то однажды заметил, что после каждого спектакля актер оставляет на сцене кусочек своей плоти. Боюсь, что Лайза начала терять целые кости».

И все равно она продолжала играть, с той слепой преданностью зрителю, которую унаследовала от матери, и постановки давались с максимально возможной частотой. Ведь благодаря этому спектаклю она добилась двух вещей, которые были ей одинаково дороги. Первое — это номинация на награду «Тони» как «Лучшая актриса мюзикла», второе — это знакомство со своим следующим мужем. Для каждого из них это был третий по счету брак. Награду ей присудили 26 июня. Что касается нового мужа, то с этим пришлось немного повременить. Звали же его Марк Геро.

Так живут толстосумы и развратники

Когда один из ведущих модельеров Америки летит через всю страну, чтобы провести час-другой на чьей-то свадьбе, подобно тому как поступил Хальстон, когда Лайза выходила замуж за Джека Хейли, то делает он это не из-за того, что он какой-то там случайный знакомый, пытающийся продать очередное платье. Для Лайзы Хальстон был ее «Крошкой», он, в свою очередь, так же отзывался о ней с подкупающей теплотой. «Лайза — всеобщая подруга. С ней не соскучишься, она — огромный талант, а также женщина, которую приятно одевать».

Появление Хальстона на свадьбе Хейли-Миннелли ознаменовало собой глубокую дружбу между ним и Лайзой, которая продолжалась долгие годы. Надо сказать, что его наряды были отнюдь не самое главное, хотя Лайза на свадьбу и надела платье от Хальстона. Ее манера одеваться также играла немаловажную роль как для ее сценического образа, так и вообще для достижения успеха. Лайза и Хальстон познакомились в 1966 году, когда он работал в «Бергдорфе» и в его глазах она являлась просто дочерью Джуди. Когда Лайза сблизилась с ним уже сама по себе, в семидесятом году, она как раз удостоилась номинации на награду Академии за «Бесплодную кукушку». Она заглянула к нему в салон, надеясь, что ей кто-нибудь поможет выбрать платье. Вот как Лайза вспоминает эту встречу: «Хальстон обожал женский бюст, когда последний был не в моде. Всем хотелось походить на Твигги, и Хальстон, взглянув на меня, произнес: «Что ты делаешь! У тебя потрясающая грудь. Тебе стоило бы ею гордиться». И тогда я удивилась: «Что?» Никто еще не разговаривал со мной так, как если бы у меня имелся какой-то особый шик, свой стиль или что-то в этом роде, но он именно так разговаривал со мной. Это было еще до «Кабаре». Это было еще до всего на свете».

Если верить биографу Хальстона, Стивену Гейнзу, в том, что он пишет в своей книге «Просто Хальстон. Нерассказанная история», Хальстон отлично понимал, кто такая Лайза. Ему также было отлично известно, что, подобно многим, она теряет или набирает вес в зависимости от эмоционального состояния. Например, Опра Уинфри сделала карьеру исключительно благодаря своему весу, обнаружив, что килограммы — наглядное мерило того, как она себя чувствует.

Хальстон держал несколько манекенов в виде Лайзы в ее различных весовых категориях. Например, в 1975 году, когда она выступала с «Актом», и позднее он, если верить слухам, специально делал для нее костюмы разных размеров,

рассчитанные на разный ее вес. Отношения Лайзы с Хальстоном тем более упрочились, когда у нее началась серия «французских романов» — Шарль Азнавур, барон Алексис де Реде, Жан-Пьер Кассель, Жан-Клод Бриали — и она ощутила потребность в дополнительном шике и соблазнительности, чтобы удержать их возле себя.

Дело в том, что Лайза страдала комплексом неполноценности во всем, что касалось внешности, и поэтому она обратилась к Хальстону за помощью. По ее словам, ей хотелось бы выглядеть как «Фред Астер в женском обличье». Хальстон принял вызов и тотчас велел ей заказать пять объемистых чемоданов. Лайза последовала его совету, а он наполнил их ей совершенно новыми нарядами, которые тотчас радикальным образом изменили ее внешность. Весь ее старый гардероб он велел выбросить. На следующий год Лайза удостоилась номинации на звание «Самой хорошо одетой женщины в мире»!

С годами Лайза и Хальстон сблизились еще больше. У него всегда находилось время для нее, как и у нее для него. Ее рассказы никогда не шокировали его, какими бы откровенными подробностями она не делилась с ним. Наоборот, чем откровеннее они были, тем интереснее для Хальсгона.

Он стал положительным стимулом ее жизни, благодаря ему она начала ощущать уверенность в себе, что не замедлило сказаться на ее образе. Их частенько видели вместе в самых модных на тот день заведениях Манхэттена, где «тусовалась» международная элита. И все-таки наибольшее удовольствие от общения друг с другом они получали, когда бывали наедине. Он готовил для них двоих, и затем за стаканчиком вина они вели беседы о смысле жизни и смерти.

Разумеется, и у них случались размолвки. В 1973 году, то есть за год до того, как Лайза вышла замуж за Джека Хейли, биограф Хальстона Элинор Ламберт и французский дизайнер Марк Боан загорелись идеей этакого французско-американского жеста доброй воли. Пусть пять французских модельеров, решили они, пригласят в Париж пятерых своих американских коллег для совместного показа. Французскую сторону представляли Юбер де Живанши, Кристиан Диор, Пьер Карден, Эммануил Унгаро и Ив Сен-Лоран. От американцев были Хальстон, Билл Класс, Стивен Берроуз, Энн Кляйн и Оскар де ла Рента. Оргкомитет возглавляла баронесса Ротшильд, а в качестве почетной гостьи пригласили княгиню Грейс Монакскую.

Билеты на 520 мест в зале просмотра стоили ни много ни мало 235 долларов и тем не менее разошлись быстрее, чем это бывает в подобных случаях. Сбор от билетов вкупе с другими

пожертвованиями составил 260 тысяч долларов, предназначавшихся для реставрации старинного здания середины восемнадцатого века, в котором и состоялась демонстрация мод. В свое шоу, для придания пущей выразительности, Хальстон включил в качестве моделей и нескольких знаменитостей, в том числе и Лайзу. А вся программа целиком находилась в руках у вездесущей Кей Томпсон, которая выступила в роли режиссера и хореографа.

Однако во время репетиции, когда Хальстон дожидался выхода своих моделей, возникла заминка. Нетерпеливому Хальстону показалось, будто Кей Томпсон уделяет неоправданно большое внимание Энн Кляйн. Не выдержав, он в сердцах бросился вон из зала, увлекая за собой весь эскорт из моделей и ассистентов, и поспешил запереться в лимузине. Потребовалось немало уговоров и увещеваний, прежде чем он, презрев уязвленное самолюбие, наконец снизошел к просьбам и соизволил-таки вернуться в зал.

Лайза вышла к машине и, как вспоминает Элинор Ламберт, «принялась колотить кулаками в дверь и топать ногами, но Хальстон и бровью не повел. Он остается сидеть в машине, и точка. И тогда Лайза обернулась к другим манекенщицам и сказала: «Послушайте, девочки, у нас с вами показ, так что не ввязывайтесь в это дело. Это ведь шоу-бизнес, а шоу, как известно, должно продолжаться. Хватит дурака валять, пойдемте репетировать». И они увязались вслед за Лайзой, а Хальстон остался один сидеть в машине».

Через несколько минут Хальстон на цыпочках вылез из лимузина и, не проронив ни слова, прокрался на свое место в зале. На протяжении семидесятых годов и даже позже жизненные пути Лайзы и Хальстона то переплетались, то расходились вновь.

Среди нескольких десятков других женщин в жизни Хальстона единственной, способной тягаться с Лайзой за первое место в его сердце как в профессиональном, так и в чисто личном плане, была Бьянка Джаггер. Ее девичье имя Бьянка Перес Морена де Марсиас, а за Мика Джагтера, лидера «Роллинг Стоунз», она вышла замуж в 1971 году, в начале своей сенсационной карьеры в качестве международной супермодели. Джаггер, чьи знакомые отчасти являлись и знакомыми Лайзы, водил также дружбу с Хальстоном, Энди Уорхолом, Труменом Кэпотом и многими другими из их компании.

Прежде чем ступить на стезю этакого рок-разбойника, исполнявшего вариации в стиле американского «блюз-энд-соул», Джаггер три года отучился в лондонской Школе Экономики. Лайза близко сошлась с Бьянкой Джаггер в 1978 году, после того

как Мик переключил свои симпатии на модель из Техаса, Джерри Холл, и в конце концов бросил первую жену — не в последнюю очередь из-за ее нескончаемых увлечений на стороне. После того, как они с мужем расстались, у Бьянки был короткий роман с Райаном О'Нилом. Но утешение и приют она нашла у Хальстона, в доме № 101 по Восточной Шестьдесят Третьей улице, известном в среде нью-йоркской богемы просто как «сто первый».

Хальстон пригрел ее, став при ней чем-то вроде дуэньи и сводни, поставив себе целью во что бы то ни стало найти для Бьянки богатого жениха. Она же льнула к Хальстону, потому что прежде чем найти силы вернуться к жизни, ей требовался человек, о котором она также могла бы заботиться, не волнуясь при этом, сумеет ли она удовлетворить его сексуально. «Лучших друзей, чем гомосексуалисты, трудно себе представить, потому что они, видя в вас женщину, не испытывают при этом никакой ревности, — принималась объяснять Бьянка каждому, кто был готов ее выслушать. — Они вас любят, но при этом не донимают приставаниями».

Что касается отношений Хальстона и Лайзы, то это не совсем верно. В конце 1970 годов, когда Лайза переживала период самодеструкции, чем-то напоминающий то, через что прошла ее мать, — у нее был роман с Мартином Скорсезе, хотя официально она все еще оставалась женой Джека Хейли, — Хальстон не просто подставил ей плечо для опоры, а также дал несколько понюшек кокаина, дабы заглушить боль и царящую в ее душе неразбериху. Однако и боль и неразбериха только усилились после того, как они со Скорсезе, закончив работу над лентой «Нью-Йорк, Нью-Йорк», взялись за постановку «Акта». Хальстон создал для нее костюмы, использовав для этого как стиль, так и здравый смысл, воплотившиеся в знаменитые, сверкавшие блестками платья. Вот как Хальстон объяснял это Лайзе: «К тому моменту, когда с тебя градом катится пот, мы наденем на тебя блестки, и никакой пот не будет заметен. Уж если тебе и так и предстоит блистать, то почему бы нам не прибавить еще чуточку блеска».

На протяжении всего этого периода Хальстон был для Лайзы чем-то вроде отца-исповедника, наставника и ментора. Он познакомил ее с доктором Робертом Джиллером, который нажил себе колоссальное состояние, делая знаменитостям инъекции витаминов, чтобы поддержать и взбодрить их. Среди его клиентов встречаются такие громкие имена, как Джордж Хэмильтон, Джуди Коллинз, Кэрри Фишер, Михаил Барышников и Лайза. Но, пожалуй, еще большую роль сыграло знакомство Хальстона со Стивом Рубеллом, который моментально сделался его

закадычным приятелем на многие годы. В те дни Рубелл возглавлял знаменитую дискотеку «Студия 54».

Вот как Стивен Гейнз описывает отношения между Хальстоном и Рубеллом: «У них были совместные владения на Файр-Айленд и общие мальчики на Манхэттене, они вместе проводили отпуск в Мустике и оба выступали телохранителями при Лайзе, сидя от нее по обеим сторонам в 1978 году во время вручения наград «Тони».

Детище Рубелла, «Студия 54», стала средоточием ночной жизни артистического Манхэттена, а Хальстон состоял при ней кем-то вроде «Волшебника из страны Оз», нажимавшим рычаги, и главным распорядителем танцев. Это была отнюдь не та борьба за признание у публики, которую некогда пришлось вести Питеру Аллену. Нет, это была хромированная, усыпанная бриллиантами «эрзац-богема» старых и знаменитых — они приезжали сюда на лимузинах и в мехах, пили шампанское и виски, нанюхивались до одури кокаином, глотали таблетки, а в промежутках между всем этим вели разговоры о том, как тяжела и невыносима жизнь.

Вот как описывает это Стив Гейнз: «Каждый вечер их ждало что-то новенькое, что щекотало нервы, — раздобревшая Элизабет Тейлор в несуразной шляпе с цветами, сидя вместе с Хальстоном в диск-жокейской кабинке, всю ночь напролет баловалась освещением. Мик Джаггер, засыпавший на плече у Барышникова, Трумен Кэпот, отмечающий очередную пластическую операцию. То там устраивалась вечеринка для журнала «Пипл», то отмечался Хэллоуин, то устраивался праздник по случаю вручения «Оскаров», то веселились по поводу бродвейской премьеры «Акт» с участием Лайзы, то праздновался ее день рождения, то день рождения Лиз Тейлор, то день рождения Энди Уорхола или Стива Рубелла».

Жадная до сенсаций пресса хваталась за любую сплетню, исходившую из «Студии 54», и в особенности из закрытого подвального помещения, где, если верить слухам, еженощно царили секс и наркотики (два основных хобби завсегдатаев этого заведения). Рубелл обычно только посмеивался над подобными измышлениями. «Да, там творились вещи похлеще, — говорил он. — Уверяю вас».

Ходить в «Студию 54» означало в своем роде вызов моральным устоям. Рубелл с Хальстоном обожали скользить по тонкому льду, нащупывая крайнюю точку общественной терпимости, и осознание опасности быть пойманными за чем-то недозволенным представлялось еще даже более соблазнительным, нежели не быть пойманным за этим. Для Хальстона и Рубелла их «русской рулеткой» стал секс без

презерватива и сопряженный с этим риск подцепить какое-нибудь заболевание. Некоторое из того, что делали эти двое, в какой-то момент станет слишком рискованным искушением судьбы, и в конечном итоге они оба пали жертвами собственной глупой самонадеянности.

Тем не менее Рубелла доконали не наркотики, не выпивка, не секс в полуподвале. И не «чемпионаты» по эякуляции, когда официанты и гости соревновались, кто из них выпустит струю спермы на большее расстояние, призом в которых служил отдых в обществе Рубелла. И не вечеринка в «сто первом» для гомиков одной жаркой ночью, когда Хальстон, в декольтированном платье и на каблуках, принимал у себя Рубелла, нарядившегося по этому случаю в алое платье, усыпанное блесками и с разрезом на боку, в котором Лайза выступала в мюзикле «Акт». (Один репортер, который божился, что слова не проронит о вечеринке в «сто первом», не сдержался и проболтался-таки об оргиях в спальных комнатах и россыпях кокаина и наркотических таблеток.)

В конечном итоге причиной крушения империи Рубелла явилось то самое обстоятельство, которое в свое время сгубило и Аль Капоне, еще одного тирана общественных нравов, считавшего, что он выше каких-либо писанных и неписанных правил. Немезидой Рубелла стала самая что ни на есть заурядная банальность в лице налоговой службы и ее воплощение — мужчина средних лет в костюме-тройке. Рубелл не сумел устоять перед искушением принять участие в телевизионном ток-шоу, где принялся во всеуслышанье хвастать, как ловко он водит за нос налоговое ведомство.

Летом 1979 года представители ФБР уже вовсю допрашивали Рубелла, Хальстона и множество других. Рой Кон пытался оградить Рубелла от «светившей» ему тюрьмы, но не смог. И поэтому накануне закрытия «Студии 54» и отправки Рубелла в тюрьму для белых воротничков, Хальстон сделал то единственное, что еще было в его силах. Он закатил в «Студии 54» прощальную вечеринку, на которой пела Дайана Росс. Это был своеобразный реквием по определенной эпохе и определенным людям, ведь окружающие начали косо посматривать на мальчишеские выходки и то неуважение к системе, благодаря которым завсегдатаи этого заведения и приобрели все свои богатства и неплохо устроились в обществе.

В карикатуре, помещенной 29 мая 1978 года в «Нью-Йоркере», намекалось, что Хальстона, а возможно и Лайзу, можно списать со счетов. На рисунке была изображена женщина, беседующая с мужем за завтраком. Вот ее слова: «Мне приснилось, что я сижу на собрании Национального Совета

Безопасности, и представь себе, кого я там вижу — Лайзу Миннелли и Хальстона!»

Хальстон близко к сердцу воспринял эту карикатуру и все, что за ней стояло: «Вы видите и слышите, как обо всех рассказывают самые безумные вещи — но ведь я человек, как и любой другой, — жаловался он. — Ну, может быть, не совсем такой, как все. Я больше бываю на публике, меня чаще фотографируют. Порой это даже действует на нервы. Всем известно, кто я такой, но ведь я не знаю, кто они такие».

Сказать по правде, можно усомниться в том, было ли Хальстону известно, кто он такой в действительности.

Прощай, Джек — здравствуй, Марк

В последние две недели января 1978 года Лайза совсем слегла — по мнению врачей, с пневмонией — и поэтому сначала оказалась в одной из нью-йоркских больниц, а затем на техасском курорте, причем все это время Джек не отходил от нее ни на шаг, чтобы ежедневно следить за ее состоянием. Некоторые, однако, считали, что никакая это не пневмония, а лишь следствие ночных оргий, кокаина и Мартина.

Спустя три недели, 24 февраля, Джек и Лайза официально объявили о расторжении их четырехлетнего союза. Тому имелось немало причин, в том числе ее увлечения Барышниковым и Скорсезе и многое другое. Джек считал, что их разъезд — явление временное, и они с Лайзой вскоре воссоединятся. Именно с этой целью он покинул их квартиру с видом на Центральный парк и поселился в другой в том же самом доме, чтобы иметь возможность еще видеться с Лайзой.

Но у нее был свой взгляд на вещи. По ее мнению, раздельное проживание служило лишь преамбулой к разводу. Ей не хотелось иметь соседом бывшего мужа, так что она переселилась в старую свою квартиру на Восточной Пятьдесять Седьмой улице, которую когда-то делила с Питером Алленом. Иск о разводе был подан в апреле. Джек и в конце их взаимоотношений проявил ту же галантность, что и в начале. Он наотрез отказался публично комментировать поведение Лайзы во время супружества, все ее увлечения и сердечные дела. Вместо этого он твердил, что просто их жизненные пути разошлись, и развод — благо для них обоих. На протяжении всех последующих лет Джек и Лайза оставались в дружеских отношениях, в отличие, например, от той отчужденности, которая возникла между Лайзой и Питером. Лайза не раз в первые годы после развода обращалась к Джеку за советом и моральной поддержкой. Лайза снова вышла замуж в декабре 1979 года; Джек от души пожелал ей счастья, заодно воспользовавшись этим как возможностью публично объявить о своих отношениях с актрисой Лики Вагнер.

Надо сказать, что в это же самое время не обошлось и без серьезных размолвок — в конце 1978 года Лайза разругалась со своим отчимом Сидом Люфтом, когда тот объявил, что 27 ноября выставит личные вещи Джуди на аукционе в отеле «Уилтшир» в Беверли-Хиллз. Нетрудно догадаться, что Джои и Лорна предпочли остаться в стороне, ведь как-никак Сид Люфт был их отцом. Адвокаты Лайзы пытались добиться судебного запрета, но пока суд да дело, аукцион все-таки состоялся. Сид положил себе в

карман 310 тысяч долларов, в том числе 60 тысяч долларов за принадлежавший Джуди «роллс-ройс». Лайза приобрела туалетный столик Джуди и статуэтку, изображавшую мать и дитя, которые были ей особенно дороги и которые Сид ни в какую не желал отдавать.

Этот эпизод сильно разозлил ее, и хотя Лайза впоследствии помирилась со своим отчимом, их отношения уже не были такими, как прежде.

Перед самым разводом Джек ушел из телеотдела студии «XX Век — Фокс», однако уже в качестве всеми уважаемого независимого телепродюсера продолжал исправно делать документальные телепрограммы. Среди них такие, как «Мир Комедии Боба Хоупа», «Жизнь идет на войну», «Голливуд и внутренний фронт», «Герои рок-н-ролла», серию «Рипли — Хотите верьте, хотите нет», «Голливуд дар смеха», и «100 лет Голливудского вестерна».

Что касается Лайзы, она тоже с головой ушла в дела, однако в тот период ей срочно требовалось либо появиться в новом шоу, новой концертной программе, либо отправиться с гастрольной программой по кабаре, чтобы подтвердить свое «звездное качество».

Для следующей совместной постановки Лайза и Фред Эбб решили снять «Карнеги-Холл». Тем не менее, оба они прекрасно осознавали, что звезда не имеет права просто «дать очередной концерт» — он непременно должен быть лучше — зрелищнее — предыдущего. Вот почему они решили, что в «Карнеги-Холл» не гоже устраивать всего лишь один жалкий концертишко. Вместо этого они арендовали зал на одиннадцать вечеров — тем самым Лайза побила все рекорды — ни один исполнитель до нее не давал в «Карнеги-Холл» серию концертов.

Билеты продавались по цене от 7,5 до 25 долларов за место, таких цен Манхэттен еще не знал. В день премьеры, 4 сентября 1979 года, билеты были раскуплены на все одиннадцать концертов — первый случай в истории «Карнеги-Холла». И ожидания зрителей оправдались.

Ее выступление тем вечером и во все последующие вечера не оставили публику разочарованной.

Вот что писал Джерри Паркер из «Ньюсдей»: «В концерте есть три-четыре момента, когда сила и волнение, исходящие от Миннелли, кажутся просто устрашающими. Она потрясает! Можно сказать, что на сегодняшний день она — величайшая эстрадная исполнительница. Найдется ли сегодня хоть кто-то другой, кто стал бы из кожи вон лезть так, как это делает Лайза?»

Жак Ле-Сур восторгался: «Это шоу — настоящий динамит от

начала до конца. Лайза электризует этот достопочтенный зал так, как никто до нее. На протяжении двух часов от нее исходит такая энергия, которой достаточно, чтобы зарядить ею весь город на целое десятилетие вперед. Она сверкает и переливается ослепительными блестками. Это великолепно сделанная работа и воистину незабываемая ночь».

Патриция О'Хар из «Нью-Йорк Дейли» писала: «Как только Лайза начинает петь «Сколько это длилось?», музыканты выходят на сцену по одному и занимают места на различных платформах. С этого момента власть переходит к энергии, в самом чистом и незамутненном виде. Это потрясающий концерт».

Было ясно, что Лайзе и Фреду, который одновременно является автором сценария, продюсером и режиссером, удалось воплотить задуманное, разумеется, не без помощи удачно подобранных единомышленников — хореографов Уэйна Чиленто и Рона Льюиса, художника по декорациям Лолекса Миллера и менеджера проекта Марка Геро. Им всем хотелось блеснуть новизной и, в то же время, показать зрителю Лайзу, способную поразить видавший виды Манхэттен. И это им удалось. Кроме того, они желали создать некое ядро программы, которую затем можно вывезти на гастроли, подобно тому, как обстояло дело с программами кабаре, которые Лайза и Фред создавали в былые годы, начиная с их первого опыта в «Голубом Зале» отеля «Шорэм».

Тем временем жил на свете один человек, на пять лет ее младше и сильно ею интересующийся, однако в самом начале она осталась к нему равнодушна, хотя, по ее мнению, он внешне напоминал ее старого приятеля Роберта де Ниро.

Марк Геро был скульптором, но зарабатывал себе на жизнь работой в театре. Он был в числе занятых в постановке «Акта» и проникся к Лайзе глубокой симпатией. Он несколько раз приглашал ее посидеть где-нибудь в ресторане, но она всякий раз отклоняла его предложения. И лишь когда «Акт» прикрыли, они наконец отправились на свое первое официальное свидание. После этого Лайза начала появляться в обществе Марка или в «Студии 54» заодно со своим приятелем Хальстоном, или в ресторанах. Мало кто этому удивлялся. Марк, с его темными, серьезными глазами и классически правильными чертами лица, как и она, был «театральным» ребенком, ведь его отец тоже выступал на сцене.

Они продолжали встречаться даже после того, как «Акт» сошел с подмостков, а Лайза с Фредом решили, что в 1978–79 годах ей стоит отправиться по свету с концертными гастролями. Марк присоединился к ним в качестве менеджера, и поэтому,

когда в ноябре Лайза вернулась в лондонский «Палладиум», влюбленные, можно сказать, стали неразлучны. Свое пребывание в Европе они дополнили поездкой в Париж на Рождество. На следующий год Марк сопровождал Лайзу в турне по Великобритании, открытие которого состоялось 23 июля в «Ковент Гарден» участием в постановке «Сова и кошечка». После этого началось непосредственное концертное турне по стране в сопровождении Фреда Эбба и Марка, выполнявшего обязанности распорядителя сцены. Когда гастрольная программа занесла их в Новый Орлеан, Марк и Лайза решили, что им пора объявить о помолвке, что и было сделано на одной из вечеринок для их труппы.

Многие недоумевали, что, собственно, нашла Лайза в своем новом избраннике, ведь в отличие от Боба Фосса, Мартина Скорсезе, Михаила Барышникова или Джека Хейли Марк отнюдь не блистал на своем поприще. Однако, возможно, в этом-то и заключался весь секрет. Марк не собирался вступать с ней ни в какое соревнование, а Лайзе, по всей видимости, хотелось тихой и уединенной семейной жизни, чтобы наконец обзавестись ребенком, о котором она так мечтала.

Однако до свадьбы Лайзе предстоит еще появиться в одном телешоу с Голди Хон, которое называлось «Голди и Лайза — вместе». Обе звезды имели много общего как в артистической карьере, так и в характерах. Как заметила сама Лайза: «Голди и я — как два персонажа из карикатуры. Она — взбалмошная блондинка. Но ее взбалмошность сродни взбалмошности Эйнштейна. Мне довелось работать с другими женщинами, и я знаю, что это за труд, но с Голди все обстояло иначе. Если, допустим, у меня что-нибудь не так с платьем, она обязательно поправит. Я знаю таких людей, которым все равно, в чем я выйду на сцену, да хоть в пуху. В основе нашей программы лежало убеждение, что нет нужды доказывать, будто мы лучше других, главное — докажи, чего ты сам стоишь».

Лайза и Голди сошлись быстро. Лайза поделилась с Голди секретом, что ждет ребенка от Марка. Голди была рада тому, что у них с Лайзой возникло такое редкое взаимопонимание. «Как здорово, что мы с ней так подружились, — говорила она. — Лайза и мои дети превратились в закадычных приятелей. Я сказала ей, что дети в этой жизни самое главное, что это самое прекрасное, что может произойти с ней. Лайза просто прелесть».

Бракосочетание, причем весьма скромное, состоялось 4 декабря 1979 года в епископальной церкви Святого Варфоломея на Манхэттене. Присутствовало лишь два десятка друзей. Беременная невеста опоздала на целый час. На ней было

шифоновое платье от Хальстона. А после церемонии состоялось небольшое торжество дома у Хальстона на Шестьдесят Третьей Восточной улице. Невесту под венец сопровождал отец, Лорна была свидетельницей, а братья Марка, Джейсон и Джонатан, — шаферами. В числе приглашенных оказались давняя приятельница Винсенте Ли Андерсон, Энди Уорхол, Элизабет Тейлор, Стив Рубелл и Фей Данауэй. Снаружи молодоженов поджидала толпа восторженных поклонников, которые тотчас принялись обсыпать их рисом на выходе из церкви. Церемония бракосочетания растрогала Лайзу — хотя и была для нее уже третьей по счету. «Наверно, плакать полагалось окружающим, но вместо этого я сама проревела все мое венчание, — вспоминала она позднее. — Это смотрелось довольно глупо. Когда я начала произносить обет, то, скорее, напоминала Мисс Пигги! Я не в первый раз выходила замуж, но так, как сейчас, — никогда. Марк, скорее всего, воплощал собой то, что мне приходилось читать о любви. Пока в моей жизни не появился Марк, сомневаюсь, что я кого-нибудь любила».

Они свили себе гнездышко в четырнадцатикомнатных апартаментах в Верхнем Ист-Сайде, на Шестьдесят Девятой улице в районе «Йорквиль». Полы в их новом жилище были мраморными, в общем убранстве чувствовалась умелая рука Марка и Энди Уорхола. Марк полностью вернулся к занятию скульптурой, причем поскольку его работы тяготеют к абстракции, то они хорошо вписывались в декор квартиры. Из окон открывался редкой красоты вид на город, а для придания жилищу неповторимости кое-где по стенам были развешаны афиши киноработ Винсенте Миннелли.

Другие штрихи в убранстве, в виде бьющих в глаза цветов и смелых решений, появились благодаря Хальстону и его коллеге Тиму МакДональду — например, смелое чередование красных пятен и полосатых кресел и белой кожаной мебели в комнате для игры в карты, баре и супружеской спальне. Это было шумное начало совместной жизни в доме, созданном скорее для развлечений, чему они и предались с великим удовольствием.

К сожалению, Лайзе не удалось выносить ребенка. Она собиралась назвать его в честь Кей Томпсон, если это будет девочка, или же в честь брата Джои, если родится мальчик. Вместо этого у нее случился болезненный выкидыш, после того как ее с невыносимыми болями в срочном порядке доставили в нью-йоркский Медицинский Центр. Это трагическое событие случилось всего через шесть дней после свадьбы. Однако Лайза следовала в жизни той философии, что никогда не следует слишком расстраиваться, поэтому она довольно быстро

оправилась после депрессии. Друзьям Лайза заявила, что на этом мир не рухнул, и еще можно будет попробовать в другой раз, а тем временем она занялась рождественскими покупками.

Через год, когда ей исполнилось уже тридцать пять, она обнаружила, что снова беременна. 4 октября 1980 года ее срочно доставили в Массачусетский Госпиталь с болезненными спазмами живота, прямо из одного маленького городка по соседству, где Лайза тогда выступала с Джоэлом Треем в местном клубе. Там у нее и случился приступ. На следующий день она узнала, что беременна, однако врачи сочли, что риск неоправданно высок — во-первых, у нее уже был выкидыш, а во-вторых, Лайза вряд ли отказалась бы от концертов. Врачи сказали Лайзе и Марку, что если они желают иметь ребенка, то ей в ближайшие восемь месяцев придется отказаться от напряженной, а то и бурной исполнительской деятельности. Лайзе действительно хотелось ребенка, причем по ряду причин — в том числе из-за того, что Голди рассказывала ей о радостях материнства.

Лайза отменила все концерты до конца года, и пара уединилась в доме, приобретенном ими на берегах озера Тахо. 1 января 1981 года Марк вместе с Лайзой поехали в больницу города Рино. Врачи, осмотрев ее, пришли к выводу, что Лайзе требуется небольшая операция, поскольку плод развивался несколько неправильно. Но все закончилось очередным выкидышем. 1981 год начинался для Лайзы и Марка мрачно.

Артур и другие

Успех на профессиональном поприще несколько смягчил душевные страдания актрисы. В начале 1980 года Лайза появилась в двух телешоу. Первое, которое называлось «Голди и Лайза», вышло на экраны 19 февраля 1980 года и удостоилось теплых, хотя и не слишком восторженных откликов.

Джон О'Коннор писал в «Нью-Йорк Таймс»: «Две симпатичных, талантливых женщины вместе выступают в приятной глазу программе. Не шедевр, но весьма мило».

Вторая телепередача была посвящена музыкальному театру, хотя, скорее, задумывалась специально для Михаила Барышникова. Называлась она «Барышников на Бродвее» и вышла в эфир 24 апреля. Лайза приняла в ней участие в качестве гостьи. Она с удовольствием появилась на голубом экране вместе со своим бывшим красавцем возлюбленным.

Вот что она рассказывает: «Мы с Мишей уже давно вели разговоры о том, как хорошо было бы выступить вместе, но эта телепередача стала нашей первой такой попыткой. Когда я думаю о ней теперь, то начинаю понимать, какое это, однако, было несуразное сочетание. Готова поспорить, какого дьявола мы там затеяли. Но Миша? Милый обаятельный человек. Гений. Потрясающий танцовщик и редкой красоты человек».

О'Коннор писал об этом шоу так: «Эта передача побила все рекорды популярности. Это мастерски воплощенный замысел. Мисс Миннелли сыграла неоценимую роль в качестве ведущей, рассказчицы, помощницы. По правде говоря, она достойна того, чтобы имя ее оказалось вынесено в заглавие. Ее пение будоражит — особенно «Музыка, под которую хочется танцевать», — кстати, танцует она столь же великолепно. Ее исполнение отличается редкой и посему достойной восхищения щедростью. А все, вместе взятое, заслуживает бурных оваций».

Закончив работать над совместной программой с Барышниковым, Лайза приступила к съемкам нового фильма, который, по ее мнению, был просто обречен на успех. То была история нерешительного, запутавшегося в жизни пьяницы-миллионера, который разрывается между своей богатой, но стервозной невестой и обыкновенной, но отзывчивой и добросердечной официанткой.

На главные роли были приглашены самые популярные актеры, в том числе сэр Джон Гилгуд в качестве Хебсона, мрачного, но знающего свое дело камердинера-англичанина, Джилл Эйкенберри в качестве занудной аристократки Сьюзан

Джонсон, Дадди Мур, коротышка-комик и большой любитель рослых подружек, — на роль Артура Баха, холостяка-миллионера. Лайзе предстояло сыграть Линду Марроллу, ту самую хорошенькую душевную официантку.

Песен в картине не было, зато имелось много веселого и комичного, и все это, вкупе со «звездным» составом, не могло не привлечь ее. Лайза была уверена, что после нескольких последовательных неудач она наконец-то попала в точку.

Как и при работе над любой картиной, во время съемок «Артура» не обошлось без проблем, однако самой неприятной из них оказалась та, которую никто не предвидел, — поклонники Лайзы. Несколько эпизодов снимали в Нью-Йорке, и зеваки воспринимались съемочной группой как нечто само собой разумеющееся. Чего они никак не ожидали — так это того, что нью-йоркские улицы будут запружены поклонниками Лайзы. Для Стива Гордона, режиссера и сценариста, это был не только его первый режиссерский опыт, но и первый опыт работы со «звездой», за которой тянулся шлейф идолопоклонников.

Вот что он вспоминает: «К середине утра нас уже окружала многотысячная толпа. Мы превратились в достопримечательность для туристов.

Люди говорили друг другу: «Пойдем, посмотрим на отель «Плаза», на Статую Свободы, а по пути взглянем, как там снимают «Артура».

Съемки происходили в конце лета 1980 года, стояла жуткая жара, но на это никто не обращал никакого внимания. Вокруг съемочной площадки толпились зеваки, расталкивая друг друга, чтобы пробиться поближе к предмету своего обожания.

«Люди со смеху покатывались, глядя на Дадли, — в замешательстве рассказывал Гордон, — но зато они так и норовили дотянуться до Лайзы и прикоснуться к ней. Словно от нее исходила некая магическая сила, которую они хотели у нее позаимствовать».

Это восторженное отношение к актрисе разделяли как ее партнер по картине, так и сам режиссер. Вот что рассказывает Дадли Мур: «Во время съемок нетрудно было все время оставаться в приподнятом настроении, ведь рядом всегда находилась Лайза. Ее уверенность в себе притягивала людей». А вот мнение Гордона: «По-моему, она — просто чудо, наглядный пример щедрой натуры. Она дарила Дадли то самое комическое облегчение, в котором он так нуждался. Она — все то, что вы о ней думаете. Она ничего не знает и одновременно знает все».

Закончив съемку эпизодов с ее участием, Лайза отправилась с концертной программой и вернулась только в мае 1981 года,

чтобы доделать последние штрихи. «Артур» вышел на экраны в июле.

К сожалению, кинокритики, в отличие от участников съемок, восприняли ленту довольно прохладно, хотя у зрителя она пользовалась успехом. Дэвин Ансен из «Ньюсуика» полагал — как, впрочем, и многие другие кроме него до начала съемок, — что «Артур» просто обречен на успех. Вот как он выразился по поводу вышедшего на экран фильма: «Артур» — не лучшая комедия сезона, что весьма прискорбно, потому что в нем задействованы самые лучшие комедийные силы — Дадли Мур и Лайза Миннелли. Но снимем с Лайзы ответственность за неуспех картины — ей просто не дали развернуться».

Стэнли Кауффман из либеральной «Нью Репаблик» не согласен с Ансеном — по его мнению, именно Лайза в первую очередь повинна в том, что фильм, как комедия, не сумел обрести верного звучания: «В «Артуре» немало презабавнейших моментов, но ни в одном из них не увидишь официантку в исполнении Лайзы Миннелли. Каким-то образом она умудрилась превратить любое место, любой эпизод — будь то, например, кухня где-нибудь в Квинсе — в лас-вегасский сентиментальный будуар». А вот что писал Джон Саймон из консервативного «Национального Обозрения»: «Джил Эйкенберри — симпатичная талантливая актриса, но из нее нарочно сделали какое-то убожество, но даже так — даже так она в тысячу раз лучше, чем Лайза Миннелли. Хотя мисс Миннелли и держится довольно сдержанно, все равно от нее исходит свойственная только ей физическая и духовная омерзительность».

Полин Коль из «Нью-Йоркера», одна из наиболее авторитетных обозревателей того времени, также критически отзывалась о работе Лайзы, которая, по ее мнению, как бы «выпала» из великолепной игры окружавших ее звезд, таких, как Дадли Мур и сэр Джон Гилгуд. Полин Коль писала: «Одна задумка, которая так и не сработала, — это приглашение в картину Лайзы Миннелли. Мур и Гилгуд словно отскакивают друр от друга, они играют на одном поле. Однако стоит появиться Миннелли, как ни от кого она не отскакивает, и все трое как бы существуют сами по себе. Мне трудно представить себе, какой должна быть эта Линда, но я сильно сомневаюсь, что мисс Миннелли это тоже известно. Когда ей следует казаться трогательной, она вас заводит, она таращит свои знаменитые глаза, словно только что увидела привидение. И все равно у вас остается впечатление, что Артуру все-таки лучше бы жениться на Хобсон».

Уже давно ходили разговоры о том, что Лайза принимает

наркотики, особенно после похорон матери, когда она сидела на транквилизаторах, или же когда водила дружбу с Хальстоном, который сам не мог без них прожить. Однако Лайза отрицает какую-либо зависимость от наркотиков, хотя и признается, что однажды пробовала курить то, что она называет «косячок-другой», но ей не понравилось, как она потом себя чувствовала. Если у нее к чему и выработалась зависимость, настаивает она, так это к «Мальборо», которыми она дымит сигарета за сигаретой, или «Гран-Марнье» с «кока-колой». Но, пожалуй, главная из ее проблем в том, что касается «Артура», проистекала из ее подражания главному герою. Ходили упорные слухи о том, что ее злоупотребление спиртным и наркотиками отрицательно сказывается на работе над фильмом.

Есть доля иронии судьбы в том — хотя одновременно это было вполне предсказуемо, — что в относительно тесном мирке шоу-бизнеса во время съемок «Артура» вновь пересеклись жизненные пути Лайзы и ее бывшего мужа Питера Аллена. В 1981 году Питер сочинил для картины лейтмотив. Эта мелодия «Тема Артура», написанная в сотрудничестве с композитором-исполнителем Кристофером Кроссом, удостоилась «Оскара» в номинации «Лучшая песня». Карьера Питера продолжалась и дальше — ему то сопутствовал успех, то неудача, — пока в 1992 году его жизнь не оборвалась в результате заболевания СПИДом.

Вскоре после выхода «Артура» на экраны Лайза отправилась в концертное турне по Австралии, Японии и Филиппинам. Кислые отзывы критиков о ее последней работе вдребезги разбили и ее надежды сыграть Эву Перон в экранизации знаменитого мюзикла «Эвита», а также стоили ей еще двух-трех ролей, на которые она тогда претендовала. Тем не менее Лайзе удалось взять себе в представители Сэма Коэна, агента из Международного творческого менеджмента. Подобного рода представительство, вполне соответствующее ее звездному статусу, помогло ей и дальше получать престижные роли и концертные контракты, хотя и не все, на которые она рассчитывала.

Ее следующее крупное турне по Африке и Европе прошло гладко. Началось оно осенью 1982 года в довольно-таки необычном месте, в Ботсване, на юге Африканского континента. Американцы, наверняка, никак не могли взять в толк, с какой стати звезда такого масштаба, как Лайза, отправилась в африканскую глушь, развлекать кучку слонов и жирафов — это первое, что, по всей видимости, приходило в голову ее поклонникам при словах «Ботсвана, Южная Африка». Хотя на самом деле выступала она в так называемом «Сан-Сити», громадном игорном курорте, устроенном на манер Лас-Вегаса.

Лайза дала там одиннадцать концертов, получив за это миллионный гонорар. В турне ее сопровождала труппа из четырнадцати музыкантов и танцоров. После Ботсваны вся эта компания отправилась на север, где их ждали концертные залы Парижа, Милана, Рима и Вены.

1983 — концерты и воспоминания

Чем больше старел Винсенте, тем сильнее Лайза привязывалась к отцу. 19 февраля 1983 года в день его восьмидесятилетия она устроила для него юбилейный прием в Палм-Спрингс. Винсенте был стар и утомлен жизнью, и в конце января ему поставили кардиостимулятор. Однако его четвертая жена, Ли Андерсон, с которой он сочетался браком в 1980 году, несмотря на опасения окружающих, что он ей не пара, окружила его вниманием и заботой. Он долго за ней ухаживал, а она оказалась любящей и терпеливой, так что их брак стал для него, пожалуй, самым счастливым.

Никто не сомневался, что благодаря заботам Ли Винсенте проживет еще дольше.

Лайза частенько навещала отца в его доме на Крисчен-Драйв в Беверли Хиллз, наведываясь туда не реже раза в месяц. Она рассказывала ему последние сплетни и новости из мира шоу-бизнеса и музыки, чем вносила разнообразие в его жизнь. Она также познакомила Винсенте кое с кем из своих новомодных друзей — например, с Майклом Джексоном. Вторая дочь Винсенте, Кристина «Тина-Нина», от второй его жены, жила в Мексике со своими детьми, Винсенте и Земинией — других внуков у него не было. Она также навещала отца время от времени, однако с Лайзой близости у нее не возникло, по крайней мере такой, какая существовала между тремя детьми Джуди — Лайзой, Лорной и Джои.

Некоторые полагали, что Лайза ревновала Тину-Нину и отказывалась признать, что обожаемый ею папочка мог любить еще кого-то, кроме нее. По воспоминаниям ее сводной сестры: «Лайза всегда была ближе к отцу, чем я, ей было легче найти с ним общий язык. Вы ведь помните, кто ее мать — и хотя у Джуди имелись как достоинства, так и недостатки, Лайза возвела ее на пьедестал. Отец же означал для нее стабильность, и Лайза была в него просто влюблена».

Через несколько недель после юбилея в Палм-Спрингс Лайза открыла свое новое турне посвящением творчеству отца, продолжавшимся около получаса.

Фред Эбб считал, что пора ввести в ее концерты и песни Джуди. Чтобы убедить Лайзу, он указал на награды в ее гостиной — «Оскар», четыре «Тони» и множество других, — заметив при этом: «Тут на всех написано «Лайза Миннелли», а не «Джуди Гарленд». Ты своего достигла. Теперь мы можем ввести в концерт кое-что из ее песен. Мне кажется, пора сказать ей «спасибо».

Программа называлась «Сама по себе», и критики, после премьеры в лос-анджелесском театре «Юниверсал», состоявшейся в апреле 1983 года, издевались как только могли, желая перещеголять друг друга. Они писали о том, что энергия и напор Лайзы не оставили места для тонких оттенков. «Рок-н-ролльный темп, — заявляли они — не уместен для песен, взятых из мюзиклов, поставленных ее отцом, или же из репертуара ее матери». Но, как всегда, публике было глубоко наплевать, что там пишут критики, и все билеты до единого разошлись в мгновение ока. В марте 1983 года Лайза устроила еще одно мероприятие в честь отца, на этот раз в музее современного искусства на Манхэттене. Винсенте был слишком дряхл и не имел сил лететь через всю страну, чтобы лично поприсутствовать там, однако послал дочери благодарственную телеграмму, которую и зачитали в присутствии двухсот пятидесяти гостей, включая таких, как Джоан Беннет, Шерил Пигс, Китти Карлайл и Фарра Фосетт. Начиналась она словами: «Моя дорогая Лайза. Прежде всего, как твой отец, я хочу напомнить тебе, что стоять надо прямо, а читать медленно».

В завершение вечера, во время которого разносились коктейли, показывались отрывки из фильмов и звучали прочувствованные речи, раздался тост, поднятый Лилин Гиш в честь Лайзы: «Ты — самое великое творение Винсенте!»

В мае Лайза привезла программу «Сама по себе» на свою самую любимую площадку — ту, что занимала особое место и в сердце Джуди. Правда, на сей раз это был не «Палладиум», а театр «Аполло Виктория». Публика полюбила ее. За этим концертом последовал Каннский фестиваль, на котором Лайзе — чьи фильмы в Европе пользовались неизменным успехом, независимо от того, как их принимали в Америке — была вручена награда «За особые достижения».

Несмотря на два трагических выкидыша, Марк и Лайза продолжали мечтать о ребенке. В 1983 году она уже приближалась к сорока годам, и реальным выходом для нее могло бы стать усыновление. Лайза сделала для себя иной выбор. «Прежде чем усыновлять, мне бы хотелось заиметь собственного ребенка».

Выздоровление. Омоложение. Свобода

Еще одним поворотным пунктом в жизни Лайзы стал 1984 год — тогда ей удалось спасти самое себя без чьей-либо помощи, в том числе и без помощи собственного мужа. Лайзе следует отдать должное — она умеет найти в себе силы и мужество устоять перед ударами судьбы. Начиная с предыдущего года, Лайза усиленно готовилась к новой роли в мюзикле «Каток» — то было очередное детище ее старых друзей Кандера и Эбба. Бродвейская премьера состоялась 9 февраля 1984 года в театре Мартина Баха, и хотя критики приняли спектакль более чем прохладно, спонсоры решили, что отчаиваться не стоит.

Тем временем в отношениях Лайзы и Марка появилась первая трещина. Частично виной тому было пережитое ими обоими напряжение из-за двух, последовавших один за другим, выкидышей. По мнению Лайзы, то было «ужасное время, когда мы попросту не прислушивались друг к другу». В конце концов супруги решили расстаться с тем, чтобы проверить, сумеют ли они порознь разобраться в себе, чтобы затем воссоединиться снова. Но с Лайзой творилось нечто неладное. Мюзикл шел уже пятый месяц, и Лайза начала пропускать спектакли, чего за ней отродясь не водилось — мы ведь помним ее преданность сцене.

Лайза и сама не могла понять, что с ней такое творится, и даже тайком прошла обследование у разных врачей, чтобы убедиться, что вполне здорова. Оба медика заверили ее, что если говорить о физическом здоровье, то с ней все в порядке, однако на ней сильно сказывалось эмоциональное напряжение, так как она вкладывала в спектакль слишком много душевных сил.

Новый ее мюзикл — это забавная история о том, как одна девушка возвращается в родительский дом. Их семье принадлежит каток для любителей роликовых коньков. Здесь она волей-неволей сталкивается с матерью, с которой у нее сложные отношения. Для Лайзы эта история имела автобиографическое звучание, напоминая ей о ее собственных взаимоотношениях с матерью.

Лайза безошибочно угадывала суть ролей, которые ей выпадало играть на сцене и в жизни. «Мне надо быть остроумной. Мне надо быть шикарной. Мне надо искриться весельем. Я уже многие годы пытаюсь быть именно такой». Чтобы помочь ей, доктора предложили старое испытанное средство, к которому она прибегала еще до смерти матери, — валиум.

Все это время Лайзу преследовал страх, что она закончит точно так же, как и мать — стареющая, увядающая звезда, по уши

в долгах, сидящая на таблетках. Лайза не раз делилась этими своими опасениями с бывшим мужем Джеком. В начале июля она в компании друзей отправилась посмотреть новый фильм из жизни Маппетов — «Маппеты штурмуют Манхэттен». На следующий день, 11 июля, Лайза, как обычно, вышла на сцену в «Катке» и затем, также по традиции, отправилась по ночным клубам со своим биографом Барри Ландау.

В конце концов они вернулись к ней домой, и Лайза сильно расстроилась из-за распухшей шеи. Она была убеждена, что отек этот не стоит оставлять без внимания и на следующее утро отправилась к врачу. Тот на всякий случай предложил провести обследование. Врач ввел Лайзе местное анестезирующее средство, но у нее тотчас начались конвульсии. Этот эпизод убедил Лайзу, что она явно злоупотребляет спиртным, валиумом и другими наркотиками.

В этот момент рядом с ней был Ландау. «Она окаменела от ужаса», — рассказывал он. Именно тогда Лайза и решила для себя, что ей потребуется помощь.

Казалось, она извлекла для себя урок из ошибок матери. Когда Джуди угодила в финансовые и душевные передряги, она создала вокруг себя ауру беспомощного ребенка и ожидала, что кто-нибудь, наконец, протянет ей руку помощи, но время шло, а желающих становилось все меньше и меньше. Когда же Лайзе стало ясно, что она тоже попала в беду, она нашла в себе силы посмотреть правде в глаза и принялась активно искать выход из сложившейся ситуации. Она дала себе слово, что немедленно «завяжет и просохнет». Поскольку в ту пору среди знаменитостей престижным считалось лечиться в клинике Бетти Форд, Лайзе также захотелось пройти курс лечения именно там. Барри Ландау был лично знаком с госпожой Форд и связался с ней по телефону, позвонив ей на «Ранчо Мираж» в Калифорнию.

Лайза сама позвонила отцу, чтобы тот, не дай бог, не узнал эту новость из чужих уст. И хотя Винсенте был несколько ошарашен, тем не менее он гордился тем, что его дочери хватило здравого смысла и мужества признаться в своих проблемах.

Вот что говорит Ли: «Лайза сказала отцу, что ей нужна помощь, если она хочет жить дальше. Она говорила, что пытается вернуть жизнь в нормальное русло, так что это единственное, что ей осталось. Мы были в шоке, ее решение застало нас врасплох, но одновременно мы не могли не оценить ее мужества».

В «Катке» на оставшееся время Лайзу заменила Стоккард Чэннинг, а сама она в сопровождении Лорны вылетела в Калифорнию для прохождения курса лечения в клинике Бетти Форд. Газеты по всей стране расцвели заголовками: «Отчаявшаяся

Лайза борется с той же проблемой, которая свела в могилу ее мамочку Джуди Гарленд».

Лайза выступила с полным достоинства заявлением. Она призналась, что осознает свои проблемы, но, как и любой взрослый человек, в состоянии с ними справиться. На самом же деле, когда Лайза прибыла в клинику, расположенную посреди пустыни неподалеку от Палм-Спрингс, она едва была в состоянии держать себя в руках. На ее счастье, персонал сразу же окружил ее вниманием и заботой. Первые пять дней ее не тревожили, дав ей возможность побыть в одиночестве, чтобы она могла немного отдохнуть и освоиться.

Суть лечения в клинике Бетти Форд заключалась в следующем: поскольку зависимость от наркотиков развивается у тех, кто отгородился от реального мира и, что самое главное, от самих себя, пациентов требуется поскорее вернуть в настоящую жизнь, в том числе путем самообслуживания. Важную роль в лечении играло также написание длинного откровенного письма, адресованного тому, чье присутствие или отсутствие, действие или бездействие оставили в жизни пациента неизгладимый след. Стоит ли удивляться, что Лайза выбрала Джуди. Когда мать умерла, Лайза пыталась найти утешение в том, что активно взялась за подготовку похорон, а затем тотчас вернулась к съемкам «Джуни Мун». Ей тогда казалось, что лучше с головой уйти в дела, чем сидеть и скорбеть об утрате.

У Лайзы не было возможности поделиться с Джуди своими переживаниями и загладить взаимные обиды.

С одной стороны, на Лайзу неизменно отрицательно действовал тот факт, что весь мир обожал ее мать, но игнорировал отца, который был не менее талантлив и добр к ней. И с ним, безусловно, было легче найти общий язык. В конце своей карьеры он остался всего с одним-единственным фильмом, в котором снялась его дочь, да и тот оказался неудачным. Все это вместе взятое еще сильнее укрепляло Лайзу в убеждении, что ее отца недооценивали и что он не получил заслуженных похвал. Наконец, настало время распрощаться с Джуди. И эта возможность представилась ей в клинике Бетти Форд.

«Есть у меня одна вещь, от которой мне нужно избавиться, — заявила она. — Мне надо похоронить мать. Наконец. Ведь до этого у меня вечно не было времени — или желания, — как полагается оплакать и по-настоящему похоронить ее — я имею в виду не те похороны, что имеют место на кладбище, я имею в виду духовно. Я была чересчур осмотрительна. Я видела себя в роли собственной матери. Единственное, чего я не знала, — это как я ее люблю».

Лайза обрела, наконец, помощь и поддержку, и тут ей предстояло принять ряд важных решений. В середине июля клинику посетила Элизабет Тейлор, и сей факт поднял Лайзу в собственных глазах. Тогда же Лайза задумалась и о своем браке с Марком, о причинах, вынудивших их разъехаться. Хотя Марк звонил довольно часто, Лайза избегала всяких разговоров с ним, все чаще склоняясь к мысли, что единственным выходом из сложившейся ситуации стал бы развод.

Ее сводная сестра Тина-Нина четко обозначила некоторые из проблем, возникших в их отношениях с Марком: «Лайза обычно говорила, что он просто ею пользуется. По ее словам, пока Лайза вкалывает до седьмого пота, Марк в это время знай прохлаждается со своими родственниками где-нибудь на берегах озера Тахо, играет себе в теннис и покер и в ус не дует».

Лайза также испытывала симпатию к Джину Симмонсу, одному из участников рок-группы «Кисс». Но, в конечном итоге, выписавшись из клиники Бетти Форд, она все-таки вернулась к Марку. Время, проведенное в клинике, подействовало на нее благотворно, научило ее свободно говорить о своих проблемах.

И все-таки в большинстве своих признаний о зависимости от наркотиков Лайза весьма неохотно распространялась о том, что же конкретно она принимала, называя те вещи, которые не столь сильно осуждаются обществом, — например, алкоголь и транквилизаторы.

Журнал «Пипл» опубликовал интервью с ней относительно принимаемых ею лекарственных препаратов. Лайза категорически отрицала, что когда-либо пробовала для поднятия духа такие запрещенные наркотики, как кокаин и героин. По ее словам, она, «заметив, что чересчур привыкает к «безопасному» валиуму, переключилась на либриум. И все то время, когда я принимала либриум, я говорила себе: «Ну, признайся, Лайза, у тебя нет привычки к валиуму. Ты просто бросила его принимать». Так можно годами водить себя за нос».

Лайзе следует отдать должное — она не только честно призналась в своем пагубном пристрастии, но и пыталась что-то предпринять. Она превратилась в горячую сторонницу метода Бетти Форд и призывала других воспользоваться этой или, на худой конец, похожей программой. Вот что заявила она по этому поводу корреспонденту лондонской «Дейли Мейл»: «Я хочу, чтобы люди поняли — им вовсе незачем оставаться один на один со своей бедой. Зависимость от наркотиков — это болезнь, и от нее можно излечиться. Опираясь на чье-то плечо, можно преодолеть нелегкий период отвыкания. В одиночку этого сделать нельзя».

Мысль о том, что в одиночку ей ни за что не выстоять,

преследовала Лайзу на протяжении всего 1984 года — ей исполнилось 38 и она отчаянно пыталась обрести, наконец, душевное равновесие. Брак ее дал трещину, карьера находилась в состоянии неопределенности. Лайза не сомневалась, что ей срочно потребуется предпринять что-то в профессиональном плане — нечто такое, о чем бы все разом заговорили. Ну а помимо всего прочего, она поправилась на семь килограммов, частично из-за того, что перестала наконец пригоршнями глотать таблетки.

В августе 1984 года она планировала выступить вместе с Шарлем Азнавуром в Монте-Карло на благотворительном концерте в пользу Международного Красного Креста, но ее вес не давал ей покоя. И Лайза приняла решение: ей следует отказаться от того и другого — махнуть рукой на Монте-Карло и попытаться сбросить пару-тройку килограммов. Для этого она отправилась во Флориду в курортное местечко Помпано Бич, где и приступила к выполнению второй части программы. Правда, все это время из головы у нее не выходили ее брак и ее карьера. Друзья Лайзы с радостью восприняли известие, что, выйдя из клиники Бетти Форд, она вступила в общество «Анонимные алкоголики», однако вскоре, к их прискорбию, выяснилось, что заседания общества она посещать не собирается.

Если верить газете «Бостон Геральд», Элизабет Тейлор устроила ей за это настоящую головомойку. 2 марта 1985 года стало известно, что Лайза легла в так называемую Хейзелденовскую клинику в Миннесоте — еще один центр, известный своей программой реабилитации наркоманов.

Лайза решила доказать миру, что и в личном, и в профессиональном плане у нее снова все в порядке — и с этой целью всего через четыре месяца после выписки она предприняла напряженное турне по двадцати шести городам. И доказала, на что способна. Это были потрясающие концерты. Когда же гастроли остались позади, Лайза вознаградила себя тем, что частично вернулась к своей прежней бесшабашной нью-йоркской жизни — ее часто видели в обществе Майкла Джексона, чьи половые предпочтения тогда еще не стали предметом всеобщего интереса. Старая компания распалась, а их былое пристанище — «Студию 54» — прикрыли.

И все это время Лайза присматривалась, где бы еще она могла проявить себя. И нашла — в истории о трагической судьбе молодой женщины, которая борется за жизнь сына, страдающего мышечной дистрофией. То была душераздирающая драма, в духе тех, кто делал телефильмы в эру Салли Джесси и Донахью. Мэри-Лу Вейман, женщина, чья судьба была положена в основу

повествования, написав автобиографическую книгу, продала затем телевидению права на экранизацию. Ее жизнь заинтересовала Лайзу, и та решила во что бы то ни стало сыграть Мэри-Лу. Лайза провела немало времени, общаясь со своим прототипом, пытаясь понять ее гнев, боль, отчаяние, чтобы затем воплотить их в ленте «Время жить». Картина вышла на телеэкраны 28 октября 1985 года и оказалась довольно успешной — по крайней мере, Лайза удостоилась за нее второго «Золотого глобуса».

1985 год подходил к концу. Лайза постепенно втягивалась в старый, саморазрушительный загул, и все ее болячки снова дали о себе знать. В начале 1986 года она опять оказалась в клинике Бетти Форд, чтобы заново пройти курс лечения. Возможно, первая попытка оказалась для нее не слишком удачной, даже несмотря на курс реабилитации в Хейзелденском центре, однако сама Лайза считала, что ей стало намного лучше и она добилась кое-каких успехов.

Как она заявила одному репортеру: «Мне кажется, главная перемена в моей жизни состоит в том, что я больше не напугана, как то бывало раньше. Мне теперь ничего не страшно. Я больше не боюсь встречаться с новыми людьми, я наконец избавилась от преследовавшей меня по пятам тревоги — вы представить себе не можете, какое это счастье! Ведь, когда вы больны, вера ускользает от вас».

И вот теперь, вновь обретя эту веру, Лайза предприняла новое ностальгическое турне — гастроли по Великобритании с заключительным концертом в лондонском «Палладиуме». Она остановилась в отеле «Савой» вместе с Марком — создавалось впечатление, будто их брак снова пошел на лад. Что касается состояния самой Лайзы, то оно улучшилось до того, что она впервые в жизни перестала нервно грызть ногти!

В Лондоне Лайза даже посетила заседание общества «Анонимных алкоголиков». Один из его участников рассказывал следующее: «Лайза поднялась и поведала собравшимся о своих былых проблемах. Для многих это явилось существенной поддержкой — своим рассказом она вселила в нас веру в свои силы».

Турне по Великобритании, включавшее концерты в таких городах, как Манчестер, Брайтон и Бирмингем, закончилось выступлением в лондонском «Палладиуме» 2 марта 1986 года. Сразу же после него Лайза перенеслась в Атлантик-Сити, чтобы принять участие в программе, которая вскоре стала для нее ежегодной, появившись на пару с Фрэнком Синатрой. Позднее они объединят силы на концертах и в телешоу с Сэмми Дэвисом-

младшим — и их трио будет вызывать у публики неизменные восторги. Синатра в свое время был приятелем еще Джуди и знал Лайзу с самого ее рождения. Лайза же гордилась тем, что ей выпало счастье выступать с живой легендой.

В начале мая совместная программа Синатра-Миннелли продержалась почти неделю. Жизнь Лайзы решительно менялась к лучшему, если бы не одно печальное обстоятельство — пошатнувшееся здоровье ее отца. После выступления в Атлантик-Сити Лайза предприняла еще серию концертов по Америке и Европе. В Индианаполисе ее застала весть о том, что ее восьмидесятитрехлетний отец серьезно болен. Отменив все концерты, Лайза бросилась в нему в Лос-Анджелес. Винсенте страдал синдромом Альцгеймера, однако забота жены и двух дочерей сказалась на нем благотворно. Лайза провела рядом с отцом два дня, уверяя его, что он поправится. Она также рассказала Винсенте, что ее отношения с Марком наладились, и они еще не потеряли надежду обзавестись ребенком.

25 июля Лайзе показалось, что отец пошел на поправку и она еще может успеть на самолет, чтобы вылететь во Францию, где у нее был запланирован очередной концерт. Увы, она ошиблась. Когда она находилась в небе над Атлантикой, ее отец вечером тихо ушел из жизни. Причиной смерти явилось роковое сочетание пневмонии и эмфиземы, которая, в свою очередь, была следствием его многолетнего пристрастия к сигаретам.

* * *

Фрэнк Синатра — это странное сочетание имиджей, но именно в нем Лайза нашла поддержку, когда сильнее всего в ней нуждалась. Синатра — это также редкой силы исполнительский талант, снискавший себе немалое количество горячих поклонников, но вот его личная жизнь — совершенно иное дело. В глазах публики это «крутой парень», знающий себе цену и не чурающийся связей с мафией. Прозванный «Председателем Правления» «крысиной стаи» льстецов-прилипал вроде Сэмми Дэвиса-младшего и Дина Мартина, он изо всех сил пытается оправдать данный ему титул. Притчей во языцех стала его грубость по отношению к прессе, как, впрочем, и ко всем тем, кто каким-то образом пытается вмешиваться в его «царскую вотчину». Синатра без тени смущения на публике называет женщин — девками.

И тем не менее, в личной жизни это ранимый замкнутый человек, склонный уходить в себя, на редкость чувствительный и

верный в дружбе. Он — безымянный жертвователь различным благотворительным организациям и общественным фондам, и нередко помогает знакомым, если те не в состоянии позаботиться о себе — так, например, говорят, что именно он заплатил за то, чтобы тело Джуди было перенесено в склеп, когда все вокруг отнекивались от этой обязанности.

По незримому «голливудскому телеграфу» Синатра узнал о смерти Винсенте, как и о том, что Лайза, ни о чем не ведая, летит в Париж. Он опасался, как бы, выйдя из самолета в Ницце, она не оказалась взятой в кольцо стаей нахальных репортеров. Тогда весть о смерти отца обрушится на нее, как снег на голову. Синатра тотчас связался по телефону с аэропортом, чтобы сообщить Лайзе прискорбное известие, прежде чем ее со всех сторон атаковали газетчики. Он попытался сделать это как можно мягче.

И тем не менее весть о смерти отца застала Лайзу врасплох — Господи, он умер всего через несколько часов после того, как она попрощалась с ним. Однако Лайза успела на обратный рейс в Лос-Анджелес.

Там ей предстояло пережить еще одни горестные похороны, которые были тем горше, что и здесь столкнулись интересы разных членов семьи. Лайза и Ли вместе взялись за организацию похорон, однако никто почему-то не счел нужным поставить в известность Тину-Нину, и та оставалась в полном неведении, что отец умер. Этому можно найти два объяснения — либо в суматохе об этом просто позабыли, либо решили повременить до тех пор, пока все детали не будут улажены, чтобы освободить Тину от ненужных печальных забот. «Я узнала, что Ли с Лайзой готовятся к похоронам, и никто при этом не спросил моего мнения», — рассказывала она.

Вскоре, как и в случае с Джуди, возникла одна серьезная проблема — как поступить с телом покойного. И Джуди, и Винсенте настаивали на том, чтобы их кремировали. По словам Тины-Нины, Винсенте оставил записку, в которой говорил, что родственники могут поступить с его прахом как сочтут нужным. Но, как и в случае с Джуди, никто и слышать не желал о кремации. И Ли, и Лайза придерживались мнения, что Винсенте надо предать земле, как и подобало такому человеку, как он. Тина-Нина, наоборот, считала, что необходимо выполнить отцовскую волю. Но Лайза решила, что в первую очередь следует прислушаться к голосу живых.

Вот что вспоминает Тина-Нина: «Я поговорила с Лайзой, напомнила ей, что папа не хотел никаких похорон, никакой заупокойной службы. На что она сказала, что таково желание его

родных и близких. Ли также хочет устроить пышные похороны, потому что папа был замечательным человеком. У меня создалось впечатление, будто эти похороны — часть шоу-бизнеса».

Через пять дней после кончины Винсенте в Мемориальном Парке «Форест Лаун» состоялась торжественная, со вкусом обставленная церемония. «Форест Лаун» с его прекрасным ландшафтом, усеянным изящными скульптурами, мозаичными стеллами и другими произведениями искусства, — это место не только последнего успокоения голливудских знаменитостей, но и паломничества туристов, одно из трех самых популярных в Южной Калифорнии. Винсенте не похоронили в Беверли-Хиллз, потому что в Беверли-Хиллз никого не хоронят — городские власти не разрешают устраивать здесь кладбище.

Заупокойная служба состоялась в часовне, руководил ею священник Джордж О'Брайен. Попрощаться с Винсенте и проводить его в последний путь собралось около полутора сотен человек, включая родных и близких. Вот как описывает это Стивен Харви, летописец и хроникер кинотворчества Винсенте: «То была одна из тех пышных церемоний, которой Голливуд удостаивает своих великих покойников. Три поколения местных знаменитостей столпились в часовне «Форест Лаун», чем-то ужасно напоминавшей декорации к его картине «Бригадун».

Среди пришедших разделить скорбь присутствовали как звезды, так и близкие друзья. Кирк Дуглас и Грегори Пек произнесли речь. Дуглас назвал Винсенте чудесным человеком с долей загадочности в характере и привычках. Пек превозносил творческие заслуги покойного.

А вот как Харви отзывается об упомянутой Дугласом загадочности Винсенте: «Дуглас заметил, что, несмотря на долгие годы сотрудничества и дружбы, в натуре Миннелли оставалось некое недосягаемое для окружающих ядро, в которое он не желал никого допускать. Что, по всей видимости, и к лучшему, ибо, возможно, именно из этого сокровенного тайника режиссер черпал вдохновение, и, разумеется, Миннелли менее остальных был способен объяснить эту загадку. Его картины можно рассматривать как составной автопортрет и зеркало, в котором отразились место и время становления его «я». И, как заявил сам Миннелли в своей прощальной ленте, это зеркало само по себе должно быть прекрасным».

Эва Габор рассказывала о событии одновременно загадочном и художественном, которое наводило на мысль, будто мэтр лично предусмотрел специальные эффекты на своих собственных похоронах. Вот что она вспоминает: «Любимым цветом Винсенте был желтый, и поэтому в последний путь его нарядили в желтый

блейзер и хоронили в открытом гробу. И вдруг из кармана этого блейзера выпорхнула желтая бабочка и облетела головы собравшихся».

Из всех родных и близких тяжелее всех дались Эти похороны Лайзе. Если верить Тине-Нине: «Перед тем как ехать в церковь, Лайза шепнула мне, что эти похороны для нее — мучительное испытание, ведь теперь она осталась на белом свете одна».

Когда траурный кортеж прибыл в часовню, Лайзе стало плохо, и лишь благодаря поддержке сестры она каким-то чудом сумела взять себя в руки и выдержать всю заупокойную службу. Для Тины-Нины, как и для большинства собравшихся, это была лишь трогательная, исполненная достоинства церемония, которая, слава богу, вскоре закончилась. Затем, когда они отправились к месту погребения, лимузин, в котором сидели сестры, остановился, и в него подсел Майкл Джексон. Если верить Тине-Нине, он и Лайза тут же в машине начали обсуждать детали своего будущего совместного проекта. Тина-Нина якобы не могла взять в толк, что, собственно, происходит, даже после того, как все присутствующие вернулись в дом Миннелли в Беверли-Хиллз на поминки.

Тина-Нина и Лайза еще несколько дней пробыли вместе. Они признались, что ревновали друг друга, соперничая за внимание и любовь покойного отца. Однако Тина-Нина так и не смогла примириться с тем, что скромные похороны, о которых просил отец, превратились в абсурдный голливудский хэппенинг.

«Эти похороны были задуманы как нечто грандиозное, — рассказывает она. — Для меня это тяжкое зрелище, ведь мне было прекрасно известно, что папа не хотел никакой шумихи. А тут все, наоборот, завершилось в духе голливудских официальных приемов — сплошные знаменитости, шведский стол, напитки… Моего отца больше не было в живых, но я знала, что он бы этого не одобрил».

Похороны Винсенте послужили для его родных поводом после долгих лет собраться наконец вместе. У Тины-Нины было двое детей, которых Лайза не видела в глаза, с матерью Тины-Нины, Жоржет, второй женой Винсенте, они не виделись уже многие годы. Они попытались устроить нечто вроде совместного обеда, на котором, кроме Лайзы, должны были присутствовать Марк, Лорна со своим мужем Джейком, Сид Люфт с женой, Жоржет и Тина-Нина. Событие состоялось в ресторане на Бульваре Сансет, известном пристанище голливудской музыкальной тусовки. Джейк и Марк так и не появились. Компания чинно провела вечер, после чего, по словам Тины-Нины, Лайза больше не пожелала с ней знаться.

Лайза против Тины-Нины. Война за наследство

Незадолго до своей кончины Винсенте снял со счета и истратил всю свою эмгээмовскую пенсию, так что в последнее время Лайза посылала ему с Ли деньги, не говоря уж о том, что именно она платила по закладной за их дом в Беверли-Хиллз. После смерти Винсенте этот дом оказался единственной ценностью из всего его наследства. Оценивался он в 2,5–3 миллиона долларов. И вот теперь, когда Винсенте уже не было в живых, две из трех близких ему женщин — жена Ли и дочь Тина — фактически остались без средств к существованию. Лайза была единственной из них троих, кто самостоятельно зарабатывал себе на жизнь.

Стоит ли удивляться, что вопрос о деньгах превратился для Ли и Тины-Нины, по сути дела, в вопрос о жизни и смерти.

Винсенте — теперь остается только гадать, почему (не исключено, что он решил, будто мать и тетка будут в состоянии позаботиться о Тине-Нине и двух ее детях) — оставил младшей дочери всего пять тысяч долларов. Дом же в Беверли-Хиллз он завещал Лайзе, с условием, что Ли может оставаться в нем, сколько сочтет нужным. Само собой разумеется, этим было положено начало конфликту. Тина-Нина начала с того, что отказалась поставить свою подпись под документом, в котором Лайза назначалась распорядителем завещанного имущества.

«Лайза тогда сказала мне: «Не бери в голову, я о тебе позабочусь, — рассказывала Тина-Нина. — Но я ей не поверила и решила опротестовать завещание. Завещание составлял адвокат Лайзы, и папа его не подписывал. Он вообще уже не мог держать ручку в руках, и все письма за него подписывала Ли. Он не только не мог ничего больше писать, он, даже разговаривая по телефону, случалось, забывал, с кем говорит, — такое на него находило помутнение рассудка. Поэтому Ли всегда старалась первой снять трубку и вела за него разговоры, отвечала на все его письма. Она всегда оказывалась рядом, выступая для папы кем-то вроде переводчицы. Мы с отцом могли бы общаться при помощи взглядов, прикосновений или перебрасываясь парой-тройкой слов, но Ли просто не оставила нам такой возможности».

Тина-Нина считала, что ее попросту выставили за порог. Ли с Лайзой против нее в сговоре. И дело было не только в деньгах. Вот что говорит она сама: «Я опротестовала завещание вовсе не из-за денег. Я поступила так, потому что пыталась выполнить то,

что действительно хотелось отцу. А он всегда хотел, чтобы дом достался нам с Лайзой на двоих. Отец не раз говорил мне: «Я хочу, чтобы ты знала — в моем завещании половина дома будет тебе, половина — Лайзе». Отец не стал бы мне этого говорить, если бы таковое действительно не входило в его намерения, а он говорил мне это не единожды. Он знал, что я испытываю финансовые затруднения, а Лайза же не нуждалась в деньгах, как я, не говоря уж о том, что мои дети — это его единственные внуки».

Для всех, кто имел отношение к этому спору, было непростое время. Лайза не хотела никого обижать, но одновременно считала своим долгом исполнить отцовскую волю. Тина-Нина, в свою очередь, считала, что правда на ее стороне, а Ли, Лайза и Марк сговорились против нее, и поэтому она решила стоять до конца — как ради себя самой, так и ради своих двоих малолетних детей.

Вот что она вспоминает: «Наконец, мы договорились между собой мирно, и мои дети также вошли в число наследников. Разумеется, это отнюдь не то, что мне на самом деле причиталось. Но я не хочу во всем обвинять Лайзу, так как она находилась под влиянием других людей. Да и между нами всегда шла борьба, кто из нас окажется сильнее. Лайза, насколько я помню, вечно ревновала меня, потому что всю свою жизнь мечтала быть единственной дочерью Винсенте Миннелли».

Юридическая сторона вопроса была улажена, а вот отношения между обеими сестрами испортились окончательно.

А между тем Лайза переключила свое внимание на другие вещи, в том числе и на свой неустойчивый брак. 22 сентября 1986 года она приняла участие в памятном вечере в честь своего отца в нью-йоркском Музее Современного искусства. Это торжество состоялось благодаря старанию Мартина Скорсезе и куратора отдела кинематографа Стивена Харви. В 1989 году Музей издаст книгу Харви, посвященную творческому пути Винсенте «Режиссер — Винсенте Миннелли». Харви начал работу над этой книгой в 1982 году, за четыре года до смерти мэтра, в тесном сотрудничестве как с самим режиссером, так и со всей его семьей.

В промежутке между 1943 и 1976 годами Винсенте снял 34 картины — исключительно для МГМ. Большинство режиссеров за годы своей карьеры, как правило, меняли не одну студию, но Миннелли был прочно связан контрактом с МГМ. Вот что пишет Харви: «Фильмы Миннелли были в числе самых престижных, самых популярных у МГМ… Все его работы отличает высокая художественность — именно этот его дар и стал в глазах студии той ценностью, ради которой они и сманили его на Запад».

Лайза и Марк теперь уделяли друг другу и своему союзу

больше внимания, а сама актриса вернулась к трезвой, размеренной жизни. Вскоре позвонил ее приятель Берт Рейнольдс, с предложением сделать с ним еще один фильм, «Наемный полицейский», съемки которого должны были состояться в Риме. Лайза с готовностью ухватилась за это предложение и вылетела в Италию, чтобы через шесть лет отсутствия вновь предстать перед камерой. Правда, ей все еще не давала покоя тяжба из-за наследства с сестрой, но, несмотря ни на что, она с головой окунулась в работу. Погода стояла ужасная — съемки пришлись на декабрь, — и Лайза, дабы оградиться от простуды и гриппа, горстями глотала витамин «С» — лишь бы, не дай бог, не свалиться от какой-нибудь хвори.

Когда в феврале 1987 года съемки наконец завершились, она вернулась в Лос-Анджелес, где ее ждали приглашения на разные приемы и вечеринки. Лайза выступила на благотворительном концерте и приняла участие в двух телепрограммах, в том числе и посвященной памяти отца — «Миннелли о Миннелли». В мае она возвратилась в Нью-Йорк, где у нее был запланирован концерт в «Карнеги-Холл». Чутье и вкус не подвели ее, и она в который раз с успехом воспользовалась старым рецептом — соединив костюмы от Хальстона с музыкой Эбба и Кандера.

Годом раньше Лайза отпраздновала сорокалетие и, вполне естественно, с бурной радостью восприняла отзывы об этой своей серии концертов. Оказалось, как сольный исполнитель она побила все рекорды, поставленные до этого в «Карнеги-Холле». Начиная с 28 мая 1987 года, Лайза блистала на его сцене в течение трех недель и привела в восторг как публику, так и критиков. После этого в августе она отправилась в турне по Штатам, и всякий раз ее встречали восторженные толпы поклонников.

В качестве типичного примера смеси восторгов и сентиментальности можно привести высказывание, сделанное Лиз Смит: «Потрясающее возвращение артистки, которая, собственно, никуда и не уходила, но зато пережила столько взлетов и падений, что мы, затаив дыхание, следили за ней. На сцену вышла озорная, невинная, глазастая Лайза, которую мы все эти годы знали и любили».

Клайв Барн, давний поклонник таланта Лайзы, писал: «В свои 40 лет Лайза Миннелли — звезда номер один, сливки, вершина, пик! Она появляется в блестящей хальстоновской мини-юбке, а ее прическа — это привычная взлохмаченность беспризорницы. Вид у нее потрясающий, глядя на нее, даже слюнки текут. Глаза ее мечут черные искры на фоне невинного кукольного личика, и эту душераздирающую ранимость только подчеркивает алое пятно

рта.

Ее красота — это одновременно красота ребенка и женщины: частично в зависимости от ее характера, от этих вечно сменяющих друг друга выражений доверия, любви, дружбы или просто открытости. Это то лицо, ради которого вам не жалко расстаться с последним пенсом. Это то лицо, все улыбки которого несут в себе также подтекст слез, а все слезы испаряются радугой. Самая искренняя веселость имеет под собой струю самой искренней печали. Это лицо — своеобразная карта противоречий. Кажется, будто свою ранимость Лайза выставляет напоказ всему свету».

9 августа Лайза начала турне по Америке концертом в Саратога-Спрингс, и вновь покорила американцев.

В середине ноября она вылетела в Лондон, чтобы выступить в «Альберт-Холле». От критиков не укрылось, что трезвость сказалась на ней благотворно — как на состоянии духа, так и тела; новые соблазнительные наряды, задуманные так, чтобы еще сильнее подчеркнуть красоту ее ног, льстили всей ее фигуре. Джек Хейли-младший, с которым они остались друзьями, был искренне рад ее перерождению. «Я знаком с нею с детства и еще ни разу не видел ее такой счастливой. Лайза обладает редким даром вновь находить в себе силы, удачно применять свои знание и опыт».

Что резко отличало Лайзу от матери — так это ее умение полагаться только на себя.

1 января 1988 года на экраны страны вышла лента «Наемный полицейский», но ее постигла та же участь, что и предыдущую работу Берта «Лаки Леди». Одно дело снимать фильм — это можно сделать с превеликим удовольствием, — но вот реакция публики оказалась довольно прохладной.

Тем временем Уолтер Йетникофф, глава фирмы «Си-Би-Эс Рекорде», устроил для Лайзы проект, в котором также был задействован дуэт из Великобритании «Пет Шоп Бойз». Запись «Я схожу с ума» стала первым хитом Лайзы со времен ее сингла «Ты создан для любви». С тех пор минуло двадцать пять лет.

После не слишком успешного выхода на большой экран «Полицейского» Лайза появилась на малом, сыграв в трех телеспектаклях, поставленных по пьесам разных авторов. Лейтмотивом всех трех стала фраза «Сэм выяснил», и поэтому общее заглавие звучало так «Сэм выяснил. Тройная пьеса».

Из этих трех спектаклей один представлял собой небольшой мюзикл, как всегда — детище Эбба и Кандера. Вот что писал обозреватель Кей Гарделла: «Миннелли, которая уже не раз доказывала нам, что ей по плечу как самая настоящая драма, так

и легкая комедия и мюзикл, осталась верна себе. Лайза показала класс буквально во всем».

Позднее, в том же 1988 году, Лайза Миннелли появилась в телерекламе — кстати, и здесь не обошлось без вездесущих Эбба и Кандера — для фирмы Эсте Лаудер. Вот как обосновал свой выбор представитель отдела рекламы компании: «Для Нью-Йорка Лайза то же самое, что Эдит Пиаф для Парижа». И этим сказано все!

А тем временем Лайза и еще один ее старый приятель по миру кино, Дадли Мур, затеяли снять продолжение «Артура». «Артур-II» — это история о том, как миллионер Артур Бах (Мур) и его невеста Линда (Лайза) становятся жертвами заговора, подстроенного той его старой подружкой, которую он бросил ради Линды в первой серии. Во второй серии Артур лишается всех своих миллионов и вновь берется за старое, но Линда оказывается бесплодной. Но, как и полагается в Голливуде, в конце картины Артур бросает пить и становится на путь праведный, и они усыновляют ребенка. Для Лайзы эта роль была исполнена особого смысла. В отличие от «Полицейского», который вышел на экраны примерно годом ранее, «Артур-II» удостоился положительных отзывов у критиков, а также имел кассовый успех. И хотя вначале обстоятельства складывались не столь удачно, к концу года все обернулось самым лучшим образом.

После этого Лайза вновь вернулась на сцену, дав вместе с Фрэнком Синатрой и Сэмми Дэвисом-младшим серию из одиннадцати концертов. Это трио, которому суждено было пожинать успех по всей стране, первоначально состояло из Синатры, Сэмми и Дина Мартина, но случилось так, что Мартин заболел и его заменили Лайзой. В итоге сочетание «Фрэнк-Лайза-Сэмми» превратилось в образцовый исполнительский состав со свойственными всем таким группам шутками, намеками, подначками, понятными только самим артистам. Для Лайзы это было великое дело. Вот что она рассказывает: «Нет, вы только представьте себе, что я стою на сцене с двумя людьми, которых знаю с детства, — с дядей Фрэнком и дядей Сэмми, и неожиданно до меня доходит, что мы выступаем одним ансамблем!»

Увы, многие из тех, с кем Лайза регулярно выступала на сцене или играла в кино, постепенно сходили с дистанции — годы и болезни брали свое. У Сэмми Дэвиса обнаружился рак горла, и ему срочно требовалась операция, после которой, увы, на карьере певца следовало поставить крест. Но Сэмми решил, что чему бывать, того не миновать, и, махнув на все рукой, продолжал петь. Однажды, когда им вовремя не принесли ноты,

Синатра за десять минут до начала концерта отменил шоу, опасаясь, что, не дай бог, забудет слова какой-нибудь песни. Хальстон был болен СПИДом.

Лайза отчаянно мечтала о ребенке, и это желание становилось острее, когда она видела Лор ну в окружении двоих детей — Джесси и Ванессы. Лайзе казалось, что многие из ее проблем разрешатся сами собой, если она забеременеет или, на худой конец, усыновит ребенка. Ведь ребенок не только позволит ей испытать радость материнства, но и тем самым избавит от гнетущего чувства одиночества. Кроме того, рассуждала она, ребенок изменит ее отношения с Марком, и оба они из двух полуотчужденных людей наконец-то станут настоящей, любящей семьей.

Однако решение усыновить ребенка не принадлежало целиком только ей. Она бы уже давно усыновила кого-нибудь, но Марк и слышать об этом не желал. Лайзе оставался единственный выход — забеременеть. В свойственной ей прямой, откровенной манере она решила сделать все, что в ее силах, чтобы довести задуманное до конца. И легла в клинику института «Омега» в Луизиане, где специализировались на лечении бесплодия.

Время перемен

Последние годы стали для Лайзы и тех, кто был рядом с ней, временем поразительных, а подчас и тревожных перемен. Одна из них, пожалуй самая главная, со всей очевидностью проявилась в январе 1989 года за обедом в Нью-Йорке, в разговоре двух братьев, которых объединял некий страшный секрет. Один из вышеназванных братьев — Боб Фроуик, выдающийся американский дипломат, о существовании которого даже не догадывались многочисленные знакомые второго брата. Ну а сам этот второй брат был не кто иной, как один из самых модных, самых почитаемых кутюрье Америки — Хальстон Фроуик, известный миру как просто Хальстон. За обедом в «Сто Первом» Хальстон поведал брату, что его анализ на ВИЧ-инфекцию оказался положительным, а значит, над ним нависла угроза СПИДа.

Боб поначалу отказывался понять, как это брата угораздило подхватить ВИЧ-инфекцию — как вообще взрослый человек может быть так неразборчив в связях и забывать о мерах предосторожности. На что Хальстон заметил, что при условиях соблюдения правильной диеты и размеренного образа жизни, а также благодаря новому медицинскому препарату AZT он проживет еще не один год. Но еще сильнее поддерживали его дух высокие отзывы мира моды о его работах. В статье от 21 апреля 1989 года в журнале «Уимен Веар Дейли», посвященной его творчеству, в частности, утверждалось: «Его четкий, по-настоящему американский стиль заставил говорить о себе на каждой крупной нью-йоркской презентации моды. Его дух вездесущ».

Начиная с ноября 1988 года, когда стали давать знать о себе первые симптомы, Хальстон то впадал в панику, то пытался внушить себе, что все в порядке и ничего, в сущности, не изменилось. Но через несколько дней его настиг очередной удар — предательство друга.

С 1976 года Энди Уорхол вел дневник, в котором подробнейшим образом освещал как свою жизнь, так и дела своих знакомых. Результатом этих трудов явился том объемом в 897 страниц, действующими лицами которого были 1366 знаменитостей, с которыми он вел беседы, развлекался, путешествовал, принимал наркотики. Этот дневник увидел свет весной 1989 года уже после смерти автора. Для Хальстона и его реноме эта публикация явилась тяжелейшим ударом — его имя упоминалось в дневнике более двухсот раз, и всякий раз речь шла

о таких вещах, как отношения Хальстона с его возлюбленным по имени Виктор Хьюго, его пристрастие к наркотикам, оргии, в которых он не раз принимал участие, его любовные связи с другими знаменитостями. Разумеется, не были обойдены вниманием и такие его подружки, как Бьянка Джаггер и Лайза, и каждой из них упоминание в пресловутых дневниках обошлось чертовски дорого.

Если верить Стивену Гейнзу, откровения Уорхола были для Хальстона смерти подобны: «По мере того как книга поднималась все выше в списке бестселлеров, Хальстон все сильнее злился на Уорхола и тех, кто опубликовал эти злосчастные дневники. В конечном итоге он распродал все картины своего друга по бросовым ценам, лишь бы только не видеть их у себя дома. А то, что не было продано, за так отдал Художественному музею Де-Мойна…»

Все то шаткое присутствие духа, на какое у него еще хватало сил перед лицом надвигающейся болезни, в один момент улетучилось, а вместе с ним исчезли и последние крохи собственного достоинства.

Вскоре после публикации этих дневников его здоровье резко пошатнулось, и месяц спустя он был впервые в срочном порядке госпитализирован с диагнозом СПИД — у него обнаружилась тяжелая форма пневмонии, осложненная саркомой Капоши.

Боб, узнав о госпитализации брата, поспешил к нему в больницу, и первое, что бросилось ему в глаза, это то, как ослаб, как осунулся Хальстон после того их январского обеда. «Я был просто в шоке от того, как ужасно он выглядел, и тогда я подумал, что брат долго не протянет. Он похудел, осунулся, и даже дыхание давалось ему с трудом».

Каким-то чудом Хальстон все-таки поправился и был выписан из больницы, однако по мере того как СПИД брал свое, еще не раз возвращался на больничную койку. Для себя он решил, что не хочет умирать в Нью-Йорке, и в один из периодов улучшения самочувствия улетел в Сан-Франциско. На протяжении вот уже нескольких месяцев у него не было никаких доходов, но денег ему пока хватало. Распродав свою коллекцию искусства и другие ценности, Хальстон с комфортом обустроился в отеле «Марк Хопкинс». Он приобрел себе «роллс-ройс» «Серебряное Облако», на котором колесил по ночным клубам, разбросанным вокруг залива, наслаждаясь — а это уж он наверняка знал — последними отпущенными ему на этом свете деньками.

Лайза звонила ему отовсюду, куда ее заносила работа, интересовалась его здоровьем. Хальстон неизменно уверял ее, что у него все в порядке, он счастлив и в отличном настроении,

несмотря на то, что призрак скорой смерти маячил перед ним все явственнее. Вполне естественно, что «Нэшнл Энкуайер» решил нажиться на ситуации, опубликовав материал под аршинным заголовком прямо на обложке:

«Лайза в шоке. Ее приятель модельер Хальстон умирает от СПИДа».

Хальстона так расстроила эта утечка информации, что он тотчас, будучи уже прикованным к коляске, покинул отель и переехал к сестре в Санта-Розу. Вскоре он снова попал в больницу, в Пресвитерианский медицинский центр. Вот как описывает это Стивен Гейнз в своей книге «Просто Хальстон. Нерассказанная история»: «Он всегда был одет в шелковую пижаму, знаменитый ярко-красный халат, и несколько раз в день ему застилали свежие, только что отглаженные льняные простыни. Палата, в которой он лежал, была довольно симпатичная, здесь имелся небольшой диванчик и огромное окно с видом на залив и мост «Золотые Ворота» вдали, и на каждом столике неизменно стояли глиняные горшки с белыми орхидеями». Вскоре его состояние ухудшилось, и когда наступил конец, то это воспринималось как избавление. Он покинул этот мир во сне 26 марта 1990 года в возрасте 57 лет, был оплакан семьей и близкими друзьями, в том числе и Лайзой Миннелли.

Из всех тех, кому он помогал и кто причислял себя к его друзьям, лишь Лайза присутствовала на скромной заупокойной службе, состоявшейся в Пресвитерианской церкви Голгофы, что на Филмор-стрит в Сан-Франциско. Десятью днями позже Лайза организовала памятный молебен в нью-йоркском Линкольновском Центре. Один из знакомых так подвел итог ее отношений с Хальстоном: «Ее преданность Хальстону — самое прекрасное, о чем мне доводилось слышать. Она всегда была его преданным другом, и когда практически все отвернулись от него, Лайза осталась верна».

В числе тех, кто счел свое присутствие на похоронах необязательным, был и давнишний возлюбленный Хальстона, его приятель Виктор Хьюго. За два месяца до кончины Хальстона Виктор подписал обязательство, что не станет опротестовывать завещание, продавать историю их многолетних, длиною в 17 лет, отношений, давать интервью или каким-то другим образом ставить близких Хальстона в неловкое положение. В обмен на это обещание ему причиталось наследство, выражаемое шестизначной суммой. Разумеется, Виктор быстро промотал деньги, нарушил контракт и предал своего бывшего возлюбленного.

Лайза позже вспоминала: «Последний раз я видела Хальстона

примерно за неделю до Дня Благодарения». Тогда он заранее отмечал с ней праздник у себя дома в Нью-Йорке, чтобы по-настоящему отпраздновать День Благодарения в кругу семьи в Санта-Розе. «Я тогда говорила, — продолжает Лайза, — что и это нелегко, и это нелегко, и все вокруг нелегко».

Хальстон же отвечал, что прожил замечательную жизнь, в которой были и успех, и друзья, и все то, что только можно себе пожелать. Он пристыдил Лайзу, сказав, что она просто не понимает, как ей повезло. Когда обед подошел к концу, они обнялись, пожелали друг другу доброй ночи, и Хальстон пообещал, что вернется к ней на Рождество или на Новый Год.

Больше она его не увидела.

Какими бы обидными не были дневники Уорхола, в них дано правдивое описание образа жизни, типичного для Лайзы и ее окружения в конце 70-х и большей части 80-х годов. Из этих дневников со всей очевидностью явствовало, почему Питер Аллен разошелся с Лайзой; они проливали свет на то, каковы должны были быть ее устремления, чтобы вращаться в том обществе, в каком она вращалась.

Лондонская газета «Экономист» от 29 июня 1989 года так описывала процесс создания и масштаб дневников: «Уорхол начал надиктовывать свои дневники в конце 70-х годов главным образом для того, чтобы вести учет расходам и не запутаться с налогами. Он продолжал их до самой смерти в 1987 году. Помимо расходов на такси и краски, в них содержится описание увлекшего его безумного водоворота мира искусства, развлечений, политики, моды и высшего общества. Все это служит лишь фоном для его подлинного интереса: грязное белье кумиров публики».

Стоит ли после этого удивляться, что такие персонажи, как Лайза, то и дело появляются на его страницах. Стиль Уорхола можно охарактеризовать так: «сука во время течки»; складывается впечатление, будто он поставил себе целью отомстить Лайзе, Бьянке, Хальстону, Кэпоту, Рубеллу и всем остальным. По содержанию эти дневники сравнимы с «Услышанными Молитвами» Трумена Кэпота, в которых также содержится много нелестных характеристик.

Вот что мы читаем в «Экономисте»: «Уорхол, наверняка, понимал, что никогда не был полноправным членом того общества, в котором он вращался на Манхэттене. Ему не хватало лоска, внешних данных. И это желание взять всех на крючок, особенно если учесть, что большая часть их магии достигалась при помощи зеркал, должно быть, неотступно преследовало его, и он не устоял. Тем самым мертвый Уорхол вдребезги разбил тех

самых идолов, которых живой Уорхол создавал».

Может показаться странным, что Уорхол, всей душой ненавидевший всякое притворство и лицемерие, долгие годы провел среди презираемых им людей. Жажда наживы, одолевавшая его, застилала ему глаза и не могла не сказаться на его взглядах и оценках. Уорхол признавался в своих дневниках, что ему не хотелось бы поливать грязью Хальстона, потому что Уорхолу и режиссеру Полу Мориссону в Хемптоне принадлежал дом, который снимал у них Хальстон, и поэтому автору дневников было как-то неудобно обижать жильца, от которого получал 40 тысяч в месяц. Как-то раз кто-то другой предложил ему 70 тысяч, но Уорхол отказался, потому что Хальстон обставил дом и поддерживал его в идеальном порядке.

Хальстон в свое время позволял Лайзе пользоваться этим домом в качестве места встреч с ее многочисленными любовниками, но в конечном счете Марку каким-то образом это стало известно. В отместку Марк, со своей стороны, предпринял попытку поссорить Лайзу с Хальстоном. Он сумел-таки убедить ее, что не следует появляться на церемонии вручения «Оскаров» в платье от Хальстона, а в узком мирке высокой моды это было подобно плевку в лицо мэтру. На какое-то время это действительно вызвало охлаждение в отношениях Лайзы и Хальстона.

Уорхол в своих дневниках дотошно фиксировал, как все свое внимание Хальстон временно переключил на Бьянку Джаггер. Вот, например, эпизод от 3 января 1978 года:

«Был у Хальстона. Хальстон и Бьянка на кухне что-то готовили вместе, и он тогда сказал, что в нем столько энергии, что он не прочь пойти потанцевать. Он вывалил на меня кучу сплетен — например, сказал мне, что накануне вечером в дверь позвонили. И кто бы это был? — Ну конечно же, Лайза Миннелли собственной персоной. Ее жизнь сейчас — сплошные неприятности. На днях идет она по улице со своим мужем, Джеком Хейли, и случайно им повстречался Мартин Скорсезе, с которым у нее сейчас роман, и Марти посреди улицы накинулся на нее с обвинениями, что у нее роман с Михаилом Барышниковым. Марти так и сказал: «Как она только может!» И все это на глазах у мужа, который стоит рядом! Хальстон сказал, что все это истинная правда, и еще что Джек любит Лайзу, но по-настоящему ему нравятся крупные, фигуристые блондинки. Так что, когда накануне в дверь позвонили, там оказалась Лайза в надвинутой на глаза шляпе, чтобы ее никто не узнал. И вот что она сказала Хальстону: «Дай мне всю наркоту, что у тебя найдется». И тогда он дал ей кокаина, несколько палочек

марихуаны, таблетку валиума, четыре таблетки еще какой-то ерунды, и все это в небольшой коробочке. После этого на пороге возникает другая фигура в белой шляпе — и целует Хальстона. Это был Марти Скорсезе собственной персоной. Все это время он прятался за углом».

Недели через три-четыре Уорхол был с Бьянкой на одной вечеринке в знаменитой «Дакоте» — доме, где проживало немало знаменитостей, в том числе Джон Леннон с Йоко Оно. Когда они с Энди ушли, Бьянке вздумалось по дороге заглянуть к Хальстону, чтобы там что-то забрать. Вот что пишет Уорхол дальше:

«Когда мы добрались туда, там под дверью стоял один смазливый парень в меховой шубе, а когда вошли в квартиру, то застали там Лайзу Миннелли. Она разговаривала с Хальстоном. Она спрашивала у него, нельзя ли ей и Барышникову — это он, оказывается, ждал за дверью — воспользоваться на какое-то время его квартирой. Как я полагаю, эта сцена не предназначалась для наших глаз. И до чего интересно, черт возьми, наблюдать, как две знаменитости прямо на ваших глазах вот-вот собираются заняться этим делом».

Журнал «Тайм» назвал уорхоловские дневники своеобразной хроникой той среды, в которой вращалась Лайза и ей подобные: «Эта книга позволяет глубоко заглянуть как в человеческую натуру, так и в наше время. В ту пору «Новое поколение» прожигателей жизни было в самом своем расцвете, а составляли его актеры, рок-звезды, манекенщицы, бездельники и завсегдатаи манхэттенского полусвета. «Студия 54» переживала свои лучшие времена, подогреваемая кокаином, откровенным разгулом гомосексуализма и неуклюжими попытками декаданса».

Хальстон скончался 26 марта 1990 года. И вскоре Лайза потихоньку начала терять старых друзей. Сэмми Дэвис-младший отошел в мир иной спустя всего пару месяцев. В 1990 году ее союз с Марком дал окончательную трещину. Когда-то они любили друг друга. Но Марку было не по душе постоянно находиться как бы в тени, и не раз случалось, что он избегал появляться в обществе своей знаменитой супруги, лишь бы только не выглядеть в глазах окружающих «Мистером Лайзой». Ну а кроме того, ему так и не удалось добиться ни успеха, ни денег как художнику. Приближался день Благодарения, но Марк решил для себя, что больше не обязан супруге никакой благодарностью, и перебрался от нее в Гринвич-Виллидж. Ближе к Рождеству газеты уже вовсю трубили, что Лайза и Марк живут порознь.

Лайза в свои сорок четыре года, несмотря на душевные травмы, а может и вследствие их, все еще продолжала заниматься своей профессиональной карьерой. Новый 1991 год она Ьылетела

встречать в Париж и провела какое-то время в гостях у Шарля Азнавура и его семьи — жены и троих детей. Это было горькое и одновременно радостное для нее время — по крайней мере, Лайза была избавлена от одиночества, которое наверняка ждало бы ее, останься она в Нью-Йорке.

Печаль во времена СПИДа

Лайзе исполнилось 44 года, и постепенно она начала как бы оттаивать. В тот вечер, когда она получила «Оскара» за «Кабаре», отец подарил ей золотую брошь в виде бабочки, которая когда-то принадлежала ее матери. Вскоре Лайза поняла, что счастьем и удачей надо делиться, а не пытаться загребать их себе целиком. И вот в марте 1991 года, за несколько дней до своего сорок пятого дня рождения, она отправилась проведать свою приятельницу Салли Киркленд, которая только что завершила сниматься в фильме «Мелани Роуз», и подарила ей на счастье золотую бабочку.

Через месяц Лайза стала второй женщиной, удостоившейся прижизненной награды «Фрайерз Клаб» за «Личный вклад» (первой была Люси Болл). Во время торжественного обеда, который состоялся в отеле «Плаза», Лайза, растроганная до слез, произнесла: «Мне трудно выразить словами, что значит не просто удостоиться подобной награды, но посмотреть по сторонам и понять, что я знаю всех этих людей всю мою жизнь».

Чего греха таить, Лайза с самого рождения была принята в талантливое, щедрое, отзывчивое братство, истинную цену которому она начала понимать сейчас. В 1990 году для церемонии вручения «Оскаров» Карл Мальден, президент Академии, решил, что Лайза во что бы то ни стало должна исполнить песню «Над радугой», чего она еще никогда не делала. Лайза наотрез отказалась, несмотря на все мольбы и увещевания Мальдена, что, мол, ее увидят миллионы людей. «Это песня моей матери, — заявила тогда Лайза, — и никто не исполнит ее лучше, чем Джуди». Тогда сделать это попыталась Дайана Росс, но Лайза оказалась права. Она никогда не бралась исполнять песни из репертуара матери, хотя со временем попробует и это — но позднее, когда у нее появится потребность черпать душевное успокоение в прошлом.

Все это время она продолжает посещать заседания клуба «Анонимных алкоголиков» и вести трезвый образ жизни. В 1991 году, выступая перед французской публикой, Лайза дала выход накопившимся чувствам, заговорив на французском языке о своих родителях, о том, сколь многим она им обязана. «Прошу вас, — обратилась она к аудитории. — Не надо, перестаньте! Вы всегда говорите о моем отце, о моей матери, о том, что я обязана им своей жизнью. Я люблю их, очень люблю, они всегда со мной, но я ведь уже не девочка — мне ведь уже сорок пять. По-моему, настала пора распрощаться с маленькой несмышленой Лайзой».

Примерно в это же самое время в Голливуде на «Дорожке Славы» появилась и ее звезда.

Чуть раньше, в 1991 году, была опубликована книга Джулии Филлипс, озаглавленная «Ты больше никогда не будешь завтракать в этом городе». Филлипс писала, что в 1975 году во время церемонии вручения «Золотого Глобуса» Лайза была накачана наркотиками. Лорна встала на защиту сестры, заявив следующее: «Это позорное утверждение, которым открывается книга, о вручении Лайзе Миннелли в 1975 году награды «Золотой Глобус» совершенно не соответствует действительности. Моя сестра Лайза вообще отсутствовала на церемонии вручения, потому что выступала тогда на Бродвее. В результате мне пришлось получать награду вместо нее. Вот вам пример недобросовестных измышлений, вышедших из-под пера мисс Филлипс. Не исключено, что порция кокаина, стоимостью в 120 тысяч долларов, которую мисс Филлипс, по ее собственному признанию, положила себе под нос за два месяца, малость затуманила ее так называемую «фотографическую память».

Вскоре Лайзе стало известно, что ее первый муж, Питер Аллен, умирает от СПИДа, и она поспешила к нему и попыталась утешить. Вот что вспоминает помощник Питера, Брюс Кадд:

«Лайза суетилась вокруг него. Она помогла ему на время вернуться к жизни, чтобы он не сидел один дома. Силы и упорства ей было не занимать». Его последние дни они провели за откровенными беседами, вспоминая, как когда-то, в былые дни, кутили ночи напролет. Конец наступил 18 июня 1992 года.

«Питер был чудесным человеком, — вспоминала Лайза позднее. — Я знала, что он болен, и оставалась возле него, но как ни готовься к этому заранее, его смерть была для меня ударом».

После того, как СПИД унес ее мужа и рок-звезду Фредди Меркюри, Лайза начала выступать на благотворительных концертах для таких организаций, как «Город Ангелов» или «Всемирный День СПИДа». Позднее, в интервью журналу «Ти Ви Гайд», она поделилась своими чувствами, рассказав читателям, что значит терять друзей, которых уносит то СПИД то рак, то сердечный приступ: «Обычно думают, что пока тебе не исполнилось шестьдесят, тебе еще рано терять друзей. А ведь многие из этих людей умерли совсем молодыми, СПИД никого не щадит. Это просто пытка какая-то. Мы с Питером были друзьями. Нам, собственно, и не стоило жениться, потому что нас с ним связывала великая дружба. Кончина Фосса тоже стала для меня ударом. Это был не первый его сердечный приступ, и я знала, что рано или поздно это произойдет — но только не тогда, не в тот день. И Гауэр — и это был удар. Но, как мне кажется,

мучительнее всего я переживала, когда не стало Сэмми (Дэвиса-младшего). И Хальстона. И затем Питера. Я не знала, что мне тогда делать, вернее, знала одно — надо что-то делать. Не сиди, шевелись, рассказывай, что у тебя на душе».

А затем еще один человек покинул все сужающийся круг ее знакомых и близких. Лорна, после восемнадцати лет замужества, решила, что ей пора оставить мужа, гитариста Джейка Хукера, потому что она влюбилась в некоего Колина Фридмана, английского пианиста.

В довершение ко всему до Лайзы дошло печальное известие, что ее бывший приятель и возлюбленный, Бен Верен, был сбит в Малибу каким-то водителем-лихачом, когда поздно ночью возвращался домой пешком по обочине дороги. Бен Верен был доставлен в больницу в тяжелом состоянии, однако постепенно его дела пошли на поправку, и через несколько месяцев он вернулся на Бродвей, чтобы сыграть Скруджа в постановке классического диккенсовского произведения «Рождественская песня».

В июне 1994 года Лайза вновь отправилась на гастроли — уж что-что, а это ей всегда удавалось. Вот что писала по этому поводу «Лос-Анджелес Таймс»: «Лайза уезжает из Штатов и держит прямой курс на Россию, где билеты на два ее концерта уже давно раскуплены. Лайзу во время турне неизменно сопровождает целая армия музыкантов, всякого рода помощников и ассистентов. Она настаивает на том, чтобы все путешествовали первым классом. Когда ее спросили, а не слишком ли большая это роскошь, ее огромные глаза сузились до щелочек: «То есть вы хотите сказать, если я вас верно поняла, что все эти люди должны месяцами трудиться до седьмого пота, мотаться по всему миру, помогая мне в моей работе, и при этом не имеют права путешествовать с комфортом?»

18 декабря сорокавосьмилетняя Лайза легла в лос-анджелесскую клинику «Сенчури Сити» на операцию по замене бедренной кости. Для многих это явилось неожиданностью. Мало кому было известно, что на протяжении десяти лет она страдала прогрессирующим артритом, но, превозмогая боль, продолжала танцевать. Ее прооперировал тот же самый хирург, который лечил Элизабет Тейлор и Анджелу Лансберг. За два дня до Рождества 1994 года Лайза вернулась домой и приступила к дальнейшему курсу лечения, после замены правой бедренной кости металлическим протезом.

«Сейчас мне намного лучше, — заявила она репортерам. — Я никому ничего не рассказывала, потому что мне было стыдно признаться. Не знаю, почему. Ну и, как обычно бывает, начинаешь

врать. Люди спрашивают: «Что у тебя с ногой?», а ты отвечаешь: «Да так, новые туфли». А теперь, когда я прохожу контроль в аэропорту, представляете, какой я поднимаю звон? Операция прошла просто великолепно, и впервые за последние пять лет у меня ничего не болит. Я проведу на костылях всего полтора месяца, и потом я могу снова делать все, что мне заблагорассудится».

К этому времени Лайза приняла решение вернуться в Лос-Анджелес, запланировав на май 1995 года открытие нового концертного турне. В апреле она объявила, что сыграет главную роль в фильме «Факел: Жизнь и времена Елены Морган». Морган, знаменитая блюзовая певица эпохи «Ревущих двадцатых», купив ресторанчик, начала приторговывать из-под прилавка спиртным, отчего у нее возникли нелады со служителями закона.

Первый концерт, который Лайза дала после перенесенной операции, состоялся в Центре сценического искусства «Серритос» округа Ориндж. Обозреватель «Лос-Анджелес Таймс» возвещал: «Лайза вернулась! И во всеоружии! Забудьте о пресловутой операции! Забудьте о перерыве в концертах. Отбросьте все сомнения на тот счет, как все это могло сказаться на ее карьере. Первый концерт Лайзы Миннелли из запланированных пяти стал блестящим подтверждением того, что перед нами звезда мирового класса!»

Более того, слегка утраченная ею подвижность счастливо компенсируется большим вниманием вокалу и драматическому образу. Вместо того чтобы ураганом носиться взад-вперед по сцене, Лайза словно стремится приблизиться к нам, ее походка теперь не лишена изысканности, ставшие классическими движения рук и пальцев вносят новые обертоны в ее лирическую интерпретацию. В результате от нее исходит некая проникновенность, доверительность, чего не было на ее предыдущих концертах, — неопровержимое доказательство того, что Лайза Миннелли вернулась в первые ряды звезд эстрады!

Лайза — вчера и завтра

Двенадцатого марта 1996 года Лайза отметила свое пятидесятилетие. Ей довелось пережить — одну за другой — утрату своих друзей и близких, и теперь она начала переоценивать и свою собственную жизнь. Горечь этих утрат — а среди тех, кто покинул ее, были отец, Хальстон, Питер Аллен и Сэмми Дэвис-младший — давила на нее тяжким грузом. Порой боль становилась почти невыносимой, и Лайза ловила себя на том, что плачет, вспоминая тех, кого давно уже нет в живых.

Как когда-то ее мать, Лайза пыталась найти временное утешение, развила бурную деятельность, чтобы только не предаваться пустым и горьким воспоминаниям о тех, кого нет. Она искала забвения, выступая с концертами в Лас-Вегасе, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе — где угодно, лишь бы имелись желающие ее слушать. Кто знает, может быть, ей было бы не столь тяжко, будь рядом с ней ее муж, Марк Геро, но и их пути разошлись. В 1991 году Лайза развелась в третий раз. Собственно говоря, их союз распался еще в 1989 году, но тогда ей было не до развода. Тогда она с головой окунулась в работу, готовя программу «Шаг к свободе» для выступления в «Радио-Сити». Премьера состоялась 23 апреля 1989 года, и успех превзошел всякие ожидания, побив все кассовые рекорды «Радио-Сити». Сборы от концерта, открывшего собой турне по 18 городам Америки, составили 3,8 миллиона долларов.

Успех, сопутствовавший Лайзе и ее программе «Шаг к свободе» в Мюзик-Холле нью-йоркского «Радио-Сити», способствовал и новому ее увлечению — на сей раз им стал Билли Стрич, ответственный за музыкальную аранжировку шоу. Стрич, на шестнадцать лет младше Лайзы, родился в 1962 году в Шугерленде, штат Техас, и одно время выступал в составе рок-группы «Монтгомери, Плант и Стрич». Он носил бороду, усы и очки и поэтому выглядел старше своих лет.

Лайза обладала редкой способностью создавать вокруг мужчин некую ауру, которая и на сей раз связала ее и Билли. Когда они познакомились, Билли выступал в клубе «Бобо», что на Сорок Второй улице. Каждый вечер после спектакля она оказывалась в числе его восторженных поклонников. Их отношения развивались дальше, причем Лайза, как то ей свойственно, целиком и полностью отдавалась любимому мужчине. Она даже исполнила с ним пару дуэтов для его альбома.

Нашумевшее шоу Лайзы «Шаг к свободе» было заснято на

пленку, но его постигла судьба многих ее предыдущих работ — издав негромкий хлопок, оно быстро исчезло из сознания американцев.

Вскоре после этого в американских газетах прошел слушок о том, будто Лайза и Билли обручились. Согласно утверждениям репортерши Лиз Смит, это произошло в Копенгагене. Но Лайза тогда еще была замужем за Марком Геро. Лайза позвонила журналистке из Германии. Жуя сосиску, Лайза по-дружески пожурила Лиз за то, что та опубликовала непроверенную информацию: «Мы просто развлекались в ювелирном магазине, покупая себе кольца и всякую ерунду. К нам подошел один парень и поинтересовался, не собираемся ли мы, случаем, обручиться. Мы сказали, что нет, но европейские газеты все равно напечатали эту историю. Ну как я могу с кем-то обручиться? Я ведь еще замужем».

17 декабря 1991 года, когда они с Билли вернулись в Штаты, Лайза подала на развод в Верховном Суде Манхэттена. Развод она получила без всяких хлопот — постановление вступило в силу уже 27 января 1992 года. В качестве официального обоснования выступал тот факт, что Марк Геро якобы оставил Лайзу в ноябре 1990 года, и с тех пор супруги жили раздельно.

В это время к Лайзе пришло осознание границ ее личных возможностей, что, безусловно, пошло ей на пользу. Вот ее собственные слова: «Как только начинаешь понимать границу своих возможностей, то возникает ощущение, будто кто-то преподнес тебе подарок. Как только тебе говорят, мол, можешь делать то-то и то-то, но только не это, то сразу все становится на свои места. Сегодня я отдаю предпочтение философии «одного дня за один раз» (этому она научилась в клинике Бетти Форд и у «Анонимных алкоголиков») — не стоит брать лишнее в голову. Единственный человек, кого я заставляла страдать, это я сама. Но коль я подводила саму себя, то и исправить положение могу только я. Да-да, вот так. Берешь и исправляешь».

В свои пятьдесят лет Лайза достигла многого, как в личном, так и в профессиональном плане. Оглядываясь назад на прожитые годы, вот как она сама оценивает свои достижения: «У меня есть один-единственный друг, с которым я никогда не расстанусь, — это я сама. Людям же хочется запустить меня в их собственную мясорубку, им хочется искромсать меня в мелкие кусочки и добраться до моих костей. В свое время они перемалывали косточки маме, но со мной этот номер не пройдет. Все почему-то считают, будто я скачу с места на место, как шарик в пинг-понге. Нет, пока что я в своем уме, я не какая-то там дурочка и в состоянии постоять за себя».

Лайза — независимая дама. Она живет в Нью-Йорке и по-прежнему вращается в ночных клубах. В мае 1996 года ее имя вновь оказалось в колонке скандальной хроники в связи с ее выходками в клубе «Ликвид», модном ночном заведении Ингрид Сезаре, известном вольностью царящих там нравов. Вот что пишет обозреватель журнала «Нью-Йорк»: «Эта полубезумная певичка принялась отплясывать на сцене, словно одержимая». Надо сказать, что на сей раз это состояние возникло без участия алкоголя. Завладев пультом диск-жокея, Лайза провела несколько часов, переключая кнопки и тумблеры цветомузыкальной установки и объявляя номера. Это был пресловутый синдром «ребенка в кондитерской лавке», некогда свойственный Хальстону, который он демонстрировал в «Студии 54». Вот что сказала тогда сама Лайза: «Раз Бьянке это можно было в «Студии 54», почему бы Лайзе не попробовать сделать то же самое в «Ликвиде»?

9 апреля 1996 года журнал «Нэшнэл Энкуайер» поведал о том, что Лайза, подобно матери, ищет на свою голову приключений, которые до добра не доведут, и что они с Лорной не желают знаться. Эта история тотчас вынудила Лайзу позвонить сестре в Лас-Вегас, чтобы заверить Лорну, что все в порядке. Лорна находилась в Лас-Вегасе с детьми и женихом, Колином Фридманом; она открывала программу Дона Риклса, посвященную его семидесятилетию. После звонка сестры Лорна поспешила заявить журналистке из «Ю-Эс-Тудей», Джинни Уильямс, что никак не ожидала ничего подобного, потому что Лайза не звонила ей уже больше года.

26 мая 1996 года в лас-вегасском клубе «Билли» Лайза открыла новую концертную программу. Это ее шоу в Лас-Вегасе было построено на материале последнего альбома «Нежно», мелодии которого уходят корнями в ее прошлое, в музыку предыдущего поколения. Среди произведений, включенных в этот альбом, такие «коронные» номера, как «Ты создан для объятий», «Я таю в его объятиях», «Это должен был быть ты», «Рано-рано утром». Для Лайзы все эти вещи исполнены особого смысла.

Вот ее собственные слова: «Обычно меня тянет на песни, в которых рассказывается о том, о чем в глубине души мечтаю я сама. Обычно это мощные, чуждые всякой сентиментальности, бодрые и энергичные вещи. Но, говоря по правде, песни этого альбома гораздо ближе к моему истинному «я» — сентиментальные, романтичные, порой даже глуповатые. Обычно я не исполняю таких песен на публике».

Альбом «Нежно» появился на свет благодаря автомобильной поездке по Западному Лос-Анджелесу, по той части Бульвара

Сансет, что обычно именуется «Стрип». Лайза, сидя за рулем, слушала «Таковы шансы» в исполнении Джонни Мэтиса и неожиданно поймала себя на том, что «ловит от этого кайф». Поддавшись настроению, она тотчас, что, впрочем, для нее типично, подрулила к первому попавшемуся на глаза магазину грамзаписи и, влетев внутрь, потребовала показать ей, где у них тут пластинки для души. Стоит ли удивляться, что в ответ на нее уставились изумленные работники магазина. Именно в этот момент ей пришло в голову сделать альбом из старых, добрых, душещипательных вещей, некогда, в пору ее детства, звучавших в исполнении таких ее закадычных приятелей, как Фрэнк Синатра, Сэмми Дэвис-младший, и других, кого она знала по Нью-Йорку и Голливуду. Выход этого альбома положил конец двухлетнему периоду бездействия, в течение которого Лайза дала лишь пару-другую концертов.

Она рассказывает об этом альбоме: «Я тогда еще подумала: «Господи, да я же помню эту песню наизусть. Я же под нее впервые в жизни целовалась». И мне подумалось: «Надо будет обязательно выпустить романтический альбом». Как здорово, если его сделать совсем незамысловатым, просто рояль, бас и ударные.

В жизни наступает такой момент, когда больше не хочется строить из себя бог знает что, наоборот, возникает желание сказать, как великолепно, что я живу на белом свете, где есть несколько по-настоящему замечательных песен, с которыми я выросла и которые помню с детства».

Лайзе хотелось бы попробовать силы в режиссуре — здесь на нее вдохновляюще подействовал пример отца: «От папы я унаследовала чувство целостности. Когда я готовлю концертную программу, то стараюсь взглянуть на нее как бы глазами зрителя. Для меня главное — как это будет смотреться из зала, как это будет восприниматься публикой, какой эффект произведет».

Сейчас в работе несколько картин о «Студии 54», где когда-то прожигали свои лучшие дни она, Хальстон, Энди Уорхол и Бьянка Джаггер. Режиссером одной из них выступает бывший помощник тамошнего швейцара Эл Корли, который позднее заявил о себе на актерском поприще, снявшись в телесериале «Династия». Вот что он вспоминает: «Это было лучшее из всех бродвейских шоу. Все сексуальные табу были отброшены. Народ веселился как мог».

По расчетам Корли, фильм должен выйти на экраны весной 1997 года и, по идее, сразит всех наповал.

Среди других фильмов, посвященных скандальной нью-йоркской дискотеке, есть и такой, в создании которого принимал участие один из «крестных отцов» этого заведения, Иан Шрегер.

Вот что рассказывает президент компании «Нью-Лайн» Майкл Де Люка: «Я только потому вступил в долю с Ианом, что у него остались права на название. Все остальные картины — так или иначе — тоже черпают вдохновение в «Студии 54».

В проекте еще несколько других потенциальных картин, в том числе и биография Хальстона, по книге Стивена Гейнза, в которой немалое количество страниц посвящено и Лайзе. Тем не менее, ни один из этих фильмов, по всей видимости, так и не будет снят в стенах самого легендарного клуба, поскольку теперь в его здании размещается центр семейного досуга с компьютерными играми и аттракционами под названием «Сайбердоум».

3 июля 1996 года Лайза и Дадли Мур начали турне по Штатам, приурочив его к 15-й годовщине выхода на экраны «Артура». Первой площадкой стал для них городок Холмдел в Нью-Джерси. По словам координатора программы Эдда Кассеса: «Их концерты привлекали к себе не меньше внимания, чем выступления Тони Беннета с его гитарой».

В турне Лайзу сопровождал оркестр в составе пятидесяти инструментов. Под его аккомпанемент она исполняла вещи из своего нового альбома, а Дадли выступал с джазовыми номерами и прочим ретро. Программа завершалась их дуэтом — «Темой Артура».

Все сошлись во мнении, что на вручении наград «Тони» за 1996 год Лайза выглядела просто великолепно. Вместе с Бернадеттой Питерс она вначале дуэтом исполнила знаменитую «Шоу продолжается», а затем вручила награду Донне Мерфи в номинации «Лучшая актриса мюзикла». Вскоре после этого она отправилась в концертное турне по Европе. Ну, а самое последнее ее романтическое увлечение, если верить слухам, — двадцатипятилетний австралийский актер по имени Саймон Крокер, который в начале 1996 года поселился у нее в Лос-Анджелесе.

«Я вечно сражаюсь за то, чтобы быть Лайзой Миннелли как на сцене, так и вне ее, — как-то раз заявила она. — Господь наградил меня талантом, и я не желаю быть по отношению к нему неблагодарной свиньей. Люди пытаются доказать, будто история повторяется. Но мама всегда учила меня, что это вовсе не обязательно. Она постоянно жаловалась, и, как результат, работа ее доконала. Нет, я не такая. У меня, в отличии от мамы, совершенно иные цели в этой жизни. Для меня жить — значит быть в гармонии с собой. Как мне кажется, именно этого недоставало маме».

Наконец-то Лайза может позволить себе роскошь исполнять вещи из репертуара матери просто в память о ее ярком, радужном

образе, не испытывая при этом никакой неловкости — а вдруг кто-то возьмет и заподозрит ее в подражательстве. Теперь она в состоянии заявить миру — и, что более важно, самой себе:

«Мама была неподражаема, и вот — те вещи, что она исполняла; а я — Лайза, ее дочь, и горжусь этим».

Джуди Гарленд вспоминают до сих пор и по другим случаям. В декабре 1996 года художественно-развлекательный канал транслировал двухчасовую документальную ленту, посвященную ее творчеству, а в ноябре фирма грамзаписи «Капитал Рекорде» выпустила комплект из семи компакт-дисков.

Кроме того, Лайза наконец-то научилась философски воспринимать свою внешность — чего никогда не удавалось ее матери. Время от времени кое-кто из критиков позволяет себе резкие замечания в ее адрес, но в целом публика воспринимает Лайзу как вполне симпатичную длинноногую эстрадную певицу.

Иллюстрации

Отец, мать, дочь (1946 г.)

Две Лайзы: четырехлетняя Лайза со своей куклой (1950 г.)

Лайза и пони — будущей актрисе четыре года

Отец и дочь — минута нежности

Джуди Гарленд с детьми — Лайзой, Джой и Лорной (17 сентября 1956 г.)

Бесподобный квартет — Джуди, Лорна, Джой, Лайза

Лайза и Винсент Миннелли

Мать и дочь

Джуди Гарленд и Лайза Миннелли на репетиции (1964 г.)

Восемнадцатилетняя Лаиза и ее жених, 21-летний певец и композитор из Австралии Питер Аллен (1964 г.)

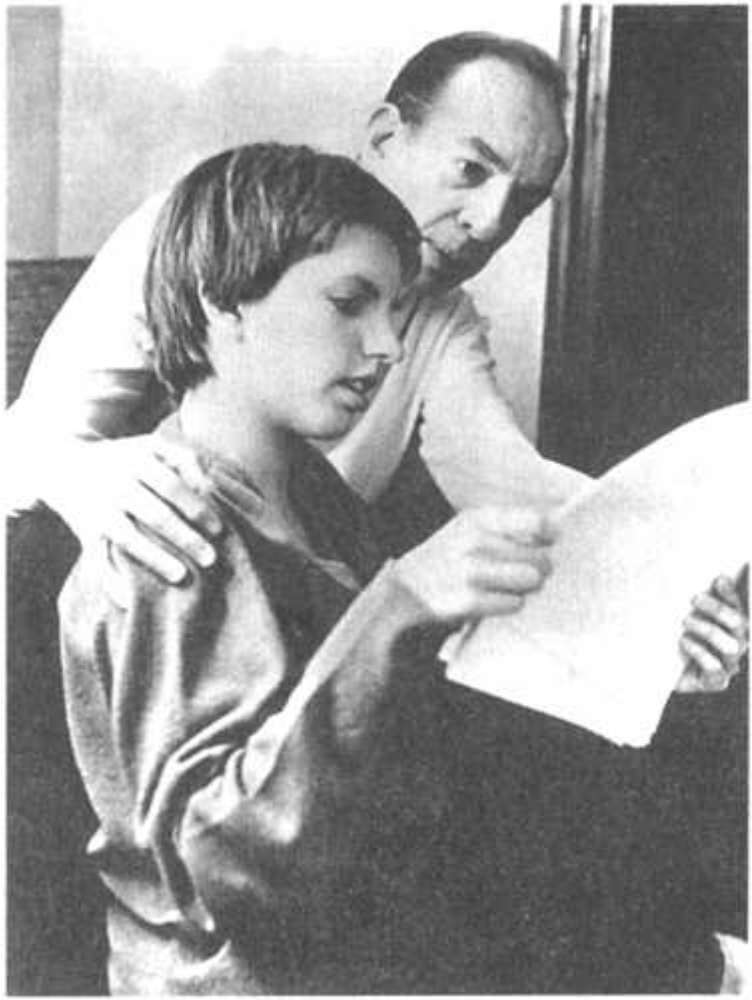
Лайза Миннелли и ее первый муж Питер Аллен

Лайза и Альберт Финни. Фильм «Чарли Бабблз»(1968 г.)

Лайза, Лорна и Джой перед концертом Лайзы в «Уолдорф-Астори» (1968 г.)

Лайза в фильме «Кабаре», ставшем ее своеобразной визитной карточкой (1972 г.)

Дези Арназ-младший и Лайза (1972 г.)



Винсент Миннелли и Лайза на съемках фильма «Бесплодная кукушка»

Лайза со своим новым мужем Джеком Хейли-младшим (1974 г.)

Лайзе — сорок пять (1991 г.)

Лайза Миннелли на благотворительном концерте

Лорна Люфт и Лаиза Миннелли

Лайза и Халстон в клубе «Студия 54»

Лайза и Бен Верин (1993 г.)

Обед в Белом доме — Лайза и Билли Стритч (1995 г.)

Лайза — все такая же (1995 г.)

Лайза в телешоу (июнь 1970 г.)

Лаиза и ее музыкальная группа (1970 г.)

Голливудские дети — Лайза и Дези Арназ-младший (1972 г.)

Лайза и Питер Селлерс (1972 г.)

Лайза и группа «Нью Сикерз» (1973 г.)

Лайза и Винсент Миннелли на церемонии вручения «Оскара» (1973 г.)

Новый дуэт — Лайза и Лорна

Отец и дочь — на презентации автобиографической книги Винсенте Миннелли

Лаиза в обществе друзей (1974 г.)

Лайза Миннелли, Джин Хэкмен и Берт Рейнольдс в фильме «Лакки Леди» (1975 г.)

Лайза Миннелли и Голди Хоун (1979 г.)

Фото справа внизу: Лаиза Миннелли и Дадли Мур на съемках фильма «Артур» (1981 г.)

Ее глаза смотрят вам прямо в душу

notes

1

Файер-Айленд — узкая песчаная отмель длиной 48 км. тянущаяся вдоль южного берега острова Лонг-Айленд. Место отдыха в мае-октябре.

2

«Большое Яблоко» — название Нью-Йорка.

3

Клуб «Заварной пудинг» — название драматического кружка студентов начальных курсов Гарвардского университета.

4

«Драйв-ин» — кинотеатр под открытым небом, в котором можно смотреть фильмы, не выходя из автомобиля.